

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
УКРАИНСКИЙ ЯЗЫКОВО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФОНД

А. И. Илиади

ОСНОВЫ СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

Киев
2005

УДК 811.16:81'373.6

Утверждено к печати ученым советом
Украинского языково-информационного фонда НАН Украины

Ответственный редактор
академик НАН Украины В. Г. Скляренко

Рецензент
д. ф. н. Е. С. Отин

Илиади А. И. Основы славянской этимологии. Киев: «Довіра»,
2005. 272 с.

В форме очерков последовательно излагается курс методики этимологических исследований славянских языков, описывается общая проблематика славянской этимологии. Приведенный в книге материал носит рекомендательный характер и может быть использован для составления лекционных курсов по славянской этимологии, сравнительной грамматике и истории славянских языков.

Книга адресована лингвистам, интересующимся проблемами этимологии, преподавателям филологических факультетов, студентам, прослушавшим преподавательские курсы «Введение в славянскую филологию», «Старославянский язык», «Историческая грамматика славянских языков».

ISBN

© А. И. Илиади

*Памяти моего отца
Илиади Ивана Ивановича посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древнейший лексический слой любого языка в содержательном отношении метафоричен, по существу, представляя собой совокупность «окаменевших» метафор, застывших образов. Ещё на заре изучения славянской культуры известный русский ученый А. Н. Афанасьев говорил: «возникавшее понятие пластически обрисовывалось словом, как верным и метким эпитетом»¹. Многие из слов, в основе которых, как показывают исследования их глубинной структуры, лежит какой-то зрительный образ, возникли вследствие табуизации, что дало возможность О. Н. Трубачеву сделать вывод о том, что «именно примату табуистичности, его преодолению и обыгрыванию с древних времен язык обязан своей глубоко имманентной метафоричностью, которую на каждом шагу помогает вскрывать этимология», ср. мотивацию славянских названий мыши и мухи: *тушь, *тиха: буквально — ‘серые’² (это подтверждается типологически данными литовского языка, где *pelė* ‘мышь’ дословно — ‘серая’).

Обо всем этом красноречиво говорят данные памятников письменности народов, имеющих древнюю литературную традицию, а также результаты этимологического анализа словарного состава языков, чью историю из-за относительно позднего появления у них своих графических систем приходится воссоздавать путем реконструкции: д.-ирл. (огамическое) *Bivaidonas* — личное имя, представля-

ющее собой композит из основ кельт. *biwas ‘живой’ и *aidonas — ген. к *aidū ‘жар, пыл, страсть’ (существительное *n*-основы), т. е. буквально — ‘пыл жизни, живой огонь’³; д.-гр. οἰσο-φάγος ‘пищевод’ (первая часть — супплетивная основа формы аориста и имперфекта к φέρω ‘нести, приносить’, а вторая (φάγος) имеет значение ‘любитель поесть, лакомка’), ψῦχο-δαίκτης — эпитет бога Диониса (непосредственно — ‘душераздирающий’, т. е. ‘оглушительно кричащий’)⁴, гр. ματόφυλλα ‘веки’ (из μάτι ‘глаз’ и φύλλο ‘лист, створка’, т. е. «створки» для глаз), ματόκλαδα ‘ресницы’ (сложение основ μάτι ‘глаз’ и κλαδί ‘ветка, ответвление’)⁵, д.-исл. *Fjör-sváfnir* — название меча (дословно — ‘Усыпитель жизни’: *fjör* ‘жизнь; тело; сердце’ и *sváfnir* < *svefja* ‘усыплять’)⁶, и.-е. *(e)*dont-* ‘зуб’ < ‘едящий’⁷ (активное причастие на *-ont-*) и т. п. Вскрытие, описание этой самой метафоричности, мотивов и способов табуизации (иносказательной характеристики того, что нельзя назвать прямо), тесно связанных с культурными традициями народов, и ставит своей целью этимологическая наука.

Разумеется, восстановление древнейшего комплекса мотивирующих значение признаков возможно лишь при наличии максимально четкого представления о первоначальной форме слова, когда однозначно определены границы корня, как носителя лексической семантики, и формантной, конкретизирующей, части, которые, в свою очередь, отождествлены с генетически и семантически соответствующими образованиями других языков. Для этого необходима тщательная проработка внешней стороны лексем, изучение их глубинной структуры, отмерших способов словопроизводства. Так что определение семантических истоков слов определенного языка — лишь одна из сторон результата этимологического исследования, призванного не только вскрыть семантическую первооснову, но и воссоздать реликтовый облик лексем, который они имели в эпоху, когда еще не существовало памятников письменности. Глубинный лингвистический анализ любого древнего компонента лексической системы позволяет окунуться в мир древнего словотворчества, непосредственно связанного с характером архаичного мышления, мировосприятия, о которых ранее можно было судить только по данным таких почтенных на-

ук, как археология или историческая антропология. В этом смысле возможности этимологии еще в 1948 г. лаконично, но метко сформулировал В. И. Абаев: «воссоздать до конца историю хотя бы одного слова — это значит в какой-то степени приблизиться к раскрытию тайны всей человеческой речи и мышления»⁸.

Предлагаемая вниманию читателей работа представляет собой развернутое изложение базовых принципов этимологического исследования славянской лексики, написанное с учетом основных достижений палеославистики. Её задача — дать начинающим исследователям, уже имеющим представление об истории славянских языков и целях сравнительно-исторического языкознания, необходимый минимум сведений о методике этимологии, иллюстрируя каждый постулат конкретными примерами. В примечаниях к каждому из параграфов книги дан список узкопрофильной литературы (в большинстве своем, доступной), в которой специально освещаются аспекты отдельных проблем славянской этимологии.

Несмотря на то что книга ориентирована на славистическую проблематику, некоторые из описанных в ней методических рекомендаций с успехом можно использовать и в работе над анализом словаря любого другого языка индоевропейской семьи, т. к. эти принципы сформулированы как результат практики в области сравнительно-исторических и этимологических исследований многими поколениями ученых-индоевропеистов. Предшествующие же опыты создания руководства по славянской этимологии принадлежат немецкому ученому Ф. Шольцу («Славянская этимология. Руководство к пользованию этимологическими словарями» Вейсбаден, 1966; после публикации книга была подвергнута обстоятельной критике Р. Айцетмюллером и О. Н. Трубачевым, который в своей рецензии на пособие Ф. Шольца дал список того, что должно быть описано в учебнике по этимологии) и чешским исследователям А. Эрхарту и Р. Вечерке, чьё «Введение в этимологию (для богемистов и других лингвистов)» (Брно, 1975) было отмечено как пособие, в котором рассказывается, как делать этимологии⁹. Естественно, нельзя обойти вниманием и выдержавшую неоднократное переиздание, постоянно дополняемую книгу Ю. В. Откупщикова «К истокам слова. Рас-

сказы о науке этимологии» (Москва), выполненную в виде ряда очерков, каждый из которых посвящен тому или иному аспекту методики этимологических исследований (иллюстративным материалом здесь выступает преимущественно лексика русского языка, реже — латинского, греческого и других). Наконец, последней попыткой популяризации этимологии стал учебник Л. А. Введенской и Н. П. Колесникова «Этимология. Учебное пособие» (М. etc., 2004). Основные вопросы, интересовавшие её авторов, это развитие русской этимологической лексикографии и работа с заимствованиями.

Славянская этимология располагает широким спектром вопросов, каждый из которых нужно рассматривать в отдельных аспектных работах, а не в границах вводного курса. Поэтому, по примеру известного зарубежного ученого-индоевропеиста О. Семереньи, мы не стали бегло касаться всех проблем, а лишь основательно осветили ограниченный их круг¹⁰.

Завершая предисловие, приведем слова венгерского этимолога Л. Киша, сказанные им в конце своего доклада о принципах этимологического исследования: «общая методика этимологических исследований не может быть панацеей, помогающей во всех затруднительных случаях и освобождающей исследователя от долга всестороннего анализа фактов и самостоятельного суждения»¹¹.

---

¹ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1994. Т. I. С. 6.

² Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. С. 202.

³ Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984. С. 122, 121, 116—117.

⁴ Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. II. С. 1161, 1710, 1801 (имя ψῦχο-δαίκτης, как и слова типа *водонос*, репрезентует один из древнейших видов словообразования, т. е. сложение основ существительного и причастия, ср. функциональное тождество положительного компонента причастиям действительного залога настоящего

времени; подробнее см. Десницкая А. В. Архаичные черты в индоевропейском словосложении // *Язык и мышление*. М.; Л., 1948. Т. XI).

⁵ Белецкий А. А. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). К., 1950. С. 38.

⁶ Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М., 1955. С. 233.

⁷ Трубачев О. Н. Там же.

⁸ Абаев В. И. Понятие идеосемантики // *Язык и мышление*. М.; Л., 1948. Т. XI. С. 14.

⁹ Подробнее см.: Трубачев О. Н. [Рец. на:] F. Scholz *Slavische Etymologie. Eine Anleitung zur Benutzung etymologischer Wörterbücher*. Wiesbaden. 1966 // *Этимология*. 1968. М., 1971. С. 251–256; Варбот Ж. Ж. [Рец. на:] A. Erchart, R. Večerka. *Úvod do etymologie (pro bohemisty i ostatní lingvisty)*. Univerzita J. E. Purkyně. Fakulta filozofická. Brno, 1975 (ofsetový tisk) // *Этимология*. 1977. М., 1979. С. 174–177.

¹⁰ Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / Пер. с нем. Б. А. Абрамова. Под ред. и с предисл. Н. С. Чемоданова. М., 1980. С. 46.

¹¹ Киш Л. О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов // *Этимология*. 1967. М., 1969. С. 70.

1. ЭТИМОЛОГИЯ КАК НАУКА

1. Из истории этимологии. Среди современных лингвистических направлений этимологию определяют как науку о происхождении языковых элементов, а именно — слов, аффиксов и (в меньшей степени) фразеологических единиц. Впервые термин этимология был употреблен стоиком Хризиппом (д.-гр. *ετυμολογία* 'учение об истинном, основном значении слова'), после чего он перекочевал в работы других позднегреческих авторов, откуда и был заимствован латинскими грамматистами. В частности, Варрон в своем труде «*De lingua latina*» определил этимологию как раздел грамматики, изучающий то «почему и откуда происходят слова»¹.

Своим возникновением этимологическая наука обязана стремлению мыслителей древности понять и описать механизм мотивации значений слов, понять способы их построения. Акт разделения античными грамматиками (александрийцами) слов на производные и непроизводные, можно считать первыми шагами к построению этимологической методологии. Например, в труде Дионисия Фракийца (около 170—90 гг. до н. э.) «*Τέχνη γραμματικῆ*» выделялось два «вида» глаголов и мен, которые в терминах современной науки можно квалифицировать как производящие и производные (среди семи производных «видов» имеются два, которые характеризуют направление деривации — отыменный и отглагольный). Ученый проводит четкое разделение имен на отыменные (*παρωνυμῶν*) и от-

глагольные (ρηματικόν), глаголы же он делит на два «вида»: первичный и производный (ср. ἀρβω и ἀρβεύω ‘орошаю’). Эти наблюдения чрезвычайно важны для практики словообразовательного анализа как предпосылки для этимологического, т. к. сообщают сведения касательно строения и направлений развития слов. Особое значение в связи с этим приобретают выделенные Дионисием Фракийцем «образы» (σχημα) слов (по три для имени и глагола), при помощи которых характеризуется морфемное строение слов (простое и составное или сложное) и отношение «основы» к её производным².

Грамматики той древней эпохи ставили целью найти первооснову слов, так называемый этимон (ἐτιμον ‘истинное’) — первичное слово и значение. Для этого и разрабатывалась система подходов, направленных на разложение слова на составные части и выделение в итоге корневой, непроемной (конечной) в древнегреческом или латинском языках основы. Объяснить же, откуда последняя происходит и из чего, на том уровне развития языкознания, когда далеко еще было до открытия сравнительно-исторического метода, учёные той эпохи затруднялись. Поэтому большинство попыток объяснить происхождение слов с элементарными (корневыми) основами или с утраченными в письменный период словообразовательными (а чаще — параллельно с вызванными ими фонетическими изменениями) связями заходило в тупик.

До времени возникновения сравнительно-исторического метода (нач. XIX в.) к проблеме толкования слов относились с большой долей скепсиса. Достаточно процитировать слова блаженного Августина, чтобы получить представление о том, какой научный уровень имели отдельные разрозненные этимологии, выдвигавшиеся мыслителями прежних времен с целью понять слово в себе и раскодировать заключенную в нем информацию: «С происхождением слов дело обстоит так же, как и с толкованием сновидений: каждый толкует их по своему разумению»³. Даже при достаточно высоко развитом европейском языкознании Средневековья с его четкими представлениями о структуре языка, унаследованными от античных авторов, этимология не воспринималась как серьезная дисциплина. Появление сравни-

тельно-исторического метода стало той теоретической базой, благодаря которой «словотолкования», разрозненные и неумело сформулированные, стали этимологическими исследованиями, опирающимися на научную методику. Выводы Ф. Боппа, полученные в результате сравнения им корней и флексий санскрита с корнями и флексиями других индоевропейских языков, приведшие к мысли об их родстве, а также подобные выводы Р. К. Раска (его работа «Исследования в области древнесеверного языка или происхождение исландского языка» имеет раздел, посвященный этимологии) наряду с трудами Я. Гримма и А. Х. Востокова стали основополагающими для этимологии. С этого времени начинается отсчет эры научной этимологии, опирающейся на систему звуковых корреспонденций в родственных языках, на понятие членимости слова, на разнообразие семантических процессов, протекающих в словаре.

Современная этимология славянских языков является одной из наиболее разработанных среди родственных историко-лингвистических дисциплин, объектом изучения которых является материал других индоевропейских языков. Её подъем в конце XIX — начале XX вв. в первую очередь связан с именами А. А. Потебни (серия этимологических исследований в цикле его работ «К истории звуков русского языка»), А. А. Шахматова (этимологический взгляд на явления славянской исторической фонетики в книге «К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях». СПб., 1903), Г. А. Ильинского (обширные этимологические исследования в области славянской лексики «Славянские этимологии», опубликованные в выпусках «Известий отделения русского языка и словесности императорской Академии наук» и «Русского филологического вестника» разных лет), К. К. Бути (серия статей «Славяно-балтийские этимологии» в Русском филологическом вестнике), Б. М. Ляпунова («Этимологические исследования в области древнерусского языка» в Русском филологическом вестнике. 1916. LXXVI/2), А. И. Соболевского, А. Г. Преображенского, Ф. Миклошича, Э. Бернекера (последние трое создали первые этимологические словари славянской лексики, основанные на жестком научном подходе) и, в некоторой степени, с разработками Й. Зубатого и

Р. Траутманна (его поисками древних балто-славянских лексических тождеств). На новый, качественный, уровень славянская этимология вышла в 40—90 гг. XX в. Это время этимологических теорий и разработки концепций этимологических словарей. Оно представлено работами Ст. Младенова, академика В. Георгиева, М. Р. Фасмера, П. Скока, А. Глухака, Ф. Безлая, М. Сноя, М. Фурлан, Ф. Славского, А. Брюкнера, Т. Лера-Сплавиньского, Й. Розвадовского, К. Мошиньского, Й. Отрембского, К. Поланьского, В. Борыся, Х. Поповской-Таборской, В. Махека, Й. Голуба, Ф. Копечного, В. Важного, Э. Гавловой, Х. Шустера-Шевца, Р. Эккерта, Л. Садник, Р. Айцетмюллера за рубежом и трудами академика О. Н. Трубачева, В. А. Меркуловой, Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркиной, И. П. Петлевой, Т. В. Горячевой, Л. А. Гиндина, Г. Ф. Одинцова, Ю. В. Откупщикова, А. С. Мельничука, В. Р. Кравчука, В. В. Мартынова и Р. М. Козловой в отечественном языкознании.

Пройдя долгий путь от элементарных корневых сопоставлений до реконструкции праславянского лексического фонда и избавившись от навязываемого ей долгое время тезиса о вторичности славянского по отношению к балтийскому, славянская этимология вплотную подошла к восстановлению на языковом материале праславянской культуры.

2. Предмет и задачи этимологии. Славянская этимология в ее современной ипостаси представляет собой комплексную дисциплину, задачей которой, по определению А. А. Белецкого, является установление восходящих и нисходящих генетических связей данной формы известного языка. При этом нисходящие (живые, активные словообразовательно-семантические) связи являются предметом словообразования, а восходящие — профилем этимологических исследований⁴.

В этом отношении следует отделять этимологический анализ от словообразовательного анализа активных в современный период развития языка деривационных пар (его цель — установление производящей основы, форманта, его словообразовательного значения) и морфемного (определение структурных составляющих лексем).

Конкретным содержанием основной задачи является:

а) определение этимологического гнезда, в котором слово сформировалось, первоначальной структуры и общих контуров базового значения лексем (в отношении автохтонного словаря, к которому относятся большинство имен, глаголов, местоимений, числительных, частиц, звукоподражаний и междометий);

б) определение языка-источника (для заимствований и субстратных элементов лексикона).

Объединив все сказанное выше, этимологию можно охарактеризовать, как науку, целью которой является восстановление разрушенных структурных и семантических связей между лексемами (и их формами), образованными в границах одной древней словообразовательной парадигмы (этимологического гнезда), реконструкция их первоначального облика и определение источника, путей, времени инфильтрации чужеродных элементов словаря. Т. е. вопрос о происхождении слова ставится широко, затрагивая все аспекты: структурный, фонетический, семантический, ареальный, хронологический.

В применении к актуальным проблемам славянского исторического языкознания основная цель этимологии преломляется в следующих заданиях:

а) реконструкция праславянского лексического фонда славянских языков;

б) реконструкция механизма праславянского словообразования и морфонологии;

в) определение и локализация на основе лексического материала праславянских диалектных группировок, результатом чего должна быть по возможности наиболее полная инвентаризация архаичных изоглосс;

г) определение древних изолекс, связывающих праславянский язык с другими индоевропейскими языками, с целью установления древних контактов славянского в рамках индоевропейского диалектного континуума;

д) локализация прародины славян на основе лексической дифференциации славянских диалектов.

Перечисленные задачи славянской этимологии отличают её от находящейся в тесной с ней связи праславянской грамматики, заданием которой является восстановление и описание на основе сравнительно-исторического и этимологического методов грамматического строя и фонетической системы праславянского языка в различные периоды его существования (ранне- и позднепраславянский). Т. е. поскольку любая сравнительно-историческая грамматика (в том числе и грамматика реконструированного языка) стоит на совокупности этимологий (системе этимологических версий), славянская этимология накапливает материал, базу для реставрации праславянских парадигм. И наоборот, положительный результат этимологического анализа реликтовых славянских слов напрямую зависит от степени изученности характеристик праславянского языка.

Объектом славянской этимологии является лексический фонд славянских языков в трех его ипостасях — фонетической, морфемно-деривационной, семантической.

Предметом славянской этимологии является система генетических (фонетических, морфемных, словообразовательных) соответствий между лексемами, позволяющая объединить их в этимологические гнезда, т. е. в комплексы слов из родственных языков, сгруппированные вокруг одного архетипа и упорядоченные деривационной иерархией.

В зависимости от конкретных задач, которые ставит перед собой этимолог, этимологические исследования подразделяются на несколько видов:

1) этимология одного слова (для генетической квалификации конкретной лексической единицы);

2) этимология (и групповая реконструкция) лексико-семантических групп (цель — проследить пути формирования терминологических систем, взаимодействие лексем в их рамках, процент и источники заимствований в границах определенных лексических групп и таким образом разделить древнейшие и позднейшие языковые контакты, отразившиеся в сфере терминологии, а значит — отчасти наметить некоторые контуры древней индоевропейской диалектной карты) ⁵;

3) реконструкция этимологических гнезд (для восстановления архаичных словообразовательных парадигм, в которых познается реликтовая структура лексем и способы праславянского словопроизводства);

4) этимологический словарь (для сплошной этимологической экспертизы лексики, что предоставляет возможность решения некоторых вопросов глоттогенеза).

---

¹ Цит. по: [Абаев В. И.] О принципах этимологического исследования // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956. С. 286.

² Подробнее об этом см.: Белецкий А. А. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). К., 1950. С. 25–26 (и след.).

³ Цит. по: [Абаев В. И.] Указ. соч. С. 299.

⁴ Белецкий А. А. Указ. соч. С. 4-5.

⁵ Классическим примером исследования такого типа является работа О. Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции)» (М., 1966).

2. НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

В работе со словарем часто приходится учитывать формальные искажения или переосмысления значений слов, вызванные выпадением лексических единиц из их словообразовательного гнезда или разрушением последнего. Причиной этого могут быть и фонетические изменения, трансформирующие облик слова настолько, что носителям языка подчас трудно бывает сохранить связь конкретного слова с его словообразовательной средой. В этом случае включаются ассоциации, наделяющие старые слова новыми семантико-словообразовательными связями.

1. Народная этимология — установление позднейших формально-семантических связей между словами, этимологически не родственными (по терминологии А. Доза — паронимическая аттракция (*L'attraction paronymique*), по определению Н. В. Крушевского — лексическая ассимиляция).

Главным отличием научной этимологии от народной является факт опоры первой на потенциально или реально существующие или существовавшие генетические связи между этимологизируемым словом и словами, привлекаемыми для анализа в качестве фонового (сравнительного или проверочного) материала, т. е. на логику его словообразовательной и морфемной структуры. Правильность членения группы однокоренных слов на морфемы проверяется фонетически.

Народная этимология основывается на утрате конкретным словом старых (этимологических) связей со своим словообразовательным гнездом и установление новых с другой, не родственной ему, словообразовательной парадигмой. Это происходит под влиянием структурно-семантических и понятийных ассоциаций после выпадения слова из своей словообразовательной парадигмы. Последнее уже само по себе открывает путь для народноэтимологических переосмыслений, т. к. лексема, утратившая формальную мотивацию (например, вследствие выхода из употребления или замены производящей основы, значительной фонетической трансформации слова, окаменения аблаута, связывавшего слова, табуизации) потенциально может быть втянута во внешне близкую, но не родственную лексическую группу и оформлена в соответствии с ее грамматическими и семантическими показателями.

Т. е. этот вид «этимологии» оперирует случайным звуковым подобием и частичным (а иногда и полным) совпадением нескольких неродственных (исконно разнокоренных) слов в сознании носителей языка. Это своеобразная адаптация малопонятных, изолированных на определенном отрезке времени, слов к лексико-словообразовательной системе языка. Примером народной этимологии может служить отождествление носителями чешского языка слов *žádny* 'ни один' и *žádny* 'желанный' на основании идентичности их фонетической оболочки. Единство звуковой формы этих слов — не более чем случайное совпадение, за которым стоят разные пути развития разных слов. Первое является формально видоизмененным *ni-že-jeden*, а второе продолжает псл. *žędъnъ (jъ) ¹.

Еще одним фактом из разряда народноэтимологических версий является установление ложной словообразовательной связи между рус. *вѣдра* 'вид водоплавающего грызуна' и глаголом *вѣдрать* из-за их фонетического подобия. Между тем, рус. *выдра* имеет широкий круг славянских этимологических соответствий, для которых обнаруживается широкий индоевропейский фон, исключаяющий какое бы то ни было родство с *выдрать*, ср. данные словаря М. Р. Фасмера: укр. *вѣдра*, болг. *вѣдра*, чеш. *vudra* 'т. с.' и др. ~ лит. *ũdra* 'выдра', д.-инд. *udrás* 'водяное животное' и т. д. ² Речь идет о продолжении

псл. *vydra, которое восходит к и.-е. **ūd̥rā* ‘водяное животное’. Начальное славянское *v-* представляет собой протезу (протетический согласный), возникшую перед *y* (< *ū*), которое не могло начинать слово по законам праславянской фонетики.

Потеря какого-либо лексического элемента обуславливала затемнение структуры (и далее — народноэтимологическое переосмысление) сложных слов, в основу которых этот компонент входил на правах составляющего. Так, рано исчезнувшее в славянском названии супруга, господина *potь (~ лит. *pàts* ‘супруг’) привело к переосмыслению структуры *potь-běga (: ст.-сл. *потъбѣга* ‘разведённая жена’) < ** ‘жена, бегущая от мужа’) как *подъбѣга* в старославянских памятниках.

Примеры народной этимологии можно найти не только среди реликтовых слов, мотивация которых раскрывается при привлечении данных родственных языков. Они достаточно представлены лексикой, которая по диалектам утратила свои словообразовательные связи в достаточно позднее время, ср., например, видоизменение *сутяга* (~ *тягаться*) в *судяга* под влиянием *суд* в архангельском говоре³; в хорватских диалектах Далмации рефлекс (продолжение) псл. *světīdьbnikъ — *svetiònik* ‘маяк’ (рус. *светильник*) вследствие звукового изменения и утраты его смысловой связи с соответствующим глаголом переосмыслился как *svetī Onik (р. п. *svetog Onika*) ‘Святой Оник’⁴. Ср. прямо противоположное явление, представленное в говорах сербо-хорватского языка, а именно — восприятие имени собственного *Vilindar* как сочетания *vilin dar*, буквально — ‘дар *виль* (феи, русалки)’⁵.

Некоторые из таких казусов стали общеупотребительными, войдя в каркас лексики литературного языка, как, например, слово *близорукий*, восходящее к *близорокий* — результат искажения *близорозкий* (корень *зор-*, как в рус. *зоркий*, укр. *зір* ‘зрение’) и др.⁶ Весьма показательны пример с развитием рус. *ладонь*: это слово представляет собой вторичную фонетическую форму (с метатезой и переходом *o > a*) относительно первоначального, сохраненного в диалектах *долонь* (ср. укр. *долоня*, ст.-сл. *длань*, пол. *dłoń* ‘ладонь’)⁷ < псл. *dolnъ. Искажение облика слова привело к осмыслению сегмента *-онь* как

суффикса по аналогии со словами, в которых такая морфема действительно функционирует (ср. *тих-о́ня*, *ла́п-о́нь-ка*). Результатом этого стало появление новой основы *лад-* (омоним к *лад* 'порядок'), от которой при помощи разных суффиксов были образованы: *лад-о́ши* > *лад-о́ш-ки*, диал. *ла́д-уша* 'ладонь' (чаще во множественном числе) ⁸ при производном общеупотребительном *ла́д-уш-ки*.

Здесь, по всей видимости, имеет смысл привести еще несколько примеров для иллюстрации разных случаев народноэтимологического словотворчества.

Явление народной этимологии затрагивает также иноязычные элементы славянского словаря. Ср., например, установление носителями русских говоров периода XIX в. псевдосвязей между заимствованным фр. *meuble* (рус. *мебель*) 'мебель' и рус. *белый*, вследствие чего в русском просторечии французское слово приобрело форму *небель* ⁹. Подобный случай встречаем в хорватских говорах, где латинское имя *Bartolomaeus* осмыслилось как *Vratolomije* 'Сломайшею' по звуковому подобию со словами *vrati* 'шея' и *lomiti* 'ломать' ¹⁰. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае с заимствованием в чешский язык итальянского слова *baionaccio* 'паяц', которое игрой ассоциаций под влиянием *rapák* 'кукла; чучело' было превращено в *райáса* ¹¹.

Народная этимология в этих случаях помогает новому элементу легче вписаться в чужеродную для него лексико-словообразовательную среду.

2. В перечисленных примерах «этимология» такого разряда имеет статус языкового процесса. Однако история науки знает и такие, в которых этимологизация становилась навязчивой идеей людей, не имеющих необходимых знаний и квалификации как для занятий исследованиями этого типа, так и вообще лингвистическими исследованиями. Тогда народная этимология вылилась в своеобразную «моду» (в определенной социальной среде), граничащую с невежеством, приобретая тем самым квалификацию жанра антинаучной фантастики, изучением которого, как известно, занимается не языковедение, а изящная словесность. Примеры нам подсказывает история XVIII («этимологическим» суждениям в это время предавался

А. Л. Шлёдер, стремившийся во всем видеть немецкое влияние на русский язык: рус. *князь* выведено им из нем. *Knecht* 'слуга', рус. *дева* < нем. *Dieb* 'вор' и др. ¹²) и XX вв. (ср. этимологии Н. Я. Марра и его «школы», построенные на так называемой «яфетической теории»). В связи с этим здесь уместно привести лингвистический анекдот с этимологизированием слова *барсук* одним из последователей Н. Я. Марра. В частности, его «версия» обходила прочно установленную тюркскую этимологию, предлагая взамен толкование *борсук* как сложное образование *бор-сук*, т. е. 'боровая собака' ¹³. К сожалению, это печальное для отечественной диахронической науки явление сейчас реанимируется в опусах некоторых людей, защищенных ученой степенью. Хуже всего то, что кабинетная народная этимология проникает в учебные пособия, рекомендованные Министерством образования и науки для филологических специальностей университетов. Например, в новом учебнике И. Ф. Ющука «Українська мова» (Киев, 2003) в разделе «Етимологічний аналіз слова» (с. 291–292) название украинской реки *Дніпро* на основании д.-рус. *Дънѣпръ* искусственно членится на *Дънѣ-* и *-пръ*, т. к. формально похожие сегменты автор видит в укр. *прісний* 'несладкий', *пруд* 'быстрое течение реки', *прати* 'стирать' («так как в древности стирали преимущественно в реке») и др. В завершение И. Ф. Ющук делает вывод о том, что «элемент *пръ* когда-то означал 'текучая вода, река'» (с. 292).

Понятно, что это толкование столь далеко от научного, сколь далеко от научного стремление школьника объяснить строение непонятных ему слов при помощи механического, бездумного вычленения внешне схожих звуковых сегментов в разных словах. Именно так, потому что, во-первых, просто проигнорирована хорошо освещенная в славянской этимологической литературе профессиональная версия иранского происхождения гидронима *Днепр* (ир. **dānu-īgr-* 'вода, река' через дако-фракийское посредство, в соответствии с которым *ān* > *yn* с потерей лабиальности, а *īgr* > *earr*, поэтому закономерен его славянский вид **Дънѣрѣ*) ¹⁴. Во-вторых, приведенное толкование опирается не на научную методику, а на все то же механическое выделение в группе слов различного происхождения никогда не существ-

вовавшего корня только на основании наличия в них одинаковых сочетаний звуков.

В итоге, следуя за И. Ф. Ющюком, пресловутое *прѣ* по каким-то фантастическим причинам находим в нечленимых псл. **prěsknъ* (> **prěsnъ*: укр. *прісний*, рус. *пресный*)¹⁵, **prǫdъ* (: *пруд*) < **prędati*, **rǫrati* (: *прату*). Последнее первоначально вообще имело семантику 'бить' и только впоследствии стало употребляться для обозначения процесса стирки из-за характера ее техники, заключающейся в том, что мокрое белье для того, чтобы ткань стала мягче, били специальным деревянным инструментом (ср. его украинские названия *праник*, *прач*). Тем более непонятно, каким образом (в учебнике, призванном научить студентов работать с языковым материалом путем объяснения каждого конкретного примера, это почему-то не комментируется) все то же *прѣ* выделяется в гидронимах *Пиріг*, *Пороз* и т. д., и как понимать наличие разных гласных между *п* и *р*. А ведь этимологический анализ стоит на детальном фонетическом и словообразовательном комментарии каждого компонента рассматриваемых слов.

Кроме всего прочего, в том же параграфе даются профессионально безграмотные и потому непростительные выводы, которые будут приняты на веру студентами. Взять хотя бы пример (с. 291) с объяснением генезиса *ѣ*, который «возник на месте более древнего *у*». Понятно, что автор оказался неподготовленным для работы в области истории языка.

Работы, написанные по такой методике, неизменно сформируют крайне искаженное представление об этимологических исследованиях у студентов, некоторые из которых в дальнейшем будут заниматься наукой.

¹ Подробнее об этом примере см.: Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования // Вопросы языкознания. 1959. №1. С. 28—33.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. I. С. 367.

³ Примеры даны по: Мейе А. Общеславянский язык / Пер. со второго франц. изд., просмотр. и доп. в сотрудничестве с А. Вайаном / Пер. и

прим. проф. П. С. Кузнецова. Под ред. проф. С. Б. Бернштейна. М., 1951. С. 400; Булаховский Л. А. Введение в языковедение. М., 1954. Ч. II. С. 165.

⁴ Трубачев О. Н. Мысли по поводу новой книги: Leszek Mo-szyński. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft (Böhlau Verlag, Köln; Weimar; Wien, 1992) // Труба-чев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические ис-следования. М., 2003. С. 419.

⁵ Vuković J. Istorija srpskohrvatskog jezika: Uvod i fonetika. Beograd, 1974. S. 218.

⁶ Булаховский Л. А. Указ. соч. С. 165.

⁷ Фасмер М. Указ. соч. Т. II. С. 448.

⁸ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. С.-Петербург, 1996. Вып. 3. С. 90.

⁹ Бодуэн де Куртенэ И. А. По поводу новейших лингвистических трудов В. А. Богородицкого // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избран-ные труды по общему языковедению. М., 1963. Т. II. С. 44.

¹⁰ Скок П. Об этимологическом словаре хорватского, или сербского, языка // Вопросы языковедения. 1959. №5. С. 92.

¹¹ Булаховский Л. А. Введение в языковедение. М., 1954. Ч. II. С. 165. Из последних публикаций по вопросам народной этимологии см.: Варбот Ж. Ж. Народная этимология в истории языка и в научной эти-мологии // Славянское языковедение. XIII Международный съезд сла-вистов (Любляна, 2003 г.). Доклады российской делегации. М., 2003. С. 49—62; Её же. Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике // Этимологические исследования. Екатеринбург, 2001. Вып. 7. С. 3—8. Ср. ещё более раннее исследование Cienkowski W. Teoria etymologii ludowej. Warszawa, 1972 (на польском материале).

¹² См.: Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке эти-мологии. М., 1986. С. 16.

¹³ Булаховский Л. А. Указ. соч. С. 164.

¹⁴ См.: ЭССЯ. М., 1978. Вып. 5. С. 182.

¹⁵ См.: Фасмер М. Указ. соч. М., 1987. Т. III. С. 360.

3. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

3.1. Понятие этимологического словаря

К этимологическим относят словари, в которых описано происхождение словарного запаса конкретного языка или группы родственных языков. Задача таких словарей состоит в том, чтобы лаконично и вместе с тем максимально полно осветить этимологию слов и одновременно познакомить читателей с историей вопроса их изучения. Для этого в дефинициях дается перечень литературы с версиями генетической интерпретации лексем, если на момент составления словаря они уже были в поле зрения исследователей. В отличие от монографического изложения конкретной этимологической версии, где показан процесс генетического анализа с его развернутой характеристикой используемого материала, описанием деталей восстановления утраченных связей, подача конкретной этимологии в этимологическом словаре осуществляется сжато. Собственно, здесь приводится исследуемый материал и основные выводы относительно его происхождения: восстановленная словообразовательная структура и производящее слово, родственные славянские формы (если имеются), праформа и соответствия из других языковых групп (для автохтонных лексем), источник(и) заимствования (для неавтохтонных). За подробностями этимологического анализа, опускаемыми в словаре, следует обращаться к указанной в дефинициях библиогра-

фии версий. Ср. ниже разницу между этимологическим этюдом (этимологической статьёй развернутого, монографического типа) и словарной этимологией.

Этимологический этюд

Рус. **одын**. В говорах заволжской диалектной зоны русского языка зарегистрировано слово **одын** 'сруб для покойника' (СРНГ 23, 70), генезис которого следует ориентировать на псл. **o(b)dъ(b)nъ* — лексикализация словоформы **o(b)dъ(b)no* (в ЭССЯ 26, 172 под архетипами **obdъbnъ* / **obdъbnъ* собраны русские континуанты со значением 'укладка, кладь снопов' с *o* и *e*-вокализмом корня). Рассматриваемое продолжение указанной праформы предоставляет в распоряжение исследователей еще один пример северно-псковского типа рефлексации этимологического **ъ*, т. е. **одын** < **одънъ*, как и в случае с арханг. **дыни** 'отверстия в ребрах карбаса для стока воды' < **дыня** < **дънја* < **dъ(b)no* (см.: Аникин 39). Ключевым моментом в установлении мотива номинации является восприятие погребального ложа (гроба) как основания (дна), над которым возвышаются стенки.

Словарная статья

Вадень 'овод, слепень, Oest-gus', диал. севск. (Преобр.), блр. *вадзень* — то же. // По-видимому, родственно лит. *úodas* 'комар', лтш. *uôds* — то же, куда также отнесены греч. *ἠὸδέω* 'толкаю', др.-инд. *vadh-* 'бить, убивать'; см. Зубатый, AfslPh 16, 407; М. — Э. 4, 413; Donum Natal. Schrijpen 397 и сл.; Mi. EW 373. Подробнее см. **овод**. Если балт. слова связаны с **ēd-* 'есть, поедать', как полагает В. Шульце (KZ 43, 41), то греч. слово пришлось бы отделить от балт. Однако слав. слова, очевидно, нужно считать родственными балт.; см. также Преобр. 1, 636 (Фасмер I, 265).

Однако из этого не следует, что этимологический словарь это всего лишь сборник этимологических гипотез. Это один из видов этимологического исследования, т. к. автор (или авторы) каждого из них вносит критические коррективы в каждое толкование, часто выступает автором новых этимологий, уже бывших в поле зрения иссле-

дователей слов, и этимологий лексем, ранее не подвергавшихся этимологической экспертизе. Но главное состоит в том, что за каждым словарем стоит концепция и оригинальная методика.

Разницу между историческим и этимологическим словарями когда-то четко сформулировал В. И. Абаев. Она заключается в трех пунктах.

1. Исторический словарь дает историю слов только на основе материалов памятников письменности, а этимологический, используя данные филологической документации, не ограничивается ими. Он исследует историю и генетические связи лексем на базе сравнительно-исторического языкознания и, таким образом, выходит далеко за рамки, очерченные письменными памятниками данного языка.

2. Исторический словарь интересуется историей данного слова вне зависимости его генетических связей с другими словами этого языка, а тем более других языков. Этимологический словарь стремится с максимальной широтой и глубиной вскрыть эти генетические связи, опираясь на данные исторической фонетики, морфологии, семасиологии как исследуемого языка, так и всей семьи или группы родственных языков (и неродственных, если речь идет о заимствованиях).

3. Исторический словарь составлен на основе языков, имеющих многовековую письменность. Этимологический словарь можно составить не только для древнеписьменного, но и младописьменного и бесписьменного языка, если только данные его диалектологии и сравнительно-исторического изучения позволяют восстановить историю его лексики за значительный период его развития ¹.

3.2. Этимологические словари письменно засвидетельствованных языков

В этимологическом словаре определенного, письменно засвидетельствованного, языка рассматриваются лексемы, возраст которых имеет разную хронологическую глубину — от слов, являющихся наследием общиндоевропейской, праславянской эпох и до инноваций нашего времени. Здесь же находят отражение заимствования разных времен.

Русская этимологическая лексикография ведет свой отсчет с момента выхода в 1842 г. словаря Ф. С. Шимкевича «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя языками». Этот словарь описывает 1378 корней обиходных русских слов, причем характеристика материала часто грешит произвольными сопоставлениями в духе того времени. Следующей попыткой этимологической обработки русской лексики был труд М. Изюмова «Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими» (1880 г.), стоявший также на низкой теоретической базе. Гораздо выше по уровню исполнения и привлечения иллюстративного материала был «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Н. В. Горяева, вышедший в 1892 г. в Тифлисе. Но наиболее качественным, профессиональным из дореволюционных этимологических словарей русского языка был словарь А. Г. Преображенского, выпуск которого был прерван в 1916 г. и возобновлен в 1949 в «Трудах Института русского языка АН СССР». Он содержит этимологии многих русских литературных и диалектных слов. Будучи написанным с соблюдением высокого уровня научной культуры, имея приличный фоновый материал и богатую библиографическую базу, он во многих вопросах остается актуальным и по сей день.

Принципиально новой ступенью в развитии этимологии русской (и вообще славянской) лексики стал «Этимологический словарь русского языка» М. Р. Фасмера, вышедший сначала на немецком языке в Германии, а затем — на русском (перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева) в СССР в двух изданиях. Он сосредоточил в себе опыт, накопленный славянской этимологией за весь предшествующий период. Характерной чертой словаря М. Р. Фасмера является скрупулезная подача всех существовавших на момент создания словаря этимологических версий (это выгодно отличает его от этимологического словаря польского языка А. Брюкнера), пристальное внимание к ономастике и диалектизмам русского языка, большое количество которых объяснено здесь на правах заглавных в дефинициях. Здесь широко представлен приём обращения к семантическим изменениям и аналогиям.

Еще один серьезный опыт комплексной этимологической интерпретации русской лексики представлен в «Историко-этимологическом словаре русского языка» П. Я. Черных. Этот словарь, к сожалению, вышел уже после смерти автора (только в 1992 г.) и потому долго оставался неизвестным читателям. В нем собственно этимологической части предшествует историческая, т. е. дается история слова, начиная с даты его первой фиксации, что дает возможность проследить этапы его семантической и формальной эволюции по текстам, где оно встречается. Эта черта словаря П. Я. Черных роднит его с аналогичными словарями Х. Шустера-Шевца («Историко-этимологический словарь верхне- и нижнелужицкого языков»), В. И. Абаева («Историко-этимологический словарь осетинского языка». М.; Л., 1959—1989; в четырех томах), ставившими подобные же задачи.

С 1963 г. в Москве отдельными выпусками стал выходить «Этимологический словарь русского языка» под редакцией Н. М. Шанского (издание не окончено).

Известны также опыты популяризации этимологических словарей (адаптации к восприятию этимологии неспециалистами) в виде двух изданий «Этимологического словаря русского языка» (1970 и 1989 гг.) Г. П. Цыганенко и «Краткого этимологического словаря русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской (М., 1961).

Новым этапом было создание ареального этимологического словаря, посвященного выделению неславянского слоя русского словника. Эта задача была успешно выполнена в работе А. Е. Аникина «Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» (вышло в свет два издания — 1997 и 2000 гг.). Заимствования тут представлены не только в виде инфильтрации в русские диалекты исследуемого ареала собственно лексических неславянских элементов, но и как семантическое калькирование чужих слов и выражений. Здесь же показана обратная сторона языкового взаимодействия — проникновение в речь местного населения заимствований из говоров русских переселенцев.

Несколько моложе этимологическая традиция в украинском и белорусском языкознании. Первый этимологический словарь украинского языка («An etymological dictionary of the Ukrainian language»), автором которого был Я. В. Рудницкий, стал выходить в 1966 г. (сначала в тетрадах, которые затем были объединены в два тома) в Виннипеге на английском языке. В реестр его словника включено большое количество заимствований разного времени и, насколько это было возможно для находящегося за рубежом автора, солидный перечень диалектной лексики украинского языка.

Более капитальным в аспекте генетических связей является издаваемый в Киеве «Етимологічний словник української мови» (к настоящему времени вышло четыре тома, охватывающие материал, начинающийся с букв «А» и «П») под редакцией А. С. Мельничука (при жизни ученого вышло три тома). Этот труд отличает повышенное внимание его авторов к канонической антропонимической лексике и стремление объяснить многие слова результатом контаминации.

Белорусская этимологическая лексикография представлена издаваемым в Минске «Этымалагічным слоўнікам беларускай мовы» под редакцией В. В. Мартынова (с 1978 по 2005 гг. вышло десять выпусков, охвативших материал, сгруппированный под буквами «А» — «П»). В связи с тем, что начальное *o-* в белорусской речи произносится как *a-*, реестр лексики первого тома значительно превышает количество слов на ту же букву в других словарях, поскольку объединяет слова с этимологическим *a-* и с *a-* из первоначального *o-*. Помещенная в словаре белорусская лексика, широко отражает контакты белорусских говоров с говорами литовского и польского языков разных времен.

Широко известными и уважаемыми в историческом языкознании являются этимологические словари польского языка. Однотомный «Słownik etymologiczny języka polskiego» А. Брюкнера, опубликованный в Варшаве, выдержал несколько переизданий и является богатым и интересным источником информации по истории языка, кроме того, он содержит значительное количество материала. Его дефинициям свойственна простота в изложении сложных понятий и

очень высокий уровень самих этимологий. Вместе с тем, словарю присущ и лаконизм (чрезмерный даже для словаря) в подаче версий, который не всегда себя оправдывает, примером чему может быть традиционная для автора характеристика «*u wszystkich słowian tak samo*», за которой отнюдь не следует перечисление тех самых лексем, их значений, которые должны быть в других славянских языках.

В 1951 г. в Варшаве под авторством Ф. Славского начинается выходить новый, состоящий из серии выпусков, этимологический словарь с аналогичным названием. Словарь поставил целью фронтальное обследование лексики польского языка, свидетельством чему выступает большое внимание автора к значительному диалектному материалу, приводимому в статьях. Эта плодотворная работа, к сожалению, не была доведена до конца в связи со смертью автора (реестр словаря доведен до буквы «М»). В 2000 г. были опубликованы два первых тома еще одного этимологического словаря польского языка (автор — А. Баньковски).

В 90-е годы прошлого века список работ польской этимологической школы пополнил «*Słownik etymologiczny Kaszubszczyzny*» В. Борыся и Х. Поповской-Таборской (Варшава, 1994—2002; вышло уже четыре тома), в котором этимологизируется лексический фонд ныне мертвого кашубского языка, известного по памятникам письменности. Это не единственная работа польских этимологов в области лексики вымерших славянских языков. Известен более ранний опыт, осуществленный К. Поланьским как этимологический словарь лексики одного из диалектов полабского языка, конкретнее — пласта слов, засвидетельствованных немногочисленными записями («*Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich*» Вроцлав etc.; первый выпуск написан в соавторстве с Т. Лером-Славиньским). Этимологической интерпретации полабского словарного запаса посвящена и работа Р. Олеша (см.: Olesch R. *Thesaurus linguae dravaenopolabicae*. Böhlau, 1983—1987. Т. I—IV.), дефиниции которой, наряду с собранным по памятникам письменности материалом, содержат краткую генетическую квалификацию лексем, завершающуюся выведением архетипов.

Чешская этимологическая лексикография представлена четырьмя основными этимологическими словарями: «*Etymologický slovník jazyka*

českého» И. Голуба и Ф. Копечного (Прага, 1952), который предваряется введением, где изложены основные данные об исторической фонетике славянских языков и типах фонетических изменений; тут же дан краткий обзор истории чешских звуков, перечислены некоторые способы словопроизводства и кратко описана структура славянского слова. В дефинициях значительное внимание уделено словообразовательной структуре слов и чередованию корневого гласного, каждый апофонический вариант вынесен в самостоятельную позицию в границах словарной статьи. Это обеспечивает легкость восприятия, поэтому словарь, помимо собственно научной, представляет ценность как учебное пособие по этимологии. Следующая работа — «Etymologický slovník jazyka českého» (Прага, 1957; второе издание в 1968 г.) и «Etymologický slovník jazyka českého a slovenského», принадлежащие перу В. Махека. «Визитной карточкой» этих словарей является стремление автора в некоторых случаях свести к «праевропейскому» (т. е. относящемуся к языку неиндоевропейского населения, предшествовавшего индоевропейцам) лексическому субстрату слова, без труда этимологизируемые на индоевропейской почве. Второй из словарей В. Махека представляет собой редкий пример этимологической обработки лексического корпуса одновременно двух близкородственных языков: при всей близости грамматики, фонетики и общности значительного количества элементов словаря существуют серьезные различия в сфере диалектной лексики, древнейший слой которой далеко не всегда объединяет чешский со словацким (достаточно вспомнить эксклюзивные словацко-словенские изоглоссы в работах Л. В. Куркиной). Здесь уместно вспомнить, что первым опытом такой работы в практике этимологии индоевропейских языков был норвежско-датский этимологический словарь Х. С. Фалька и А. Торпа («*Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch*», Гейдельберг, 1911).

В 1978 г. в Праге был напечатан однотомный «*Stručný etymologický slovník jazyka českého*» Й. Голуба и С. Лиера, имеющий популярный и даже слишком упрощенный характер. Все этимологические статьи, помещенные в нем, имеют сверхлаконичный характер, не превышая нескольких строк: реестровое слово, праформа, констатация общеславянского характера (для исконных лексем) и указание, откуда лексема заимствована (для чужеродных элементов).

Еще одним примером этимологического словаря подобного типа является изданный в 1977—1988 гг. в Бауцене «Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache» Х. Шустера-Шевца. Словарь представляет собой завершённое обширное исследование в области лексики верхне- и нижнелужицкого языков, выполненное на самом высоком уровне современной науки.

Чешские этимологи уже долгое время занимаются составлением этимологического словаря старославянского языка («Etymologický slovník jazyka staroslověnského»; ред. Э. Гавлова и А. Эрхарт). В настоящее время напечатано уже 12 выпусков, в которых рассмотрена лексика от «А» до «Р» (расти). Отличительной чертой ESJS является указание на инфильтрацию южнославянских форм в восточнороманские диалекты, в частности, в старорумынские (отсюда их проникновение в каркас литературного языка). Использование этой работы имеет некоторые неудобства, а именно — старославянский материал дается не в свой «родной» кириллической графике, как следовало бы, а в латинской. Последнее вообще присуще практически всем этимологическим словарям славянских языков (за исключением словаря Х. Шустера-Шевца, а также словарей, выпущенных в странах бывшего СССР, Сербии, Болгарии), в дефинициях которых латинизируется графический облик не только старославянской лексики, но и лексики древнерусских памятников и восточнославянских слов в целом.

Настоящей энциклопедией диалектной и архаичной лексики сербо-хорватского языка выступает четырехтомный «Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika» П. Скока (Загреб, 1971—1974 гг.). В этом словаре, увидевшем свет уже после смерти автора, много оригинальных версий истолкования истории устаревших, редкоупотребительных и диалектных слов, долгое время считавшихся этимологически неясными. Внимание к типологии семантических переходов и ономастической лексике отличает этот выдающийся труд так же, как и словарь М. Р. Фасмера. То же можно сказать и о работе словенского ученого Ф. Безлая «Etimološki slovar slovenskega jezika» (Любляна, 1976—1995; вышло три книги, охвативших материал, помещенный под буквами «А»—«Р»), который, как и П. Скок, был известен как знаток словенской ономастики и диалектов. Статьи его словаря зачас-

тую исчерпывающе в плане наполненности материалом, поэтому так важно его использование в практике создания словарей славянских лингвистических древностей. Принятый во внимание специалистами особый статус словенского языка, сохраняющего высокую степень архаики, и древние контакты его носителей с западными славянами (до того, как между ними вклинился венгерский этнос) обусловил пристальное внимание к его лексике. В связи с кончиной автора, третья книга этого словаря подготовили к печати М. Сной и М. Фурлан, дополнив его своими материалами и новыми версиями в духе современных гипотез, поэтому среди этимологий, содержащихся в нем, некоторое количество основывается на ларингальной теории.

В отличие от рассчитанного на профессиональных лингвистов словаря Ф. Безлая с его преимущественным вниманием к устаревшей и диалектной лексике, ее дославянской истории, стремлением к установлению изоглоссных связей и решению вопросов словенского глоттогенеза, новый «Slovenski etimološki slovar» М. Сноя (Любляна, 1997; второе издание в 2003 г.) предназначен для более широкого круга читателей. Он ограничивается истолкованием основного обиходного (литературного) словарного запаса (исконная лексика и заимствования разного времени) словенского языка и реконструкцией праславянских форм. В предисловии к словарю, помимо объяснения системы подачи материала, кратко изложены принципы хронологической стратификации лексики, бегло описан словенский в кругу других индоевропейских языков, а в схемах, наряду с генетической классификацией языков индоевропейской семьи, приведены основные результаты развития индоевропейских фонем в праславянском и праславянских в словенском.

В 1993 г. в Загребе вышел «Hrvatski etimologijski rječnik» А. Глухака, основанный на современных принципах этимологии и согласующийся с последними достижениями в этой области. Подобная же работа была проведена сербскими лингвистами, которые в 2003 г. в Белграде издали первый выпуск нового этимологического словаря сербского языка («Етимолошки речник српског језика»; редактор выпуска А. Лома). В предисловии к словарю его авторы пишут, что при подборе материала их выбор был сосредоточен на штокавских лексемах, чакавский и кайкавский материал включен в качестве параллелей к штокавскому (к исконным словам). Особен-

ность этого выпуска, сконцентрировавшего слова с начальным *a-*, состоит в том, что его словарь большей частью составлен из заимствований исторической эпохи (в первую очередь — турецких, в меньшей степени — греческих, венгерских плюс незначительный процент романизмов и др.). Материал, помещенный в нем, иллюстрирует одну яркую фонетическую черту сербо-хорватского языка — утрату анлаутного *x* как частную реализацию тенденции разрушения фонемы $\langle x \rangle$ как таковой (явление, вообще характерное для южнославянской группы языков и некоторых диалектов других славянских ареалов). Такая подача материала обусловила существенное увеличение объема реестра слов с инициальным *a-*.

Словарь А. Глухака в значительной мере ориентирован на восстановление праславянского фонда хорватской лексики, что и обусловило модель построения дефиниций. Здесь после заглавного слова приводится праславянская форма, продолжением которой оно является, указываются рефлексy этого архетипа, представленные в других славянских языках, характеризуется тип словообразования (для производных лексем). Следующий шаг — определение индоевропейского этимологического гнезда (чаще всего, корневой основы), в границах которого, сформировалось праславянское слово, и соответствий из других индоевропейских языков. В некоторых случаях автор не ограничивается установлением генетических связей в масштабах индоевропейской языковой семьи, для чего обращается к связям последней с языками других семей, входящих в так называемую ностратическую макросемью. К словарю прилагается краткая характеристика изменений, которым подвергаются слова в процессе своего развития, а также очерк о языках индоевропейской и ностратической семей, сведения по фонетике, морфологии, морфонологии праиндоевропейского языка; бегло рассматривается вопрос об индоевропейской прародине.

Болгарские апеллятивные этимологические словари также прошли два этапа развития. Первый связан со словарем Ст. Младенова «Этимологически и правописен речник на български книжовен език» (София, 1941). Автор из-за опасений издателя, что словарь может не найти сбыта ², вынужден был объединить в своей работе две функции — этимологического справочника и орфографического словаря. Аналогичный пример такой функции находим в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева, который, по-

мимо целей, заявленных в названии, ставит еще одну — быть орфографическим словарем. Оригинальный словарь Ст. Младенова в ряде случаев отражает его теорию «арио-алтайского» родства, на сегодняшний день уже ставшую историей.

Второй этап ознаменовался выходом в Софии коллективной работы «Български етимологичен речник» (за период с 1971 по 2003 гт. вышло шесть томов «А» — «С»). Словарь оперирует большой лексической базой, последние его тома содержат точки зрения, во многом опирающиеся на исследования последних лет.

Завершает этот список славянских этимологических словарей труд немецких этимологов Л. Садник и Р. Айцетмюллера «Vergleichen des Wörterbuch der slavischen Sprachen» (Вейсбаден, 1963—1975). Этот этимологический справочник стоит особняком среди других работ аналогичного профиля. Материал здесь сгруппирован по своеобразным статьям-рубрикам гнездового типа. Дефиниции возглавляются лексемами, принадлежащими не одному определенному языку, а к разным. Поэтому каждая конкретная статья может начинаться с болгарской, словенской, древнерусской и др. форм.

Существуют и словари, в которых излагается этимология заимствованных слов: Булыка А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972; Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.

Все современные перечисленные словари различаются принципом группировки материала. По этому признаку они делятся на два вида. В этимологических словарях, относящихся к первому, материал изложен в алфавитном порядке полексемно, т. е. в каждой дефиниции рассматривается происхождение конкретного слова. В словарях, принадлежащих ко второму, в словарной статье помещается целое словообразовательное гнездо однокоренных лексем и их аффиксальных форм (нормативных, диалектных, устаревших), принадлежащих одному отдельно взятому языку. Т. е. это словари гнездового типа. К ним относятся: этимологический словарь украинского языка, издаваемый в Киеве, этимологический словарь польского языка А. Брюкнера, чешские этимологические словари В. Махека, этимологические словари сербо-хорватского и словенского языков.

3.3. Этимологические словари праславянского языка

Есть еще одна разновидность славянских этимологических словарей. Она представлена словарями, в которых осуществляется генетическая интерпретация автохтонной (фондовой) лексики всех славянских языков и производится реконструкция лексического инвентаря всех праславянских диалектных группировок. Принцип их построения предполагает подачу реконструированного архетипа в качестве реестрового (заглавного) слова, за которым следует перечисление письменно засвидетельствованных лексем как базы для выведения праформы. Следующий пункт — словообразовательный анализ архетипа с указанием средства словопроизводства и соотнесение с родственными индоевропейскими формами с возведением всех их к конкретной общеиндоевропейской основе. Если слово заимствовано в диалекты праславянского языка, то указывается язык или возможная группа языков, которые потенциально могли быть источником заимствования.

Ниже для сравнения (с некоторыми сокращениями) приводятся примеры статей «Этимологического словаря русского языка» М. Р. Фасмера и «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева:

яйцѡ, мн. **яйца**, уменьш. *яичка*, диал. *яечко*, *яичница*, *яечница* — то же, укр. *яйце*, блр. *яёчко*, др.-русск. *янце*, ст.-слав. *анице*, болг. *яйце*, сербохорв. *јаје*, *јајце*, словен. *јаје* 'яичный', прилаг., др.-чеш. *vajse*, чеш. *vejse* [...] // Праслав. *aje родственно ир. *āja*, осет. *aik*, *aikæ* 'яйцо' (Миллер-Фрейман I, 20) [...], далее — лат. *ovit*, греч. *ὄβν* 'яйцо'; см. Мейе, Et. 391; MSL 11, 185; Бернекер I, 26 [...]. Неоднократно предполагали родство с лат. *avis* 'птица', греч. *ἄετός* 'орел' (Шпехт 28 и сл.; Турнайзен, GGA, 1907, 803) (IV, 552).

***ajъse**: ст.-слав. *анице* ср. р. 'яйцо', болг. *яйце* ср. р. 'яйцо' (БТР), диал. *айце* (с. Добротино, Гоцделчевско; дип. раб., Архив Соф. Унив-та) ср. р., *аце* ср. р., *йеце* ср. р. (там же, 176), макед. *јајце* ср. р. 'яйцо', сербохорв. *јајце* ср. р., ум. от *јаје* 'яйцо', диал. (сев., сев.-зап.) также без ум. знач. (RJA IV, 420), словен. *јајсе* ср. р. 'яйцо', 'яичко', чеш. *vejse* 'яйцо' [...], др.-русск. *янце* 'яйцо птичьё' [...].

Праслав. *ajъse ведет себя как ум. форма, образованная с суфр. -ъse, по отношению к *aje (см.) [...]. Об этом говорит и ситуация в тех слав.

языках, где основной термин со значением 'яйцо' — *aje, ср. сербохорв. *jaje* — ум. *jaǰe*. Вместе с тем однозначно трактовать форму *ajъse как поздний продукт исключительно слав. развития мешают некоторые близкие неславянские данные. Ср. осет. *айк* / *айкæ* 'яйцо' (см. об осет. слове Бенвенист. Очерки по осет. языку. М., 1965, 26). (ЭССЯ 1, 63).

К словарям, в задачу которых входит реконструкция праславянской лексики, относятся издаваемый в Москве «Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд» под редакцией академика РАН О. Н. Трубачева и «Słownik prasłowiański» (Вроцлав), редактировавшийся Ф. Славским. Различие их заключается в том, что вроцлавский словарь, в основном, ориентирован просто на реконструкцию праславянских лексем как таковых, в то время как московский проект ставит цель проследить реликтовые связи славянских лексем с родственными формами других индоевропейских языков, т. е. в определенной мере инвентаризировать архаичные изоглоссы. Это делается для того, чтобы показать, какое место в праиндоевропейском языковом континууме занимал тот массив диалектов, который позднее лег в основу праславянских диалектных групп.

Указанные словари опираются на этимологическую практику более ранних работ подобного типа, в частности — на словарь Ф. Миклошича (реже пишут — Ф. Миклосич) «*Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen*» (Вена, 1886; тут под архетипом (иногда реконструируется только корень) зачастую перечисляются не только его непосредственные рефлексy, но и родственные формы, принадлежащие к разным частям речи; кроме того, в словарь включены поздние заимствования в отдельных славянских языках, ср. раздел, посвященный лексике с начальным «F») и Э. Бернекера «*Slavisches etymologisches Wörterbuch*» (Гейдельберг, 1924. Т. 1—2; доведен до буквы «M»; первое издание — 1908—1913), которые первыми

осуществили попытку восстановления праславянского лексического фонда. Московский словарь в значительной степени продолжает традиции неопубликованного большого этимологического словаря славянских языков Г. А. Ильинского³.

Чешский «*Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena*» (Прага, 1973–1980. Т. I–II.), в отличие от сплошной реконструкции праславянского лексического фонда, производимой в перечисленных словарях, осуществляет только реконструкцию праславянских местоимений и служебных частей речи.

Славянская этимологическая лексикография располагает и словарями, задача которых состоит в том, чтобы объединить и прокомментировать архаичные балто-славянские лексические соответствия, т. е. те слова балтийского и славянского, которые были выработаны во времена древних контактов славян и балтов. Труды такого типа крайне необходимы для внесения ясности в проблему праславянского и прабалтийского глоттогенеза. Они представлены работами Р. Траутманна («*Baltisch-slavisches Wörterbuch*» (1923 г.)) и А. Е. Аникина («Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря» Новосибирск, 1998. Вып. 1 (**a-* — **go-*)). Материал в них излагается следующим образом: каждая дефиниция озаглавляется балтийской или праславянской формой, за которой следует перечисление славянских (для балтийских лексем) или балтийских (для праславянских) параллелей, свойственных только указанным языкам, а далее приводятся имеющиеся версии их этимологии. В словаре А. Е. Аникина в некоторых случаях ещё приводится балто-славянская праформа.

---

¹ Абаев В. И. О принципах этимологического словаря // Вопросы языкознания. 1952. № 5. С. 57–58.

² Трубочев О. Н. [Рец. на:] F. Scholz Slavische Etymologie. Eine Anleitung zur Benutzung etymologischer Wörterbücher. Wiesbaden. 1966 // Этимология. 1968. М., 1971. С. 254.

³ См. примеры дефиниций этого словаря, опубликованные О. Н. Трубочевым: Трубочев О. Н. Этимологический словарь славянских языков Г. А. Ильинского // Вопросы языкознания. 1957. № 6. С. 93–96.

4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДОВ ЭТИМОЛОГИИ

Методика этимологических исследований опирается на методологическую базу сравнительно исторического языкознания, а именно — на такие приёмы из его арсенала, как установление генетического родства, определение относительной хронологии и реконструкция архетипов (по другой терминологии — прототип, праформа). При этом в инструментарии этимологии имеются свои подходы к анализу материала.

С формально-семантической точки зрения выделяются фонетический, словообразовательный и семантический подходы, с ареальной — лингво-географический.

1. На первое место всегда ставится формальное соответствие привлекаемых для анализа слов. Речь идет о тождестве их фонетической и морфемной структуры. Например, зная, что придыхательное и. -е. *bh* закономерно реализовалось как *b* в праславянском, как *f* (в начале слова) в латыни и как *bh* в древнеиндийском, можно с полным правом признавать псл. **bratrъ*, лат. *frater*, д.-инд. *bhratar* 'брат' рефлексами (другие термины: репрезентант, континуант) общеиндоевропейского термина родства **bhratr / *bhrater* (вариантность основы продиктована наличием в ней разновидностей одного суффикса *-ter- / -tr-*). Генетическое сближение осетинского *тæджун* с русским *лаять* основано не только на их семантической

идентичности, но и, в первую очередь, на факте систематической замены звука *l* звуком *r* (ротацизм) в индо-иранской группе языков, к которой относится осетинский. Значит, осетинское *r* является диахроническим соответствием русскому (шире — славянскому) *л* ¹.

2. Морфемно-деривационный критерий предусматривает тождество морфемного состава сравниваемых слов, т. е. не только их корневое соответствие (это было главным вплоть до середины прошлого века), но и соответствие формантной части. Так, рус. *мена* 'обмен', укр. *міна* 'мена, предмет обмена', ст.-сл. *мѣна* 'мена' и некоторые другие, восходящие к праформе **mēna* ², потому являются надежными этимологическими соответствиями лит. *mainas* 'мена', д.-лат. *comtoinis* 'свершение, дар, должность', что все они имеют не только общий индоевропейский корень **moi-*, но и формант *-па*. Собственно, на основании такого словообразовательного анализа и становится возможным этимологический анализ этих лексем, который предполагает членение их на корень (в этом случае как «чистую», элементарную производящую основу) и суффиксальную часть. Признание именно такой структурной дифференциации сопоставленных слов позволяет считать их родственными. Фонетическая сторона этой этимологии также не вызывает сомнений, ср. наличие дифтонга в упомянутых лексемах (в славянском он подвергся монофтонгизации в позиции перед согласным или сонантом).

3. Семантический критерий в этимологическом анализе подразумевает выстраивание изосемантических рядов, т. е. рядов слов с одинаковыми семантическими изменениями или связями, что требует от исследователя широкой лингвистической эрудиции. Такие ряды позволяют проследить историю значения слова и доказать наличие какой-либо семантической трансформации в кругу типологических параллелей. Ниже об этом будет говориться подробнее, а пока целесообразно привести несколько простых примеров.

При истолковании происхождения украинского диалектизма *вербіло* 'человек высокого роста' ³ первым делом привлекаются формально близкие лексемы, в частности рус. диал. *вѣрбила* 'ива' ⁴, а также антропонимы: укр. *Вербило*, болг. *Вѣрбил* ⁵. В данном случае

речь идет о рефлексах псл. диал. **vrb-idlo* — дериват с формантом *-idlo* (с позднейшим упрощением группы *dl > l*) от **vrbā* ‘верба, ива’. Итак, установлено фонетическое и словообразовательное тождество перечисленных лексем. Остается неясным семантический аспект этимологии, иначе говоря, каким образом соотносятся значения ‘высокий человек’ и ‘ива’. Этот вопрос решается в русле семантического перехода ‘дерево, его часть; изделие из дерева’ > ‘человек’, который иллюстрируется элементарными примерами переноса представлений о свойствах деревянных предметов и самих деревьев на обозначение человеческих черт (обычный и достаточно древний тип метафоризации): укр., рус. *дуб* ‘разновидность дерева’ и рус. *дуб* ‘о несообразительном, глупом, тупом человеке’, укр. диал. **дубá* ‘человек высокого роста’⁶ (изменение рода — явление относительно позднее; возможно, под влиянием *людина*, после того, как слово стало обозначать человека), рус. *пень* ‘пень’ и ‘старый человек; медлительный человек’, *ветка*, *дранка* — в своем прямом значении и их диалектное употребление как ‘худой человек’ и т. д.

Подобная же процедура используется при интерпретации других лексем, как, например, в случае с гнездом слов, объединяемых вокруг архетипа псл. **nir’ati(se)*: болг. *нүрамся* ‘нырять’, *нура* ‘рыться’, словц. *núrat’* ‘рыться, искать’, диал. *nirat’* ‘следить (за чем.-л.)’⁷. Для них констатируется развитие семантики в направлении ‘опускаться, погружаться (буквально — нырять)’ > ‘рыться’ > ‘искать’ > ‘следить’, что подтверждается типологически схожим материалом, ср.: рус. диал. *нүркать* ‘нырять’, ‘внезапно скрываться, прятаться (в подвал, яму)’ (> **рыть, копать*), ‘выискивать, высматривать с целью поживиться’⁸.

В некоторых случаях невнимание к семантическим нюансам анализируемого материала оборачивается его неверной этимологической интерпретацией, как это произошло в случае с в.-луж. *skomjel*, *-a*, *skomjoł* ‘мучная пыль; мусор, сор, щебень’, н.-луж. *skomjel*, *-a*, *skomjeł* ‘мусор, сор; блёстка; снежная пыль’. Их определяют как рефлекс праславянского диалектизма и выводят из утраченного **skom-* (ср.: в.-луж. *skomolić*, *skomoríc* ‘причинять зло’ и чеш. *komorit*) ~ и.-е. **(s)ket-* ‘комолый, безрогий’, ‘остаток, кончик чего-

либо'. В завершение констатируется, что этот материал едва ли отделим от псл. **komoľъ* 'комоль, безрогий' и родственных образований⁹.

Такое толкование сомнительно, т. к. рефлексы **komoľъ(jь)*, по данным ЭССЯ¹⁰, имеют четко очерченный набор значений, группирующихся вокруг основного 'остаток, обрубок, отрезанная часть чего-либо' (ср.: 'безрогий', 'с отпиленными рогами', 'основание рога', 'кулья руки', 'выступ, нарост', 'ствол', 'пень', 'толстая часть чего-то, обрубленный кусок чего-то'), а не вокруг 'мелкая часть, частичка чего-либо, пыль', которое репрезентуется лужицкими лексемами. Скорее, речь идет о псл. диал. **sko-melъ / *sko-melъ* — дериват с префиксом **sko-* (см. далее) от основы, представленной в **melti* 'молоть, бить, размельчать, дробить'¹¹. Т. е. это архаичное производное от корневого имени **melъ / *melъ*, обозначавшего, вероятно, любую совокупность мелких частиц из отходов хозяйственной деятельности — мучную пыль, осевшую после просеивания муки сквозь сито, пыль вообще, сор, отрёпки, остающиеся после обработки конопли (ср. семантику неучтённого при анализе указанных выше слов фонетически первичного н.-луж. *sko-melъ, skomelъ* 'просеянное, пылинка, отрёпки, ость')¹². Позднее эти лексемы развили переносные значения 'снежная пыль, снежинки', 'блётки', 'щебень' (< **дробельный камень*'). Ср. аналогию в рус. диал. *кудельба́* 'пыль столбом' < **ko-dělъ-ba*, где префикс присоединён к **dělъ-ba* — производное от **děliti* 'делить, разделять'¹³ (и далее — 'измельчать'). Т. е. речь идёт о вихре, облаке частичек пыли, пылинок.

Необходимым элементом анализа значения слова является обращение к семантическим аналогиям, раскрывающим мотивы номинации. Без этого трудно подчас определить направление поисков этимона. Например, зная, что название близны́ в индоевропейских языках обычно мотивируется значениями 'бить', 'ломать' (ср., например, нем. *Fadenbruch* 'близна (в ткань)': *brechen* 'ломать' ~ лат. *fligere* 'бить', лтш. *bliëzt* 'бить; бросать; тащить(ся)'), можно констатировать аналогичную ситуацию и для генетически тождественных упомянутым лексемам псл. **blizna / *blizno* (: болг. *близна́* 'место в ткани, где пропущена или оборвана нить основы', укр. диал. *близно́* 'дефект в полотне, когда нити основы ложатся сверху, не переплета-

ясь с уткóм' и др.), которые, по существу, являются древними, очевидно, еще индоевропейскими прилагательными на *-n-*. Т. е. речь идет о следах старого глагольного значения 'бить', обусловившего возникновение 'рубец, изъязв в ткани (близна)' ¹⁴ в этимологическом гнезде с основами **b(h)lei̯-g̃-* / **b(h)lai̯-g̃-* (ср. приведенные выше континуанты первого; второй вариант отражен в лит. *bláizyti* 'обдирать, чистить (от кожуры)' ¹⁵).

4. Лингво-географический подход требует учета территории распространения слова, особенностей взаимодействия языков и диалектов (иногда они относятся к разным языковым семьям) в границах одного ареала, учета современных и древних диалектных черт ареалов. Так, доказанность явления обратной метатезы *tlat, trat > talt, tart*, охватывающего некоторые диалекты Албании, позволяет истолковать алб. *bãltë* 'грязь, глина', *daltë* 'долото', *gardh* 'изгородь' не как заимствования из праславянского (т. е. ещё до проведения метатезы в структурах *tolit, tortit*) и уж ни в коем случае не как рефлексы исконно албанских слов, как это допускал Э. Чабей, а как более позднюю инфильтрацию ю.-слав. *blato, dlato, grad*, попавших в албанский вследствие тесных контактов со славянским этносом ¹⁶.

Представление о такой фонетической особенности некоторых македонских говоров, как субституция звуков *в, д, н* звуком *ј* в позиции перед *и* с последующей его утратой, дает возможность правильно установить исходную форму (а значит, генезис) многих слов, ср., например, топонимы *Драслајца < Драгославица* (здесь наличествует еще и синкопа слога *-го-*), *Богоројца < Богородица, Бездејца < Безденица* ¹⁷. Сходная ситуация прослеживается и в диалектах Сербии, ср.: *Брѣзојца < Брѣзовица* — топоним, *во́лој < волови, пýтој < пүтови, рóгој < рогови* и т. д. ¹⁸

Внимание к случаям позднего упрощения группы *кл > л* в украинских говорах Закарпаття обеспечивает правильность истолкования укр. *чаловáти* 'колдовать, чародействовать' ¹⁹ как вторичной формы к широко распространенному *чаклувати*.

В отношении реконструкции дописьменного состояния языка, в частности его лексического фонда, на основании территориального

критерия чрезвычайно важными выступают постулаты, сформулированные М. Бартоли:

- а) сохранение фактов на изолированной территории;
- б) сохранение на периферийных территориях;
- в) сохранение на большей части территории;
- г) сохранение в качестве островков в иноязычном окружении или в виде заимствований в других языках²⁰.

Все перечисленное играет ключевую роль в определении того, было ли слово общим для праязыка или же диалектно ограниченным, установлении передвижения диалектных границ в древности, вычлениении давно утраченной славянской лексики из архаичного словаря неславянских (и даже неиндоевропейских, например, венгерского) языков, имевших контакты со славянским и заимствовавших из него некоторые лексемы.

---

¹ Примеры взяты из: [Абаев В. И.] О принципах этимологического исследования // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956. С. 295.

² Подробнее см.: Этимологический словарь славянских языков: Пра-славянский лексический фонд / Под. ред. О. Н. Трубачева. М., 1992. Вып. 18. С. 171–172 (далее – ЭССЯ).

³ Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 1992. Т. I. С. 133.

⁴ Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. коллегия: Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глускина и др. Л., 1976. Вып. 3. С. 79.

⁵ Займов Й. Български именник. София, 1988. С. 58.

⁶ Чабаненко В. А. Там же. С. 300.

⁷ ЭССЯ. М., 2000. Вып. 26. С. 46.

⁸ Там же. С. 47.

⁹ Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1986. H. 17. S. 1292.

¹⁰ ЭССЯ. М., 1983. Вып. 10. С. 174–175.

¹¹ См. семантику его рефлексов в: ЭССЯ. М., 1993. Вып. 18. С. 90–91.

¹² Muka E. Słownik dolnoserbskeje řecy a jeje narěcow. Москва; Praha, 1921–1928. Т. II. S. 421.

¹³ Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. М., ; Л., 1979. Вып. 15. С. 398; ЭССЯ. М., 1978. Вып. 5. С. 10.

¹⁴ ЭССЯ. М., 1975. Вып. 2. С. 118–119.

¹⁵ Литовский рефлекс взят из: ЭССЯ. М., 1975. Вып. 2. С. 119 (без реконструкции индоевропейских форм).

¹⁶ Широков О. С. [Рец. на:] Экърем Чабей Этюдоды по этимологии албанского языка, I–III // Этимология. М., 1963. С. 305 (со ссылкой на исследование А. М. Селищева).

¹⁷ Стаматоски Т. Македонска ономастика. Скопје, 1990. С. 215.

¹⁸ Цоговић А. Ономастика Горе // Ономатолошки прилози / Гл. уредник П. Ивић. Београд, 1996. Књ. XII. С. 51.

¹⁹ Верхратський І. Знадоби для пізнання угро-руських говорів. Словарець // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1899. Т. XXX. С. 269.

²⁰ См.: Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 18 (со ссылкой на М. Бартоли).

5. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТИМОЛОГИИ

Для лексикологии одним из основополагающих является постулат о том, что значения развиваются в направлении от прямого к переносному. На эту тему написано много работ по синхронной семасиологии, однако они не дают ответа на вопрос, каковы же критерии разграничения первичной и вторичной семантики. Не отвечают они и на вопрос о причинах развития переносных значений, если, конечно, не считать ответом стандартные определения «метафора», «синекдоха» (когда речь идет об элементарных вещах) и т. д.

Современные исследования в толковании эволюции значений ориентируют читателей на формальную логику, предполагающую не интерпретацию генезиса значений, а классификацию типов семантических связей (цепочечный, радиальный и др.) или описание так называемых «концептов» понятий (последнее стало модным в отечественном языкознании последних лет). Таким образом, много говорится о значениях, но ничего об их природе и процессах, которые стоят за смысловой стороной слов. Выход на эти процессы во многих случаях дает знание (хотя бы в общих чертах) круга реалий конкретной культурно-исторической среды функционирования языка. Изменения в отражении этих реалий и условий в сознании человека на протяжении разных эпох позволяет проследить эволюцию языкового мышления, его понятийной стороны.

Цель семантического аспекта этимологических исследований — описание в лингвистических категориях изменений понятийной стороны мышления и доказательство их вероятности вообще. Обращение лингвиста-этимолога к неязыковому материалу отнюдь не свидетельствует о смешении научных «жанров» и не ставит таким образом под сомнение чистоту этимологического метода, т. к. исторический, этнографический или археологический материал привлекается исследователем в качестве вспомогательного, проверочного, а не основного отправного, коим являются только языковые структуры. Тезис Ф. де Соссюра о том, что объектом языкознания является только язык остается незыблемым.

В этом отношении методически показательным является приведенный О. Н. Трубачевым пример с анализом изменения значения большой группы слов. Дефиниция «Этимологического словаря славянских языков» под архетипом **drobъ* объединила лексику со значениями 'внутренности; кусочки хлеба, крошки, крошечки; крошки; мелкие домашние животные'. Слова, перечисленные под этой праформой, морфологически соотносимы с глаголом **drobiti* 'дробить, мельчить, разделять на кусочки'. Семантически их роднит одно основное значение или два близкородственных — 'остаток', 'мелочь'. Как 'остаток' можно понимать региональные значения 'внутренности; потроха' (болг., схв., слвн., чеш., в.-луж., н.-луж.), т. к. лёгкие, сердце, печень обозначены как *о с т а т о к* после отделения более ценных сортов мяса. Осадок, подонки тоже обозначены как 'остаток', но вместе с тем (как это известно по способу обозначения (виноградных) выжимок и дрожжей) это одновременно и крошево, крошки. Это замечание демонстрирует родство и как бы нейтрализацию трудноразличаемых значений 'остаток / мелочь'. Поэтому понятен способ обозначения домашней птицы и мелких домашних животных словами **drobъ*, **drobь* (пол., укр.) — это то, что остается за вычетом крупного скота. Таким образом, мотивы объединения этой лексики в одной словарной статье ясны. Т. е. одно и то же слово с общим значением ('остаток; мелочь') лишь вторично употреблено применительно к разным объектам в разных славянских ареалах.

Собственно, такой подход, при котором первым шагом является выделение общего выраженного или скрытого компонента в значении рассматриваемого материала, является оправданным и потому целесообразным в исследовании семантической истории слов. Именно с опорой на логику номинации определяются первичные и вторичные значения, чего, например, нет в анализе этого же материала, выполненного авторами «Słownika prasłowiańskiego». Здесь он искусственно разделен на три группы, каждая из которых возглавлена «самостоятельным» прототипом (*drobъ 1 ‘то, что остается (осадок) после варки пива’, *drobъ 2 ‘мелкие предметы, мелочь, отходы, остатки, крошки’, *drobъ 3 ‘внутренности животных (обычно — сердце, легкие, печень)’) ¹.

В этой главе речь пойдет о тех самых критериях разделения первоначального и вторичного в семантической структуре слов. Основным из них является метод типологии, который, в свою очередь, основывается на приёме построения изосемантических рядов, т. е. рядов слов с одинаковыми семантическими изменениями или связями. При этом степень доказательности приводимого материала становится выше, если аналогичные изменения зафиксированы в другой языковой группе. Наконец, третьим является учет всех значений (литературных, диалектных, устаревших) привлекаемых для анализа слов на всех хронологических срезах, доступных исследователю благодаря памятникам письменности. Обязательным условием при установлении мотивирующего семантического признака конкретного слова является привлечение членов той же лексико-семантической группы, в которую входит данная лексема.

5.1. Семантическая типология

1. Объяснение семантической стороны слов в качестве одного из первых шагов предполагает сбор сведений о связи значений, формировании на базе одних значений другой семантики. При всей пестроте славянской лексики и разнообразии связей внутри тематических и лексико-семантических групп количество семантических

переходов хоть и велико, но все же ограничено. Ниже будут рассмотрены некоторые из них, дающие представление о типологии развития значений.

Так, при этимологизации лексики для обозначения змей следует иметь в виду частую зависимость этой семантики от значения 'нечто гибкое', 'гнувшийся или выющийся предмет', о чем свидетельствуют такие примеры:

серб. *пругаста крпа* 'змея, живущая в доме', болг. диал., макед. диал. *краса* 'змея', рус. диал. *скурупей, скурупей* 'эпитет змея', укр. диал. *коропія, скоропія* 'змея' продолжают псл. *kъrpa, *korsa, *korp-ěja / *skorp-ěja, *skorp-ějъ, сформированные в гнезде и.-е. *(s)*ker-* 'гнуть, крутить; резать'. Типологически выведение (а значит — и реконструкция истории значения) цепочки 'змея' < 'нечто выющееся, гнущееся' < 'крутить, гнуть' подтверждается обращением к данным других этимологических гнезд, в которых наблюдается сходное развитие. Ср.: нем. *Wurm* 'змея; червь' ~ и.-е. **цer-* 'крутить, гнуть; вертеть'; нем. *Schlange* 'змея, червь' ~ и.-е. **sleng-* / **slang-* 'виться, извиваться', нем. *Natter* 'уж', д.-в.-нем. *nat(a)ra* 'змея', лат. *natrīx* 'водяная змея', образованные на базе разных апофонических вариантов и.-е. **nē-tr-* 'выющийся, извивающийся; змея' ².

Такое положение вещей позволяет признать вполне обоснованной этимологию Г. А. Ильинского рус. диал. *козюля* 'змея' как деривата от корневой основы **koz-* 'гнуть, плести' и снять с нее квалификацию как сомнительной, данную в ЭССЯ ³.

Подобный, очень активный в лексической системе славянских языков, мотивирующий признак 'загнутый кверху предмет', 'предмет с изгибом' отразился в семантической истории некоторых славянских названий лыж:

рус. диал. *кóлга* 'лыжа', *кóлги* 'длинные лыжи' < 'дощечки с загнутым носом' < 'предмет с изгибом' — рефлекс псл. *kъlga ~ и. е. *(s)*kel-* 'гнуть, сгибать; крутить' ⁴;

слвн. диал. *карпа* 'лыжа; обувь для снега', пол. диал. *kurpiel* 'лыжа', *karple* 'ступающие лыжи', схв. *kъrplje* 'вид зимней обуви; род ступающих лыж' — рефлекс псл. *kъrpa, *kъrр-ель / *kъrр-ьль ~ упомянутым и.-е. *(s)*ker-* 'гнуть, крутить; резать' ⁵.

2. Яркой иллюстрацией метода семантической типологии является славянская этимология рус. *сычуг* ‘часть желудка млекопитающих, из которой делают колбасу’ как архаичного производного на *-уг* от *сытить* (правильнее было бы производить от имперфектива *сычать, ср. ст.-сл. насыщати; М. Р. Фасмер толковал *сычуг* как тюркизм, ср. половецк. *suzig* ‘кишка, внутренности’, кыпч. *sičuk* ‘колбаса’ и т. д.). Дело в том, что название сычуга определяется его способностью выделять фермент, вызывающий створаживание, т. е. подпитку, насыщение молока определенными коагулирующими элементами, что необходимо для технологии сыроварения. Вот эта его функция отражена и другими языками, которые и предоставляют в руки исследователей типологические параллели: нем. *Lab, Labtagen* ‘сычуг’ от *laben* ‘тешить, услаждать; квасить’, осет. *axsœp* ‘желудок, сычуг’ от *axsyn* ‘створаживать’. Эти факты дают возможность предположить аналогичную связь у *сытить* и *сычуг*, тем более, что параллелизм ‘сытить’ и ‘створаживать’ тоже очевиден, ср. гр. τρέφειν γάλα ‘створаживать молоко’, т. е. буквально — ‘питать молоко’⁶ (в новогреческом языке τρέφω ‘кормить’, а значит оно понятийно близко к ‘насыщать’, так что характеристика ‘питать молоко’ вполне закономерна).

Так же, при помощи привлечения семантической аналогии, устанавливается специфика этимологической связи рус. *косуля* ‘олень’ и *чесать* ‘счесывать, сбрасывать рога’ (к основе **kos-* / **čes-*) ~ д.-гр. τάρανδ(ρ)ος ‘название животного, близкого к благородному оленю (в Скифии)’ < **taran-dru-* ‘трущийся о деревья’ (очевидно, имеется в виду то, что животные вида *Cervus elaphus* и некоторых других видов трутся рогами о деревья, счесывают их, чтобы ускорить сбрасывание старых рогов)⁷.

3. Источниками семантических аналогий могут быть и языки неиндоевропейской семьи. Наличие в лексико-семантических системах этих языков парадигм слов со связями, идентичными связям слов внутри тех же славянских, лишней раз подчеркивает универсальность процессов номинации и во многих случаях гарантирует правильность построенной этимологии. Таким образом, например, было

точно определено происхождение псл. **matъn'a* (: ст.-пол. *matnia* 'разновидность рыбацкой или охотничьей сети', д.-р. *матня* 'мешок рыболовной сети, невода' и т. д.) не как образования от **matați(se)* 'мотаться' (это сомнительно ещё из-за характера самой реалии, которая является основной и наименее подвижной частью невода), а как дериват от **mati, -ere*. Т. е. логично, что название центральной, основной («материнской») части невода непосредственно мотивируется основой слова, принятого для обозначения матери, ср.: якут. *ийэ* 'мать' и 'матня', фин. *emä* 'мать' и родственное ему вепс. *ema* 'матня' ⁸.

4. Даже в определении этимологических связей простых, привычных носителю языка слов есть свои трудности. В таких случаях в качестве доказательства правильности интерпретации семантики также помогает обращение к аналогиям. Например, без знания того, что слова со значением 'точка' этимологически связаны с глагольной лексикой с семантикой 'колоть, ткнуть' или 'капать, брызгать', установление мотивирующего признака и даже этимологии слова в целом может оказаться проблематичным: рус. *точка* (< д.-рус. *тъчька*) ~ д.-рус. *тъкнѣти* 'воткнуть, пронзить', чеш. *bod* 'точка' ~ *bodati* 'колоть' (ср. болг. *bod* 'укол'), д.-гр. *στίγμα* 'точка' в семантическом отношении производно от 'укол' (ср. *στίγμας* 'укол'), лат. *punctum* 'точка' ~ *pungo* 'колю'; укр. *крáпка* 'точка' < *крáпати* 'капать, брызгать', лит. *taškas* 'точка' ~ *teška* 'капает, брызгает' ⁹.

Собирая материал для этимологического истолкования рус. *радуга* (ср. ещё его диалектные фонетически вторичные формы *ра́йдуга*, *ра́вдуга*, а также укр. *ра́йдуга*), К. О. Фальк, очевидно, столкнулся с фактором внешнего подобия этих слов с укр. диал. *дугá*, схв. *дúга*, славн. *dóga* и другими, имеющими значение 'радуга' ¹⁰, что привело к ошибочному выводу о первоначальном *ar-doga 'небесная дуга' (~ лит. *oras* 'воздух'). Такое объяснение неприемлемо, во-первых, по фонетическим причинам (между двумя корнями по закону открытого слога ожидался бы соединительный гласный, поэтому слово в итоге имело бы форму *яроджга, а не *радуга*), во-вторых, корень **ar-* в славянском отсутствует ¹¹. Между тем, отправным пунктом в этимологии указанных слов является типология мотивации зна-

чения 'радуга' в других языках. Например, обычные для украинского *весёлка*, *веселиця* 'радуга' мотивированы прилагательным *веселий* 'весёлый', что наблюдается и в русских говорах (ср. *весёлка* 'радуга'), лит. *linksmūnė* 'радуга' также имеет отадъективный характер, будучи производным от *linksmas* 'весёлый'. Это позволило определить *радуга* как старый суффиксальный дериват *rad-oga от *radъ 'радостный, весёлый' ¹².

Мотивация 'радуга' значением 'дуга' в большей степени свойственна неславянским языкам, ср. н.-гр. τὸ οὐράνιο τόξο(v) — буквально 'небесный лук' (лук в смысле тип оружия), лат. *arcūs* 'лук; радуга; дуга, изгиб', *arcūs pluvius* 'радуга' (т. е. 'дождевая дуга') ¹³, ир. *drunaka 'лук; радуга' ¹⁴.

5. Вся перечисленная выше процедура построения изосемантических рядов касается и глагольных значений. Так, значения 'иметь' и 'брать' зачастую находятся в тесной связи, ср.: рус. *иметь* представляет собой результативный глагол по отношению к лит. *imti* 'брать', ср. с другим тематическим вокализмом д.-рус. *имати* 'брать, хватать что-либо' ¹⁵. Эта связь засвидетельствована в других индоевропейских языках, ср.: нем. *habe* 'имею' и его генетическое соответствие — лат. *capio* 'беру' ¹⁶, д.-гр. ἔχω 'брать, хватать' и 'иметь, владеть, обладать' ¹⁷.

6. Отдельной проблемой в практике этимологических исследований является вопрос определения первоначального (генетического) значения слов, точнее — его общих контуров. Этот аспект этимологической проблематики может быть хорошо проиллюстрирован следующими примерами. Значения 'обида', 'ложь', 'хитрость, коварство' представляют собой развитие первичных конкретных 'изогнутый предмет', 'нечто искривленное', позднее перенесенных в сферу обозначения интеллектуально-нравственных понятий на основе каких-то ассоциаций. Это находит подтверждение в случаях с д.-рус. *клюка* 'хитрость, обман, лукавство', болг. *кльока* 'сплетня', которые отображают псл. **kl'uka* 'кривой предмет' (ср. рус. диал. *клюка́* 'кочерга') < и.-е. **kleu-k-* ¹⁸; ц.-слав. *кривѣда* 'зло, подлость, несправедливость', болг. *кривѣда* 'несправедливость, неправда, вина', укр. *кривѣда* 'обида,

неправда', которые восходят к псл. *krivьda (: рус. диал. *крівда* 'рыболовецкая ловушка') — дериват с формантом *-ьda* от глагола *kriviti 'искривлять'. Ср. аналогичную ситуацию с рус. *лукавый*, укр. *лукавий* 'злой, плохой, коварный, хитрый' (и их инославянскими соответствиями с аналогичной семантикой) и д.-рус., ц.-слав. *лѹкавыи* 'извилистый, извивающийся', которые восходят к псл. *lŕkanъ (*jb*) < *lŕka 'изгиб, кривизна' (: пол. уст. *ląka* 'изгиб, дуга, арка')¹⁹.

Праславянский глагол *dělati, помимо рефлексов со значением 'делать, производить, совершать конкретное действие, создавать', имеет континуанты с семантикой 'резать; рубить', 'тесать' (: схв. *djělati* 'делать, работать; строгать', болг. *дѣлам* 'обтесываю', чеш. диал. *d'elat'*: *d'elad' drva* 'рубить деревья'²⁰). Возникает два логичных вопроса: а) какое из этих значений первично; б) каким образом они сосуществуют в одном слове.

Ответ на первый проистекает из характера самих значений: понятие действия вообще, как такового является следствием абстрагирования суммы представлений о ряде конкретных производственных операций. Поэтому в качестве этимологического следует принять конкретное значение, лучше всего характеризующее разные типы хозяйственной деятельности древних славян, конкретные трудовые действия (строгание, обтесывание), присущие деревообработке.

Ответ на второй вопрос для начала требует определения этимологических истоков псл. *dělati, т. е. в данном случае возведения его к индоевропейской корневой основе **dhēl-* 'резать; рубить', продолжением которой оно является. Таким образом, мы знаем, что славянский глагол с конкретным значением деформации, воспроизводящий древнюю индоевропейскую основу, позднее развил более общую семантику. Наконец, последним пунктом в процессе поиска источника значений 'делать', 'создавать', 'творить' (а в итоге — определения их вторичности) является вся та же аналогия в развитии семантики, основывающаяся на производности 'делать' от 'резать; рубить; тесать':

гот. *skarjan*, нем. *schaffen* 'создавать, творить' сформировали новое значение на базе более древнего конкретного 'резать (по дере-

ву), вырезать, выдалбливать', ср. их этимологическое соответствие в лит. *skorpi* 'вырезать ножом' 21;

д.-исл. *skerja* 'делать, творить' сформировано в этимологическом гнезде с семантикой 'скоблить', сохраненной в таких его продолжениях, как лат. *scabere*, рус. *скоблить* 22.

Аналогичным образом, от конкретного к абстрактному, шло семантическое развитие других глаголов для обозначения процесса действия, творения:

рус. *создать* (< д.-рус. *създати*), содержащее ту же основу, что и ст.-сл. *зьдъ* 'глина', восходит к более древнему глагольному значению 'лепить из глины' 23, ср. еще бесприставочное д.-р. *зьдати* 'строить' и схв. *зідати* 'т. с.' 24, демонстрирующее продление корневого вокализма (т. е. *зьдати : *zidati). Т. е. первоначально 'лепить, воздвигать, формировать из глины'.

Герм. *takōn 'делать (например, строить)' < 'месить (глину), лепить', ср. этимологически тождественное псл. *mazati (: слав. диал. *mazati*'i 'обмазывать стену глиной', рус. диал. *мазать* 'лепить из глины жилище, печку и т. д. '), как и германское слово, восходящее в итоге к и.-е. **maǵ-* 25.

Лит. *daryti* 'делать' имеет сходную семантическую историю, т. к. содержит тот же корень, что и рус. *деру, драть* (т. е. сформировано в этимологическом гнезде с корнем **der-* / **dor-* 'драть') 26;

лат. *texo* в его поздних употреблениях имеет значения 'строить', 'изготавливать', 'составлять', 'сооружать' (буквально — 'творить, создавать'), которые продолжают архаичное, засвидетельствованное памятниками письменности, 'ткать', что наблюдается и в семантической истории д.-гр. *ὄφαινω* 'ткать' и позднейшие 'строить, устраивать', 'готовить' 27.

Упомянутые значения 'драть', 'резать', а также 'рвать', 'бить', как показывают многочисленные исследования, обладают высокой продуктивностью в аспекте формирования новых значений. Поэтому диапазон их производных обслуживает самые разные сферы человеческой жизнедеятельности от — ремесленной терминологии до характеристики мимики, ср. мотивацию глаголов с семантикой 'улыбаться', 'усмехаться':

рус. *улыбаться*, *лы́биться* 'разевать рот в усмешке' и укр. диал. *лы́бати* 'рвать понемногу, урывать', чеш. морав. *lybnút* 'ударить' 28;

рус. *скалиться* 'улыбаться' ~ *ска́лить*, укр. *ска́лити*, пол. *skalić się* 'трескаться, покрываться трещинами' (ср. с другим вокализмом рус. диал. *ощёлиться* 'оскалить зубы') 29;

рус. *щериться* 'скалить зубы; неприятно улыбаться', блр. *щэрыць* 'оскалить, выпятить', пол. *szczyrzyć zęby* 'щерить зубы' ~ псл. *šcer- 'резать' 30;

рус. диал. *драть*, *удираться* 'сильно смеяться, хохотать' семантически производны от соответствующих глаголов с генетической семантикой 'драть', 'выдирать' 31.

Итак, перечисленная глагольная лексика восходит к праславянским глаголам с первичной семантикой 'драть', 'раздирать', 'трескаться', 'резать' которая метафорически, подчиняясь действию комплекса ассоциаций, развилась в направлении 'разевать рот', очевидно, через промежуточную стадию 'образовывать, делать щель, трещину, разрыв'.

5.2. Привлечение данных всей лексико-семантической парадигмы

Проверка правильности оценки мотивирующего семантического признака лексемы осуществляется за счет привлечения других представителей лексико-семантической группы, к которой принадлежит данное слово.

Подгруппа славянской соматической лексики для обозначения спины, ее части, затылка, шеи, подвижного сочленения часто мотивируется такими признаками, как 'подвижный, гибкий, гнущийся предмет', 'нечто неровное, изогнутое, кривое' или же 'округлость, выпуклость, возвышенность'. Ср.:

блр. диал. *каршэль* 'шея; задняя часть шеи', рус. диал. *коршень*, *каршень* 'затылок', *кы́ришень* 'спина; затылок, холка', сводимые к *kъrš-ьль / *kъrš-ьпь, имеют ту же основу, что и *kъršiti (: макед. *криши* 'изгибать стан', схв. *к̀ришти* 'изгибать тело') 32. Значит, если

при толковании мотивации псл. *kьrkь (: рус. диал. *карк* ‘затылок; хребет, спина’, ст.-укр. *коркь* ‘шея’, схв. *кѣк* ‘шея’ и т. д.) мы будем исходить из признака ‘гибкая часть тела’, ‘гнувшийся предмет’, то будем совершенно правы, тем более, что основы **kьrk-* и **kьrš-* сформированы в границах одного этимологического гнезда — и.-е. *(s)*ker-* ‘гнуть, крутить; кривить’.

Так же могут быть истолкованы псл. *čelnь ‘сустав, сочленение’, *kol-ěno ‘колено’, *kьlka / **kьlkь*³³ ‘бедро; тазобедренный сустав’, сформированные на базе различных по степени корневой огласовки и наличию-отсутствию расширителей вариантов и.-е. **kel-* ‘колоть, подниматься, возвышаться, расти; вращаться’. В этих лексемах признаком мотивации выступает способность вертеться, двигаться (характерная черта сочленения) или же выпуклая, округлая конфигурация (ср. рефлексы псл. *got-ol-ьka > укр. *гомілка* ‘голень’ и чеш. *homolka* ‘небольшой сыр конической формы’³⁴, которое образовано от корневой основы **got-* ‘ком, выпуклость’) обозначаемой ими реалии. Значит, указанная выше модель номинации работает достаточно продуктивно.

Указанный принцип является во многих случаях критерием, дающим основание для утверждения об исконном (автохтонном), а не заимствованном характере слова. Так, в случае с упомянутым выше рус. *сычуг* ‘сычуг, часть желудка млекопитающих, из которой делают колбасу’ славянская этимология предпочтительнее тюркской не только потому, что лексема объясняется на базе собственно славянского словообразовательного материала, но и потому, что русская терминология желудка жвачных животных (*рубец, сетка, книжка*) — исконные слова.

5.3. Табуизация лексики

1. Одной из причин изменения формы слова, его лексического значения или даже утраты отдельных элементов словаря является табу. Табуистически маркированная лексика эвфемистически (иносказательно) обозначает реалии, которые, согласно поверьям древних народов, нельзя было назвать их прямыми (первоначальными) име-

нами, чтобы тем самым не вызвать их действие. Религиозный страх перед неперсонифицированной (а позднее уже наделенной человеческими чертами) стихией, дикими животными, злом стал причиной того, что эти понятия передавались специальной, религиозно «нейтральной» лексикой, которая не называла прямо то или иное мифическое существо или силу, взамен подчеркивая только её признак или действие. Так, например, слово *čьrtъ ‘черт’ с достаточно поздним мифологическим значением в карпатских диалектах украинского языка было заменено субстантивированным местоимением *tъrtъ (: гуц. *тот* ‘черт’³⁵), которое только указывало, намекало на что-то, что нежелательно прямо упоминать, не называя его. Также и в рус. диал. *ненáш* ‘черт, бес; нечистая сила’ (к случаям такого рода относятся и рус. яросл. *сам* ‘домовой’; олон. *сам* ‘медведь’)³⁶. Этот пример табуизации является элементом собственно христианского менталитета с его рядом эвфемизмов для называния Дьявола, черта (*Лукавый, Козёл* или, как в украинском, *Цап* и др.), однако сама традиция не произносить имени существа, которое нежелательно упоминать, имеет более глубокие корни.

Укр. диал. *безбитниця* уже к началу XX в. употреблялось только в составе ругательного выражения «щоб тебе безбитниця побила»³⁷, будучи, очевидно, табуистическим названием молнии. Лексема восходит к псл. *bezbitьnica — префиксальный дериват от *bitьnica, которое, в свою очередь, выступает производным от **bitьnъ(jь)* < **bitъ(jь)* — причастие на *-t-* от *biti ‘бить’. Таким образом, понятие молнии в данном случае передавалось как ‘то, что бьет не ударяя’, т. е. физически не касаясь.

Само слово *блискавка* в украинском языке — эвфемизм по отношению к более древнему, реликтовому праславянскому метеорологическому термину *mьldni. Очевидно, славяне достаточно давно осмыслили молнию *mьldni как один из атрибутов бога грома Перуна, потому обозначающий её термин, в свою очередь, под влиянием религиозного запрета употребления в диалектах начал структурно искажаться, изменяя первоначальный вид, о чем свидетельствуют его рефлексy: укр. диал. полесск. *маладнѣ, малайнѣ, маловнѣ, малоднѣ* при диал. *мóлнѣя*, ст.-укр. *мовнѣя*, рус. диал. *молоднѣя, маладнѣя*,

молва́, моловья́³⁸, малáшка, молáшка, блр. диал. малáнка. Здесь наблюдается ситуация, схожая со структурной перестройкой псл. *paubje — название жителей мира призраков, потустороннего мира: слвн. диал. *tauje* (собр.) ‘мифологические существа, души некрещеных детей в образе птиц, которые летают ночью’, *tauje* (наряду с первичным *pāujs*) ‘души некрещеных детей’, *tauje* = *tauje* и др.³⁹ Причины значительных изменений формальной стороны континуантов *paubje те же, что и в *mǫldni, а именно — желание избежать прямого упоминания табуизированного понятия путем искажения его названия.

Опасения архаичных славян употреблять древнее название молнии как признак божества, повелевающего громом, понятны еще благодаря этимологическому значению *mǫldni (< и.-е. **mel-* / **mol-* ‘бить, ударить; раздроблять’) ⁴⁰, которое в то время было еще живым, актуальным в их языковом сознании. Дело тут даже не в самой семантике разрушения, а в том, что она отражает разрушение, уничтожение, причиненные разгневанным божеством или стихией. Произнести *mǫldni, в сознании древнего человека, фактически означало разбудить некие неподконтрольные ему разрушительные силы. Такой вывод может быть подтвержден материалом других языков, в которых названия молнии не табуировались именно потому, что не были мотивированы часто религиозно маркированным значением ‘бить’ или ‘разбивать’. Ср.: д.-гр. ‘αστραλή, ‘αστραλά ‘молния’ ⁴¹, гр. ‘αστραλή, ‘αστερολή (как секундарная перегласовка ‘αστήρ) < ‘αστήρ- + -ολ-η, где ‘αστήρ, -έρος (ср. еще формы ‘άστρα, ‘άστρον) ‘звезда’ ⁴² (и это в языке этноса, который имел пантеон, возглавляемый Зевсом-Громовержцем, властелином грома и молнии!). Далее: армян. *p’ayl-akn* ‘молния’ < *p’aylem* ‘блестеть, сиять’, т. е. буквально *p’ayl* ‘блеск’ и *akn* ‘глаз’ (‘блеск в глазах’) ⁴³, осет. диал. *ærttevagæ* ‘молния’ (литературное), **aru|ærttiud* < *ærttiud* ‘блестеть, сверкать; сиять’ (< праиран. *āθr-dīp-* ‘сверкать огнем’) + *aru* ‘небо’ ⁴⁴.

Завершая пассаж о названиях молний, прибавим, что не только этот тип стихии в определенных условиях в разные времена обрастал разнообразными предрассудками. Аналогичный случай встречаем и в ситуации с наделением отрицательными чертами огня, что тоже

четко отразилось в языковой семантике, ср. употребление в некоторых архаичных говорах Полесья выражения «на *гн'а*: воно ми^єні», буквально — ‘зачем оно мне’ (с редукцией начального слога; пример из устного сообщения В. П. Шульгача). Слово *вогонь* здесь выступает эквивалентом чего-то плохого, недоброго, что в обычной ситуации передается другой формулой — «начорта, набіса воно мені».

Возвращаясь к примерам искажения формального облика лексем вследствие их табуизации, целесообразно вспомнить, как в диалектах изменялась исконная форма славянского названия божества грома и молнии *Perunъ ‘Перун’ (~ *perti ‘бить’). Достаточно посмотреть на его продолжения в разных языках: чеш. диал. *paom* ‘черт; гром’ (отголосок восприятия Перуна как олицетворения грома, молнии) в заклинании «*Paom do toho bijel!*» (нивелирование статуса бога и низведение его до уровня мелкого демонологического персонажа под влиянием табу и запрета на поклонение языческим идолам, наложенного христианским учением), слов. диал. *Paom*, *Peron* — имя, еще в начале прошлого века встречавшееся в заклинаниях, ср.: «*Paom do tebe*», «*Peronova strela t'a zabila*», Вуош *Paom* — мифоним (название божества), встречающийся в двух песнях, записанных еще Коларом. Кроме того, его вторичные варианты сохранены в топонимике, ср.: болг. *Перинъ* — гора южнее города Пещеры (другое, очевидно, более раннее название — *Перунова гора*)⁴⁵ < *Перинъ-гора, *Пирин-планина* — ороним (и в суффиксальной части здесь не обязательно считать рефлексом псл. *y* < и.-е. *ī* вследствие продления (врдхи) и как индоевропейский способ словопроизводства в культовых именах)⁴⁶. Далее ср. еще макед. *Перен* — бог грома и молнии⁴⁷.

Существуют и случаи, когда исконные названия различных персонажей демонологического пантеона (например, *упырь* или *черт*) заменялись названиями, привнесенными христианством, ср. рус. диал. *еретикъ*, *ерэтикъ*, *лѣсной еретикъ*, *жельзнодорожной еретикъ* ‘упырь с железными зубами, живущий в глубине лесов и пожирающий случайно зашедших путников’ (это представление в начале XX в. принадлежало исключительно сказкам), *жиды* ‘лесные черти’ в ругательстве «Ну тебя к жиду!» (если *жид* не народноэтимоло-

логическое переосмысление рус. диал. *дид, дед* — табуистическое название чёрта, ср. укр. *дідько* ‘т. с.’) ⁴⁸.

2. Мифологическая лексика не является единственным объектом табуизации. Часто табу в виде иносказания использовалось как мотив номинации в названиях животных, насекомых. Так, значения псл. *тиха ‘муха’, *тушь ‘мышь’ восходят к семантике ‘серый’. Т. е., обозначая этих докучливых существ, человек должен был уклоняться от их прямого называния, чтобы не наклепать ни тучу мух, ни полчища мышей. Правильность установленной мотивации (‘нечто серое’ > ‘мышь’, ‘муха’) подтверждается семантической аналогией, предоставленной литовским языком, где *pelė* ‘мышь’ буквально — ‘серая’ ⁴⁹. Указанный пример не является единичным: вспомним русское фольклорное, употребляемое чаще всего в сказочном жанре как обращение, название волка — *серый* или заимствованное из тюркских языков *барсук, борсук* ‘барсук (*Meles vulgaris*)’, этимологическое значение которого тоже определяется как ‘серый’ ⁵⁰.

Наконец, именно табу стало причиной забвения в славянском, балтийском и германском древнего индоевропейского названия медаведя — **ítko-* (сохранено в: д.-инд. *íksa-*, мл.-авест. *arša*, осет. *ars*, гр. ‘*άρκτος*, лат. *ursus*, д.-ирл. *art*, хетт. *hartagga-*; в славянском оно имело бы форму *гъсь). Природа нового слова (*medvěď), как и в предыдущих случаях, иносказательная. Псл. *medv-ěd-ь соотносится с *medъ ěsti, т. е. буквально ‘поедатель мёда’. Оно продолжает индоевропейское сложение **medhu-ēd-* ‘едящий мёд’, ср. тождественное д.-инд. *madh(u)v-ád-* ‘едящий сладкое’. Правда, и это название в некоторых уголках славянского мира в разное время подвергалось табуизации, свидетельством чего выступают фонетически искаженные варианты вроде укр. *ведмідь*, ст.-пол. *niedźwiedź* при первичном *miedz̄wiedź*, ст.-чеш. *nedvěď*, сосуществовавшее с этимологически правильной формой *medvěď* ⁵¹.

Напоследок приведем пример с утратой парадигмы праславянским *гајь (: рус., укр. *рай*), первоначально значившим нечто вроде ‘земля, связанная с течением’, ‘заречный’. Эта лексема рано вошла в словарь *terpina sacra*, т. к. стала употребляться в качестве обозначения

ния потустороннего мира, отделенного от мира живых рекой⁵². Следствием явился запрет на её употребление и употребление её производных в сферах жизни, не связанных с религией. Функциональное сужение привело к практически полной утрате гнезда *gaǰь в славянских языках.

Все эти примеры показывают, насколько неразрывной, органичной в сознании древнего человека была связь слова с обозначаемым им понятием. Название намертво срасталось с тем, что им названо. Человек просто не мог упомянуть что-то, чтобы не затронуть его сути, не вызвать его (зачастую нежелательное, как в приведенных выше случаях) действие. О том, как тесно слово было сплетено с тем, что за ним стояло, может отчасти сказать древнеисландское выражение *nafn-festr* 'наречение имени', мотивированное *nafn* 'имя' и *festr* < *fasta* 'прикреплять, приставать'⁵³, т. е. буквально 'прикреплять имя'. Потому не удивительно, что мотив табу в языке людей той древней эпохи играл заметную роль в коррекции лексикона.

¹ Трубачев О. Н. Праславянская лексикография // Этимология. 1983. М., 1985. С. 16–17.

² Примеры взяты из: Козлова Р. М. Структура праславянского слова (праславянское слово в генетическом гнезде). Гомель, 1997. С. 67, 173, 178, 180; Левицкий В. В. Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков. Черновцы, 1997. С. 74.

³ См.: ЭССЯ. М., 1985. Вып. 12. С. 26 (статья **kozul'a*).

⁴ Козлова Р. М. И.-е. *(s)*kel-* 'гнуть, сгибать; крутить, вертеть' в славянской гидронимии. II // Ономастика та етимологія. Зб. наукових праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Желізняк. К., 1997. С. 100–101.

⁵ Козлова Р. М. Структура праславянского слова. С. 67, 85.

⁶ Трубачев О. Н. Об этимологическом словаре русского языка // Вопросы языковедения. 1960. №3. С. 68–69.

⁷ См.: Трубачев О. Н. Дополнения и исправления к томам II, III, IV Этимологического словаря русского языка М. Фасмера, издания 2-го // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1987. Т. III. С. 830–831.

⁸ ЭССЯ. М., 1992. Вып. 18. С. 19–20.

⁹ Примеры взяты из: Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. М., 1986. С. 81; Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. II. С. 1506.

¹⁰ ЭССЯ. М., 1978. Вып. 5. С. 98–99.

¹¹ Фасмер М. Там же. С. 431.

¹² Фасмер М. Там же.

¹³ Латинско-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий и проф. Д. Н. Корольков. М., 1949. С. 80, 677.

¹⁴ Дополнение О. Н. Трубачева к статье *радуга* в: Фасмер М. Там же (со ссылкой на О. Семереньи).

¹⁵ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1991. Т. IV. С. 144.

¹⁶ Откупщиков Ю. В. Указ соч. С. 35.

¹⁷ Древнегреческо-русский словарь. Т. I. С. 727.

¹⁸ ЭССЯ. М., 1984. Вып. 10. С. 55–56.

¹⁹ ЭССЯ. М., 1990. Вып. 16. С. 141, 143.

²⁰ Фасмер М. Указ соч. М., 1987. Т. I. С. 496; ЭССЯ. М., 1977. Вып. 4. С. 231.

²¹ Откупщиков Ю. В. Указ соч. С. 87–88.

²² Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М., 1955. С. 262.

²³ Откупщиков Ю. В. Указ соч. С. 87.

²⁴ Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1990. Т. III. С. 432; Толстой И. И. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957. С. 242.

²⁵ См.: ЭССЯ. М., 1993. Вып. 18. С. 23–25.

²⁶ Откупщиков Ю. В. Там же. С. 88.

²⁷ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 1010; Древнегреческо-русский словарь. Т. II. С. 1706.

²⁸ Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XI (*lybnŋti, **iĕr(')ati*, *tъrati, *vъrskati, *mĕsŋti) // Этимология. 1982. М., 1985. С. 25.

²⁹ Фасмер М. Указ соч. М., 1987. Т. III. С. 631.

³⁰ Фасмер М. Указ соч. М., 1987. Т. IV. С. 504.

³¹ Варбот Ж. Ж. Там же.

³² Примеры взяты из: Козлова Р. М. Структура праславянского слова (праславянское слово в генетическом гнезде). Гомель, 1997. С. 269–270, 272, 273–274.

³³ ЭССЯ. М., 1977. Вып. 4. С. 44–45; 1983. Вып. 10. С. 132–134; 1987. Вып. 13. С. 188.

³⁴ ЭССЯ. М., 1980. Вып. 7. С. 19.

³⁵ Шухевич В. Гуцульщина // Материяли до українсько-руської етнольоїї / За ред. Х.В. Вовка. Львів, 1901. Т. IV. С. 224.

³⁶ Словарь орловских говоров: Учеб. пособие по рус. диалектологии / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Орел, 1995. Вып. 7. С. 109; Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. М.; Л., 2002. Вып. 36. С. 72.

³⁷ Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К., 1907. Т. 1. С. 37.

³⁸ ЭССЯ. М., 1994. Вып. 20. С. 221; Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903. С. 91.

³⁹ См.: ЭССЯ. М., 1998. Вып. 24. С. 50.

⁴⁰ ЭССЯ. М., 1994. Вып. 20. С. 222.

⁴¹ Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. I. С. 252.

⁴² Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954. L. 2. S. 170–171, 173.

⁴³ Frisk H. Там же. S. 170–171.

⁴⁴ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. I. С. 181, 71.

⁴⁵ Malina I. Slovník nářečí míštického. Praha, 1946. S. 81; Иванов И. Культ Перуна у южных славян // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1903. Т. VIII. Кн. 4. С. 149, 158 (со ссылкой на Ст. Захариева и Иречека).

⁴⁶ Трубачев О. Н. Мысли по поводу новой книги: Leszek Moszyński. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft (Böhlau Verlag, Köln; Weimar; Wien, 1992) // Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. С. 429.

⁴⁷ Станковска Љ. Топонимјата на селото Рамно // Македонски јазик. Скопје, 2000. Година XLVIII–L (1997–1999). С. 171–172.

⁴⁸ Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии

наук. СПб., 1901. Т. LXVIII. № 4. С. 50, 51; Фасмер М. Указ. соч. М., 1986. Т. II. С. 53.

⁴⁹ Подробнее см.: Трубачев О. Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974-2003): Доклад пленарного заседания на XIII Международном съезде славистов в Любляне (Словения), 2003 г. М., 2003. С. 34–35.

⁵⁰ Фасмер М. Указ. соч. Т. I. С. 128. Из новой литературы о языковом табу см.: Янышкова И. Заметки о языковом табу // Русская диалектная этимология. М-лы IV Международной научной конференции (22–24 октября 2002 г. г. Екатеринбург). Екатеринбург, 2002. С. 28–29.); раздел «Табу в лексике германских языков» в: Левицкий В. В. Германские языки и древние германцы. Черновцы, 2004. С. 143–146; Трубачев О. Н. Из истории табуистических названий: *росомаха*, *болеть* // Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2004. Т. 1. С. 684–692.

⁵¹ См.: Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / Пер. с нем. Б. А. Абрамова. Под ред. и с предисл. Н. С. Чемоданова. М., 1980. С. 64–65; ЭССЯ. М., 1991. Вып. 18. С. 65–66. Реконструкция исходного и.-е. **r̥tko-* более вероятна, нежели обычно фигурирующее в исследованиях **r̥kso-*. Во-первых, последнее не может объяснить отношения т и ș в греческой и древнеиндийской формах (при всей очевидности этимологического тождества приведенного материала они не могут восходить к одному и тому же праиндоевропейскому звуку). Во-вторых, исходная форма, не искаженная метатезой, как, например, в греческом языке (**árktos* < **ártkos*), сохранена в хеттском репрезентанте *hartagga-*, консервирующем архаичные фонетические черты (см.: Семереньи О. Там же).

⁵² Детальнее см.: Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. С. 190–191.

⁵³ Пример взят из: Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М., 1955. С. 255, 232.

6. ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТИМОЛОГИИ

Этимологическая экспертиза славянской лексики часто сталкивает исследователя со звуковыми изменениями, не описанными в пособиях по сравнительно-историческому языкознанию. В большинстве случаев это формальная перестройка слов в славянских диалектах исторического периода. Однако существует сумма явлений, имеющих более глубокую хронологию.

1. К таковым случаям относится апокопа начального индоевропейского *a*-в славянском и некоторых диалектах балтийского. Например, установление источника псл. **na* — предлог 'на', как и генетически тождественного ему д.-прус. *na, no* 'т. с.' при гот. *ana* 'на, над', авест. *ana* 'т. с.', гр. 'ἀνά 'снизу вверх' и др., восходящих к и.-е. **ana*, обязывает допустить эту апокопу этимологического аналаутного *a*- в славянской и древнепрусской формах. Только признание значительной степени древности такого фонетического изменения, обусловившего отличие псл. **na* и д.-прус. *na, no* от остальных родственных образований, позволяет определить этимологию славянского и древнепрусского слов, объединив их с индоевропейскими лексемами с начальным *a*- на правах фонетически вторичных форм по отношению к исходному и.-е. **ana*. Строго говоря, установление самого факта родства становится возможным только при условии допущения указанного звукового изменения. Вне круга лексем, сохранивших

это *a-*, псл. *pa и д.-прус. *pa* просто повисают в воздухе ¹. Аналогичный случай апокопы исконного анлаутного *a-* в славянском находим и в псл. *po, которое воспроизводит и.-е. *apo ².

Теперь обратимся к одному интересному звуковому соотношению в исходе некоторых славянских лексем, на которое в свое время обратил внимание О. Н. Трубачев. Ср.: схв. *svība* 'свидина, дерен красный *Cornus sanguinea*', слвн. *svība* 'т. с.', слвц. *svīb* 'свидина' при чеш. *svíd*, *svída* 'свидина, дерен красный *Cornus sanguinea*', пол. *świdwa*, *świd*, рус. *свидина*, укр. *свид* 'т. с.' и др. При всей очевидности родства перечисленных форм вариантность конечного согласного основы (*-b-*, *-d-*, *-dv-*) не может быть объяснена действием фонетических или грамматических процессов в славянских языках исторической эпохи. Речь идет о звуковом переходе, имевшем место в эпоху формирования праславянских диалектов. Этот переход предполагал изменение консонантной группы *-dv-* > *-b-*. Он находит параллель в латыни, где наблюдается аналогичная субституция, ср. д.-лат. *dvonus*, *duellum* при лат. *bonus*, *bellum*, а также лат. *vīburnum* 'кустарниковое растение, калина' < *vīb-urnum*, в котором *vīb-*, как и псл. *svidva (более позднее диал. *sviba; уточнение наше.— А. И.), восходит к и.-е. *(s)ueǵd̥u-. Конечно, это не изоглосса, а осуществление определенных общих артикуляционных тенденций, результатом которых стало ассимилятивное упрощение группы согласных. Причина их кроется в неких общих фонетических закономерностях, заложенных еще в индоевропейскую эпоху.

Непоследовательность отображения этого и.-е. *-d̥u-* как *-dv-* и *-b-* в славянских формах обусловлена тем, что в одном случае оно развилось в *-dv-*, позднее измененное в *-b-*, а в других — в *-d̥v-*, что позволяло, с одной стороны, сохранить оба согласных, а с другой — отделить *-v-*, очевидно, осмыслив его как формант (ср. вторичные формы с *-d-*). Природа этого *-v-*, обеспечившего сохранение консонантной группы, та же, что и у вокалической вставки, которая, согласно Р. Экблему, стала причиной сохранения псл. *dl* [d̥l] в западнославянских языках, обусловив раздельность артикуляции. Так же и *dv* с раннего времени в диалектах имело вид *d̥v* или *d̥vu*, причем этому краткому элементу *v̥* нельзя приписывать никакого этимологи-

ческого значения, т. к. он имел позиционную, вставочную функцию, как, например, ъ в псл. **d(ъ)va* ‘два’, которое развилось уже в собственно праславянский период, ср. лит. *dù* ‘два’ из **duuo*³, т. е. индоевропейская форма для славянского и балтийского *duō, а не **duō̄*. Еще одним примером развития славянской группы *dv* > *b* служит в.-луж. *z-běhać* ‘поднимать’ при более распространенном *dvigati. Ареал указанной артикуляционной тенденции расширяется, частично захватывая иранские языки, ср. авест. *biliya-* ‘второй, другой’ < **diviŋya-*⁴.

Таким образом, внимание к примерам вроде схв. *свиба* и пол. *świdwa*, *świd* вскрывает не только старое, ограниченное отдельными ареалами, ассимилятивное упрощение *-dv-* > *-b-*, но и его причину — такой же старый диалектный процесс развития секундарной позиционной вставки ъ в группе *dv* в славянском.

2. Фонетический облик славянских лексем подчас демонстрирует неславянскую норму в развитии того или иного звука, норму, свойственную исторической фонетике иранских или германских языков. Например, слав. *vaga* ‘вес’, ‘весы’, считают поздним заимствованием из д.-в.-нем. *wāga* ‘т. с.’ < и.-е. *uōghā, т. к. по правилам славянской исторической фонетики индоевропейская форма должна была бы реализоваться как *vaza*. Однако версии о заимствовании противоречат точные параллели в иранском (ср., например, язгулям. *wāz* ‘тяжесть, груз’, осет. *wæz* ‘т. с.’ и др.), говорящие о широком распространении и.-е. *uōghā в древности, и невероятно разросшееся словообразовательное гнездо в славянском (ср.: пол. *ważny*, *ważny*, *odwaga*, рус. *важный*, *уважать*, *отвага* плюс многочисленные приставочные формы), для формирования которого нужно было достаточно длительное время.

Еще один пример: начальное *r-* в псл. *rysz ‘рысь’, неотделимом от других индоевропейских названий рыси (лит. *lūšis*, д.-в.-нем. *luhs* и др.), восходящих к вариантам одной основы с разной степенью апофонии — **leuk-*, **leuk-* ‘сиять’, ‘блестеть’, может быть воспринято как аномалия, т. к. в славянском, как и в других языках, ожидался бы рефлекс *l-*, т. е. псл. *lysz (< **lūk-*). Переход этимологического *l-* >

r- — явление иранской фонетики (арийский ротацизм), однако и в этом случае речь не идет о заимствовании: в иранском нет подобного слова.

Итак, имеются славянские лексемы, оформленные по германскому и иранскому звуковым образцам и в то же время не являющиеся заимствованиями из германских или иранских языков. Такие случаи в специальной литературе охарактеризованы как перекрестные изоглоссы. Суть их состоит в том, что, по мысли В. И. Абаева, «в каждом языке (диалекте) могут выявиться в единичных фактах все те возможности, которые заложены во всей данной группе языков (диалектов) в целом». Во многих языках или диалектах одна из таких возможностей реализуется как господствующая, (доминирующая, типичная, специфическая, «правильная») норма, «закон», а другие представлены единичными случаями, «незакономерными», «неправильными», «исключениями». Однако они являются такими же «родными» для конкретного языка / диалекта, как и «правильная» норма. И наоборот, то, что в одом языке / диалекте — норма, в другом выступает в виде исключения, а исключение — нормой. К явлению перекрестных изоглосс относится и кентумное отражение и.-е. *k̑* в псл. *svekrъ ‘свекор’ вместо закономерного для славянского фонетического типа сатэмного *svesrъ (если здесь не реализация диалектного варианта индоевропейской основы с велярным *k*). В связи с этим уместным было бы вспомнить слова А. В. Десницкой о том, что «непоследовательную сатемность» можно считать признаком довольно широкой переходной полосы в центральной части индоевропейского диалектного ареала, к которой, помимо балтийских, славянских и албанского, видимо, принадлежали также иллирийские (с мессапским) и фракийские языки. Тенденция к ассимиляции палатальных — мощная инновация, двигавшаяся с востока, — в этой полосе заметно ослабевала, встречаясь с надвигавшейся с запада тенденцией к нейтрализации противопоставления палатальных и велярных⁵.

Колебание *g / z*, *r- / l-*, *k / s* в приведенных примерах обусловлено вторжением германской, иранской, кентумной артикуляционных норм в славянскую речь. Это вторжение — результат исконной неоднородности языковых ареалов, на территории которых, помимо

господствующего этноса с его языком, всегда присутствовали в виде вкраплений представители других языковых групп, которые, слившись с превалярующим населением, стали его частью. Отсюда и нехарактерные для его языка звуковые особенности, привнесенные растворившимся в нем инородным меньшинством. Подобные случаи можно найти и в других индоевропейских ареалах, например, реализация славянской произносительной нормы в иранском, мидийской в персидском, германской в иранском, греческой в иранском и т. д.⁶

Эти особенности, а также множество других звуковых законов, протекавших в глубокой древности или действующих в настоящее время в разных частях славянского мира (о них будет сказано ниже), обязательно нужно учитывать в процессе этимологической обработки славянского словаря.

6.1. Реализация формулы *telt* в восточнославянских языках

Принято считать, что праславянская формула *telt* (слова, построенные по этому фонетическому образцу) в восточнославянском ареале эволюционировала в *tolot* (классический пример со словом *молоко*) и (при наличии перед корневым *e* шипящего) *telot* (д.-рус. *шеломъ*, рус. *желоб* и далее, как в укр., — *жолоб* и др.). Причина этого — ранняя лабиовеляризация плавного *l*, из-за чего находящийся перед ним звук *e* отодвигался в заднюю часть полости рта, т. е. в зону образования гласных заднего ряда, имевших губную артикуляцию. Таким образом, в соседстве с вторично лабиовеляризованным *l* первоначальное *e* переходило в *o*. Эта точка зрения, основанная на небольшом стандартном наборе примеров (преимущественно лексемы литературного языка), кочующих из одного учебника в другой, в славянском языкознании стала традиционной и, насколько нам известно, не пересматривалась⁷. Между тем, русские, украинские и белорусские диалекты демонстрируют несколько иную картину развития псл. *telt*, а именно — его спорадическую рефлексацию как *telet*. Приведем некоторые примеры.

1. Рус. диал. *телепень* (р. п. — *телепня́*) ‘дородный ребенок’, влад. *тэлепень* ‘толстяк’, блр. диал. *цэлепень* ‘неповоротливый толстяк; обрубок’⁸, ср. еще общеупотребительное укр. *тэлепень* ‘неповоротливый, медлительный, медленно соображающий человек’, а также антропоним *Телепня*, 1649 г.⁹

Речь идет о репрезентантах псл. **telp-ьнь / *telp-ьп’а*. Производщее **telpa* отражено в рус. диал. *телёпа* ‘бестолковый человек’, новг. *телёпа* ‘непокладистый человек’ (< *‘плохо, туго соображающий человек’), ср. ещё производные: *за-телёпа* ‘вялый, нерасторопный человек’, *отелёпшиш* ‘толстяк, увалень’ (< **o(b)-telp-ушь*)¹⁰.

Основа **telp-* выступает вариантом с полной ступенью апофонии *e*-ряда относительно **tьlp-* (ступень редукции корневого вокализма *o*-ряда). Последнее представлено в: **tьlp-yga* (: укр. диал. полт. *тов-пига* ‘ироническое название глупого, тупого мужчины’), **tьlp-ega* (: рус. диал. ряз. *толпёга* ‘о толстом, упитанном человеке’, ‘глупый человек’, ‘толстуха’) при **telp-ega* (: рус. диал. *телепёга* ‘довольно толстая, здоровая женщина’)¹¹. Сохранились и производные от основы со ступенью редукции аблаута *e*-ряда, ср. **tьlp-atъ(jь)* (: чеш. диал. *tělpatý* ‘толстый, сильный’), **tьlp-eшь*, **tьlp-ьнь* (: рус. диал. *телпеш*, *телпень* ‘сильный ребенок’ < *‘толстый, упитанный ребенок’). В свое время В. Махек соотнёс их с рус. *тэлепень* ‘шар; неуклюжий ребенок’, определив, в конечном счете, как неясные, а М. Р. Фасмер объединил в одном гнезде рус. *тэлепень* ‘болван’, ‘вялый ребенок’, вторично *тиляпень* ‘неуклюжий человек’ и экспрессивные глаголы типа *телепаться* ‘болтаться, мотаться, свисать’, очевидно, расценив имена со значением вроде ‘болван; неуклюжий человек’ как семантические разновидности *тэлепень* ‘кистень, ядро на цепи’ (< *‘то, что свисает, болтается’), которое действительно может быть дериватом от *телепаться*¹². Указанные образования нужно размежевывать.

Все эти лексемы сформированы в этимологическом гнезде с базовым и.-е. **tel- / *iļ-*, имевшим, судя по семантике рефлексов, значение ‘нечто выпуклое, толстое’ (значение ‘неповоротливый, глупый человек’ вторично, как и в других словах, имеющих генетическую семантику ‘толстый, выпуклый предмет’). Элемент *-p-* имеет функцию

расширителя наравне с другими, ср. еще: **telm-* / **tǫlm-*, **tǫlb-* с аналогичным значением ¹³.

Эта новая формула основы *telet* в историческую эпоху могла претерпевать дальнейшие изменения в *tel'at* / *tel'ot* / *til'at*, ср.: блр. диал. *теляпень*, *тиляпень* 'грузный, толстый человек', *цяляпéнь* (р. п. *цяляпня́*) 'неповоротливый, неловкий человек', рус. диал. *зателяпа* 'нерасторопный, вялый; неуклюжий человек; толстый неповоротливый ребёнок; крепыш, здоровяк', *зателёпыш* 'крепыш, здоровяк', 'толстяк', 'толстый ребёнок' ¹⁴.

2. Рус. диал. смол. *заселепnúть* 'зачерпнуть' ¹⁵, блр. диал. *селепаць* 'проворно черпать; хлебать, хлестать', ср. ещё укр. диал. *селепíтися* 'пристать к кому-нибудь, привязаться', *обселепíтися* 'напиться' ¹⁶, блр. *селепаць* 'проворно черпать', рус. диал. *силипать* 'высовывать язык', 'пить' (< **селепать*) при ст.-сл. *слѣпати* *ἄλλεσθαι* ¹⁷. Это рефлексы псл. **selpati(sę)*, **selpiti(sę)*, **(za)selpnoŕi*, в которых основа **selp-* продолжает детерминативно (на *-p-*) расширенное и. е. **sel-* с общим значением движения. Семантика 'зачерпнуть, быстро черпать', 'хлебать (> напиться), хлестать, пристать' продолжает '(с)делать быстрое, резкое движение'.

3. Рус. диал. *заселентíть* 'пойти, быстро перебирая ногами и делая мелкие шаги; засеменить; забегать суетясь' ¹⁸ — форма с *n*-эпентезой перед зубным (см. об этом далее), т. е. сначала **заселентить* < **(za)seltiti*. Основа **selt-* репрезентует *t*-детерминативацию рассмотренного выше и.-е. **sel-*.

4. Рус. диал. *челенó* 'три ряда нижних бревен сруба', 'звено бревен в плоту', *целено* 'плот', *чёлень* 'известное количество паёв в поле' < псл. **čelnъ* 'сустав, член', укр. диал. *челенок*, *челенко* 'в пальце: кость, сустав' < **čelnъkъ* ¹⁹.

Как видно из этих примеров, псл. *telt* даже при наличии шипящего перед *e* в некоторых случаях реализовалось не как *telot*, а как *telet*! К фактам этого же разряда относится и д.-рус. *шелемъ* 'шлем' при более распространенном *шеломъ* ²⁰. Их нельзя объяснить дистантной прогрессивной ассимиляцией *е — о > е — е*, т. к. в древнерусских

словах с фонетически тождественной структурой наблюдается обратная тенденция, а именно — диссимиляция $e - e > e - o$, ср. *железа* и первоначальное *железа* (разумеется, это не рефлекс псл. *telt*, учитываемая генетически соответствующее лит. *gẽležiuopės* мн. ‘железы’; речь идет только о формальном подобии лекем такого типа продолжениям структур типа *telt*)²¹.

Ср. еще пример дальнейшей эволюции *telet* > *talat* / *tolat* на восточнославянской почве: укр. диал. *чолán* ‘кусок дерева, который составляет часть обода в колесе’, блр. диал. *чў-чаланкі* ‘суставы пальцев руки’²².

5. Укр. диал. *бѣлебень* ‘возвышенное и открытое место’, ‘открытая или опустошенная местность без построек и растительности’ < псл. **belbepь*²³.

Сюда же вторичная форма, указывающая на позднее диалектное изменение *telet* > *telit* в безударной позиции: укр. диал. *белибѣнь* ‘незаросший голый бугор, пустошь’²⁴.

6. Некоторые примеры реализации указанной формулы как *telet* дает этимологический анализ топонимии, ср.:

укр. *Телемень* — название левого притока р. Ризни (также в бассейне Тетерева) < псл. **Telm-epь*, *Телемля* — правый приток Псла на правом берегу Десны < **Telmja*, рус. *Телема* — ойконим (территория бывшего Данковского уезда Рязанской губернии) < псл. **Telma*, которые репрезентуют полную ступень апофонии *e*-ряда относительно ступени редукции вокализма *o*-ряда, представленной в **tɔlma* с общей семантикой ‘округлость, выпуклость, выступ’²⁵.

Рус. *Велетьма* — гидроним (бас. Волги)²⁶ < псл. **Velt-ьта* / **velt-ьта* — дериват с формантом *-ьта* (как **vǣdati* ~ **vǣd-ьта*, **kǣřiti* > **kǣřьта*) от основы, представляющей *t*-расширение славянского рефлекса и.-е. **цel-* ‘крутить, поворачивать, обвивать, мотать’. Ср. варианты по качеству и количеству корневого вокализма формы, иллюстрирующие другие виды наращивания: **vɔlb-uka* (: рус. диал. *валбўка* ‘нарост под кожей на теле; шишка, опухоль’ и др.), **vɔlda* (: рус. диал. *вáлда* ‘палка, жердь’) и др.²⁷

7. Рус. диал. *ожелѣдица* 'гололедица, ледяной наст на снегу', укр. *óжелѣдь* 'гололедица, дождь со снежной крупой' при ц.-слав. *жаждѣница* 'дождь со снегом, градом', слвн. *žlêd* 'гололедица, дождь с градом', пол. *żłódź* 'т. с.' и др. < псл. **želd-* 28.

Итак, приведенный в этом параграфе материал достаточно красноречиво свидетельствует о том, что формула *telt* в языках восточнославянского ареала эволюционировала не только в *tolot* / *telot*, но и в *telet*. Любые ссылки на какие-либо ассимиляционные или диссимиляционные процессы, действие экспрессивной фонетики, обусловившей трансформацию звуковой формы слов, здесь были бы неуместны. Причина такого «незакономерного» развития указанного звукотипа заложена в древней ареальной дифференциации, в соответствии с которой в некоторых позднепраславянских диалектах среди тех, что стали основой будущих древнерусских говоров, *telt* развилось в *telet*. Это состояние изменилось позднее, во времена интенсивных миграций населения в границах восточнославянской территории, послуживших причиной многократного смешивания представителей разных древнерусских идиомов. Поскольку носители диалектов, в речи которых *telt* дало *telet*, оказались в меньшинстве, они растворились в общей массе, а их языковая норма была вытеснена нормой, привычной большинству, т. е. *tolot* / *telot*. И только на периферии (периферия вообще является консервирующей средой для архаичных явлений) оказалось возможным сохранение в небольшом количестве примеров старой нормы другого типа.

6.2. Диалектные изменения формулы *tolot* в восточнославянских языках

Основы, построенные по образцу *tolot* (< псл. *tol̥t*), в говорах русского, украинского и белорусского языков (ранее — в диалектах древнерусского) часто подвергались звуковым изменениям, значительно искажившим их первоначальный вид. Следствием этого явился отрыв этих вторичных форм от слов, сохранивших первоначальный облик, и в итоге их этимологическая изоляция. Это сильно осложняет генетическую интерпретацию таких форм и особенно образованных

от них онимов, анализ которых без апеллятивной опоры просто невозможен: перед нами будет просто ничего не значащий хаотичный набор звуков. Поэтому нужно иметь представление о типах видоизменений указанной формулы, чтобы при работе с, на первый взгляд, этимологически изолированным лексическим материалом суметь распознать в нем трансформированное *tolot*. Далее приводятся виды его фонетического модифицирования.

1. *tolot* > *talat* (*a* под ударением и в безударной позиции):

рус. диал. *калабúха* 'большая лодка'²⁹ < *колобуха < *kolb-иха, где **kolb-* выступает *b*-расширением и.-е. *(*s*)*kel-* 'гнуть, крутить; нечто выпуклое; резать' (мотивация по характеру формы, например, выпуклости, заокругленности бортов); *колобúх* и его вариант *калабúх* 'ком, шар', (специализированное) 'круглый пирог с толокном' (~ *колоба* 'маленькая круглая выпуклая лепёшка')³⁰ < *kolb-ихъ (грамматический вариант к *kolbuxa) < *kolba;

укр. диал. *палахнути* 'вспыхнуть', *палахну́ти* 'гореть уничтожаясь в огне' при *сполохну́ть(ся)* 'вспыхнуть'; *палахти́ти* и *полохти́ти* 'вспыхнуть', которые имеют соответствия в чеш. *pláchnouti*, *pláchtati* 'полоскать' (ср. рус. диал. *полоска́ть* 'о сильном пламени')³¹ < *polxprti, *polxъtati, *polxъtěti (пол. *pałachcieć* 'гореть, давая яркий неровный свет', приведенное в «Етимологічному словнику української мови» как соответствие украинским словам³², является заимствованием из украинских диалектов (ср. *палахти́ти*), причем заимствованием вторичной формы; исконно польское слово имело бы вид *plôchcieć);

рус. диал. *балабóшка* 'пышка, оладья', *балабка* 'маленький хлебец, колобок, каравай', *бала́буш(к)а* / *бала́бышка* 'булочка', укр. диал. *балабúх* 'пирог', *бала́бух*, *бала́буха* 'булочка', блр. диал. *бала́буха* 'т. с.'³³ < *болоб-ош-ка / *болоб-уш-ка / *болоб-ыш-ка, **болоб-ух(а)*, *болоб-ка; основа **болоб-* восходит к псл. *bolba / *bolbъ ~ и.-е. **b(h)el-* 'вздуваться, толстеть; нечто округлое, выпуклое'.

Пол. диал. *batabuch* 'булочка', приводимое в ЭСБМ как соответствие перечисленным лексемам, является поздним заимствованием

ем из восточнославянских диалектов вторичной формы с проведенным изменением *tolot* > *talat*.

Укр. диал. буков. *талабувати* ‘топтать, толочь’ — метаплас- тическая форма относительно **толоб-*, сохранённого в рус. диал. *за-толобить* ‘затоптать’ < *tolbiti. Речь идёт об образовании, вариантном по типу расширения корня к **telk’i* / *tolčiti (: укр. *толочити* ‘вытаптывать посевы, траву’), *tolpiti(*se*) (: ц.-сл. *тлапнѣти* ‘успокаивать’, пол. диал. *łtorić se* ‘тесниться, жаться, толпиться’ ~ рус. диал. *толопá* ‘зверинная тропа’ < *‘вытоптанное, протоптанное место’) ³⁴.

2. *tolot* > *tal’at* / *talet*:

рус. диал. *балыбыш* ‘маленький каравай из ржаной или овсяной муки’ ³⁵, представляющее собой фонетически модифицированное *болоб-ыш, ср. выше примеры с другой суффиксацией (*болоб-ош-ка, **болоб-ух(а)*, *болоб-ка);

рус. диал. *калябить*, *калябиться* ‘ломать’, ‘кривляться, ломаться’, *скалябать* ‘изогнуть’, *скалябить* ‘начать болеть (о пояснице)’ (буквально — ‘ломить поясницу’, ‘сгибать от боли спину’) ³⁶ < **с-колобить(ся)* / *с-колобать < **-kolbiti(se)* / **-kolbati* (касательно рефлексов второго ср. ещё семантически продвинутое чеш. *klabati* ‘копаться, ковыряться’, ‘обрубать’) ³⁷;

рус. диал. влад. *каляжиться* ‘кривляться, ломаться’ ³⁸ < *коло-житься < **kolžiti(se)* — разновидность с *ž-*(< *g-*)расширением основы **kol-* относительно **kolbiti(se)* (см. ниже ещё **orz-kolžiti(se)*);

рус. *Балебино* — ойконим (бывшая Псковская губ.) < *Балеба — личное имя < *Болоба < *bolba (см. выше), ср. ещё *Балебы* — название населенного пункта в Вятской губернии, образованное путем ойконимизации плюральной формы антропонима *Балеба ³⁹ (или же эллипсис второго компонента конструкции типа *Балебы починок / *весь* и др.).

3. *tolot* > *tolat* / *tolet* (о > а под ударением):

рус. диал. *колобух* и *колабух* ‘ком, шар’, ‘круглый пирог с толокном’ ⁴⁰;

укр. диал. *головль*, рус. диал. *голубль* ‘рыба *Squalius Dobula*’ и *голавль* ‘рыба *Cyprinus Dobula*’ ⁴¹;

рус. диал. *колобáн* ‘толстая лепёшка’, ‘каравай хлеба’ и *колебáн* (более продвинутое фонетически — *калебáн*) ‘т. с.’ < *колоб* (< *kolbъ)⁴².

4. *tolot* > *talut* (*y* под ударением и в безударной позиции):

укр. диал. *шкалúбати* ‘ковырять’ при *за-школóбитися* ‘зано-зить себя’⁴³ < *skolbati / *skolbiti(se) (относительно **skolb-* см. выше вариант без *s-mobile*), сюда же *скалúба* ‘трещина’ и *шкалúбина* ‘дыра, щель, трещина’⁴⁴ < *сколоба, *сколобина < *skolba, *skolbina; в памятниках письменности факты изменения *tolot* > *talut* отмечаются уже с XVI века, ср. украинский гидроним (территория лемковских говоров) *Skatuba*, 1565 г. — название пруда ~ *skatuba* ‘щель’⁴⁵ при укр. диал. гуц. *засколобина* ‘ущелье’⁴⁶ (< *za-skolbina);

рус. диал. новг. *скалудíна* ‘очень худой, тощий’⁴⁷ < *сколодина < псл. *skold-ina — образование от основы **skold-*, являющейся вариантной по расширению (на *-d-*) относительно **skolb-* (см. выше);

блр. диал. *раскалúжыцца* ‘расшевелиться’⁴⁸ < *расколожыцца < *orz-kolžiti(se), где базовое **kolž-* (< **kolg-*) иллюстрирует еще один тип наращения (*-g-*) и.-е. *(*s*)*kel-*. Относительно развития семантики ‘шевелиться’ в гнезде *(*s*)*kel-* ср. укр. диал. *вушколóбитися* ‘шевелиться’ (употребляется в речи жителей старшего поколения; пгт Новоархангельск Новоархангельского р-на Кировоградской обл.; запись наша) < **o(b)-skolbiti*(se) (*o-* > *y-* под влиянием поздней *v-*протезы). Это значение продолжает **‘(резво) двигаться’ < ‘гнуть, крутить’.

5. *tolot* > *tolut* (изменение, фиксирующееся уже в XIV веке):

д.-рус. *Ѓколуvино*, 1387 г. — название населенного пункта, находившегося на территории, относящейся ныне к Украине⁴⁹, мотивированное антропонимом *Сколуба < *Сколоба < псл. *Skolba (касательно **Skolb-* см. выше); аналогично и в случае с русским антропонимом *Колубихин* Амбросим сын Лукьянов (Воронеж, XVII в.)⁵⁰ < *Колубиха < *Колобиха, основа которого также содержит псл. **kolb-*; сюда же рус. диал. *колубкú* ‘коржики’⁵¹ при более распространенном *колобóк* < *kolb-ъkъ;

рус. *Сколутиха*, 1584 г. — пустошь в Вологодском уезде⁵² < *Сколотиха < псл. **съ-kolt-/jъz-kolt-* (: рус. *сколотíть*, *исколотíть*);

блр. диал. *высолупиць, высолупáць* ‘высунуть язык, лизнуть’ < **высолониць, *высолониць*, ср. укр. диал. *высолонити* ‘высунуть язык’ ⁵³ < псл. **vy-solpati / *vy-solpiti* ⁵⁴.

6. *tolot* > *tolyt* (о > ы под ударением и в безударной позиции):

блр. диал. *солып* ‘о высывывании языка’ ⁵⁵ < **солюпиць / *солюпаць* < **солониць / *солониць* (см. выше рефлексy префиксальных псл. **vy-solpati / *vy-solpiti*);

рус. диал. *болынь* ‘подкожный слой клетчатки у животного или человека’ — вторичный фонетический вариант к *болонь* ‘т. с.’ ⁵⁶ < псл. *bolny ⁵⁷.

7. *tolot* > *tol'ut* (переход засвидетельствован уже в начале XVII в.):

рус. *Кулюбакино*, 1623 г. — деревня в Староволоцком стане ⁵⁸ < *Кулюбака — антропоним < *Колобака < псл. *kolbaka — дериват с формантом *-aka* от основы **kolb-* (подробнее о ней см. выше);

укр. *Толюпа* — антропоним ⁵⁹ < *Толопа < псл. *tolpa (апофонический вариант к **telp-* ‘нечто выпуклое, толстое’; см. выше).

8. *tolot* > *tol'at* (о > 'а под ударением):

рус. диал. *колябушка* ‘картофельная оладья’ ⁶⁰ < *колобушка — деминутив на *-к-* от *колобух(а)* (см. выше).

9. *tolot* > *tulyt* (о > ы под ударением):

рус. диал. новг. *кулы́баш* ‘каравай’, яросл. *кулы́быш* ‘круглый хлебец; пресная лепёшка’ ⁶¹ < **колобаш, *колобыш* (~ *колóба* ‘маленькая круглая выпуклая лепёшка’; см. выше) < псл. **kolb-ašь, *kolb-уšь*.

10. *tolot* > *tulet / tul'ot*:

рус. диал. *кулебуха* ‘булочка из остатков теста’, *кулёбыш* ‘небольшой хлебец, обычно из ржаной муки’, *кулёба* ‘неповоротливая медлительная женщина’ ⁶² < **колобуха, *колобыш, колóба* (см. выше); семантика ‘неповоротливый, ленивый’ — следствие развития переносного значения у лексемы типа *колóба* ‘маленькая круглая выпуклая лепёшка’;

блр. диал. *скулё́бiцца* ‘скорчиться, подогнуть под себя ноги’ (ср. выше *скаля́бать* ‘изогнуть’);

рус. *Тулбля* — ойконим (бывш. Новгородская губ.) < *Толобля < *Tolbja ~ рус. диал. *за-толбить* ‘затоптать’ (см. выше) ⁶³.

11. *tolot* > *tul'ut* (переход отмечается с первой половины XVII в.):

укр. *Тулюпа, Тулюпенко, 1649 г.* — антропонимы ⁶⁴ < *Толопа < псл. *tolpa (апофонический вариант к **telp-* ‘нечто выпуклое, толстое’; см. выше ещё укр. *Толюпа*).

12. *tolot* > *tul'at*:

рус. диал. *кулябух* ‘пирожок или хлебец, испеченный из остатков теста’, *кулябий* ‘хромой, кривоногий; неуклюжий, неумелый’ ⁶⁵ < *ко-лобух*, *колобий (семантика ‘хромой, кривоногий’ вторична относительно ‘неуклюжий’ < ‘неповоротливый’ < ‘толстый, выпуклый’; см. выше);

рус. диал. *скулябать* ‘плохо, небрежно что-либо шить’ < *ско-лобать, ср. форму с другим префиксом, сохранившую первоначальный облик, — *наколобать* ‘небрежно, кое-как шить’ ⁶⁶ < **-kolbati*;

укр. диал. *кулябка* ‘неуклюжий, неотесанный человек’ ⁶⁷ < *ко-лобка < **kolb-* ‘выпуклый, округлый предмет’ (ср. выше рус. диал. *колоба, кулёба, кулябух*).

13. *tolot* > *tulit* (изменение отмечается уже в начале XVII в.):

рус. *Кулибакинъ Богданъ, 1602 г.* ⁶⁸ < *Колобакинъ < *Колоба-ка < псл. *kolbaka (подробнее см. выше).

14. *tolot* > *tulut*:

укр. диал. (этнограф.) *мулудáць* ‘свадебный «молодýй»’, *мулуд-ýха* ‘свадебная «молодá»’ < *молодець, *молодуха, ср. рус. диал. *молодéц* ‘молодой человек, холостой мужчина’, *молодýха* ‘женщина, недавно вышедшая замуж’ (производные от рефлексов псл. **boldь(jь)*);

рус. *Тулубля* — гидроним (бывш. Новгородская губ.) < *Толобля < *Tolbja (см. выше) ⁶⁹.

15. *tolot* > *tylat* (в безударной позиции):

блр. диал. *пылазók* ‘полозок, «подошва» в плуге’ ⁷⁰ < *полозок < *polzъ (ср.: рус. диал. *пóлов* ‘санный обод’, болг. *плав* ‘подошва плуга’ и др.) — полная ступень апофонии относительно **rylз-* (ср. рус. *пóлзать*);

блр. диал. *пылатнó* ‘полотно’ ⁷¹ < *полотно* < *polъno.

16. *tolot* > *tylyt* (в безударной позиции):

блр. диал. *пылыса́* 'полоса' ⁷² < *полоса* < *polsa;

блр. диал. *пылыска́ць* 'полоскать' ⁷³ < *полоскаць < *polskati.

Теперь, четко представляя модели изменения восточнославянского *tolot*, можно дать достоверное этимологическое толкование апеллятивной и зависимой от неё проприальной лексики, ранее производившей впечатление экспрессивной, звукоподражательной или вообще не поддающейся анализу из-за отсутствия установленных связей с родственными (первоначальными) формами.

Отметим, что перечисленным изменениям подвергались не только слова, построенные по указанному фонетическому образцу, но и слова, чей облик лишь внешне напоминает структурную схему (и главное — её развитие) *tolot* < *tol̥t*, на самом деле таковой не являясь. Речь идет о таких лексемах, как:

рус. *пóлымя* < *пóломя*, блр. *пóлыме* при *пóломя*, укр. *пóлум'я* < *пóлом'я* 'пламя' ⁷⁴ < **pol̥mę*, *-ene* (параллель к **pol̥m̥y* / **pol̥m̥eňy*, *-ene*, ср.: ст.-сл. *пламы*, геп. *пламене*, болг. *пла́мен*) ~ **pol̥ěti* (: рус. *полётъ* 'гореть') ⁷⁵ (Е. Ф. Карский пытался объяснить *лы* в блр. *пóлыме* как результат ложной аналогии с такими образованиями, как *блыхá* ⁷⁶, однако ср. рус. *пóлымя* < *пóломя*, что никак не объяснить такой аналогией, т. к. в русском употребляется не *блыхá*, а *блохá*);

рус. диал. *голымя́* при *гóломя* 'открытое море' ⁷⁷ < **gol̥mę*, *-ene* — суффиксальное производное от **gol̥* 'голый, открытый' ⁷⁸.

Эти примеры не относятся к разряду оформленных по типу *tol̥t* и вот почему. Формула *tol̥t* — это старые образования (окаменевшие, нечленимые структуры), представляющие собой соединение любого корня на плавный (*l*) сонант и консонантного (его условно обозначают как *t*) детерминатива. Приведенные же слова образованы от элементарных основ путем присоединения суффиксального форманта *-mę*. После прекращения действия словообразовательной модели с этим формантом, когда деривационные связи между производными и производящими основами были утрачены и *-mę* как самостоятельная морфема перестало существовать, структура этих, теперь уже воспринимаемых как нечленимые, непроизводные, лексем была отожд-

дествлена со структурой слов, действительно построенных по типу *tol*t.

Отождествление затронуло не только восточнославянские, но и другие языки славянской группы, причем коснулось оно и лексем, звуковой облик которых напоминает формулы *telt* и *tert*. В частности, кроме имён с формантом *-tę* (сюда же рефлексы псл. **selmę* / **solmę*, *-ene* 'брус, перекаладина': рус.-ц.-слав. *слѣма*, *-ене*, болг. *слѣме*, чеш. *slémě*, *sléměno*, пол. *ślemię*, рус. диал. *селемено*⁷⁹, укр. диал. гуц. *селемино* 'стропило' и др.; ст.-сл. *слама* 'стропило', н.-луж. *Slomeń*, 1421 г. — топоним (р-н Котбуса) и др.⁸⁰; речь идет об образовании от основы и.-е. **sel-* / **sol-* 'брус, балка'), мы находим подобный результат, обычно демонстрируемый рефлексами *tol*t > *tolot* / *tlat* / *tlot*, *telt* > *tlet*, *tert* > *teret* / *tret*, в глаголах, не имевших изначально соответствующих структурных характеристик. Это атематические глаголы, состоящие из элементарной (нерасширенной) корневой морфемы, за которой следует показатель инфинитива. Здесь морфемная граница всегда была четкой и глагольное *-ti* как живой активный аффикс не могло окаменеть, что привело бы к появлению фонетических комплексов, формально соответствовавших указанным структурам. И тем не менее глагольная лексика содержит случаи указанного выше типа структурной эволюции. Ср.:

*verti (: ст.-слав. *въврѣти* 'всунуть', слвн. *suréti* 'сморщиваться, собираться в складки', пол. *wrzec* 'запирать', рус. диал. *верѣть* 'т. с.');

*perti (: схв. *zàprijeti* 'запереть', пол. *przec*, рус. *у-перѣть*, *заперѣть*; укр. диал. бойк. *перѣтися* (при типичном *пѣртися*) 'спорить; толпиться, толкаться');

*terti (: серб.-ц.-слав. *трѣти*, слвн. *tréti*, чеш. *tříti*, рус. *терѣть* 'тереть', укр. диал. бойк. *потерѣти* (при типичном *потѣрти*) 'поломать, расколотить (глиняные, стеклянные предметы); потолок, разбить');

*kolti (: ст.-слав. *клати*, слвн. *kláti*, слвц. *klat'*, пол. *kłóc*, рус. *колóть*, укр. *колóти* 'колоть');

*melti (: ст.-сл. *млѣти*, схв. *млѣти*, пол. *mlec*, рус. *молóть*, укр. *молóти*, блр. *молóць* 'молоть')⁸¹.

Такое же разграничение должно быть проведено и между словами:

а) оформленными по звуковой модели *ort* / *olt*, где *t* — любой детерминатив или детерминативный комплекс, распространяющий корни **or-* / **ol-*;

б) образованными по суффиксальным моделям на *-dlo*, *-me* от элементарных корней.

Ср., с одной стороны, ст.-сл. *расть*, схв. *râst*, слвн. *râst*, чеш. *rost-lina*, слвц. *rast-lina*, пол. *rosły, roślina*, рус. *рост*, блр. *рост* < псл. **orste*; ст.-сл. *лакътъ*, схв. *lâkat*, слвн. *lakât*, чеш. *loket*, слвц. *laket'*, пол. *łokieć*, рус. *локоть*, блр. *локаць* < псл. **olk-ътъ*, демонстрирующие детерминативно расширенные основы, а с другой — ст.-сл. *рало*, слвн. *rálo*, схв. *rǎlo*, чеш. *rádlo*, слвц. *radlo* пол. *radło*, укр. *рало*, блр. *рала* < **or-dlo* 'соха' (< **orti* 'пахать'); ст.-сл. *рамо*, схв. *rǎme*, слвн. *ráme*, чеш. *rámě*, пол. *ramię*, укр. диал. *рам'я* 'рука', рус. *рамена* 'плечё' < **or-me*, *-ene* ⁸² (учитывая многочисленные индоевропейские параллели, очевидно, следует предполагать старое суффиксальное образование) ⁸³.

Итак, материал четко отграничен одной яркой чертой: в суффиксальных основах, только напоминающих структурную модель *ort*, метатеза проведена с одним и тем же результатом во всех славянских языках — *or* > *ra* (и никогда *ro*), в то время как в детерминативно расширенных основах *ort* / *olt* реализуются как *rat* / *lat* и *rot* / *lot* точно так же, как и *tort* / *toit*. Почему-то эта особенность славянской лексики до сих пор не освещалась в работах по сравнительно-историческому языкознанию ⁸⁴.

6.3. Диалектные изменения формул *teret* и *torot* в восточнославянских языках

Аналогичной перестройке в разные периоды подверглись и общевосточнославянские *teret*/*torot*. Ср. ниже примеры их эволюции в диалектах.

I. *Torot*.

1. *Torot* > *tarat*:

блр. диал. *варапáй* ‘несообразительный, бестолковый человек’ < *воропай, ср. рус. диал. *воропáй* ‘слепой человек’ < *вогр-ајь;

укр. диал. полесск. *варапáник* ‘хлеб из недоброкачественной, преимущественно смешанной муки’ < *вороп-ан-ик < *вогр-апъ — аллодериват к *вогр-ајь (относительно семантики ср. рус., укр. диал. *воропáй*, блр. диал. *варапáй* ‘постоянный эпитет жениха и каравая в народной поэзии’) 85;

рус. диал. *ка́рандыш* ‘человек очень маленького роста’ < *корондыш (сохранилось как антропоним, ср. *Корондышев*, 1587 г.) — форма с эпентетическим -н- перед зубным (об этом см. ниже) < *кород-ыш < *корода < *korda ‘кривой (> согнутый, маленького роста), выпуклый’ (ср. укр. диал. *корóда* ‘очень суковатое дерево’) 86;

2. *torot* > *tarot* / *tarut* / *taryt*:

блр. диал. *варóхаць* ‘тягать что-нибудь с шелестом’; *варушиць* ‘ворошить, двигаться’; *вары́хаць*, *вары́хнуць* ‘шатасть’ 87 < *ворохаць, *ворошиць, *ворохнуць < *vorxati/*voršiti, *vorxpti (см. ниже);

блр. диал. *смарóдзина* ‘смородина’ 88 при рус. *сморóдина*;

рус. диал. *закары́ндыш* ‘о крепком здоровом ребенке’ 89 < **закоро(н)д-ыш* («н» в скобках дано потому, что неизвестно, на какой именно стадии развития слова оно появилось: на стадии -оро- или -ары-; ср. ниже четкую последовательность изменений в случае с *кородыш > *курыдыш* > *курындыш*) < **kord-* (см. выше);

3. *torot* > *torat*:

блр. диал. *сóрам* ‘срам, стыд’ 90 < *сором (ср. укр. *сóром* ‘т. с.’);

4. *torot* > *torut*:

укр. диал. *закорóблий* ‘окоченевший, оцепеневший’ < *закороблий, ср. осложнённое ещё одним префиксом рус. диал. *заскорóбить* ‘сделаться жёстким, затвердеть’ 91;

рус. диал. *скорóзнуть* ‘становиться сухим, жёстким (о земле)’, ‘рубцеваться (о ране)’ 92 < *скорознуть < *съ-korznoti/*skorznoti (основа **съ-korz-* / **skorz-* образована на базе z-расширения славянского рефлекса и.-е. **skor-* с пестрым набором значений, основными из которых были ‘гнуть, кривить’, ‘резать’; семантика ‘затвердевать, рубцеваться’ — следствие развития энантиосемии к ‘резать’);

блр. диал. *ворухаць* 'искать в голове' (буквально — 'ворошить волосы'), *воруи́ць*⁹³, укр. *воруи́ти* 'шевелить, касаться чего-либо' < *ворухаць, *воруи́ць / (укр.) *вороштити (ср.: рус. диал. *вороха́ть* 'ворошить, касаться', ст.-укр. *вороштити 'касаться (чего-либо), прикасаться (к чему-либо)' < *vorxati / *voršiti(se) ~ *vorxъ 'ворох'⁹⁴;

5. *torot* > *toryt*:

рус. диал. *хворыстnúть* 'ударить хворостинной' при *прохворостnúть* 'порядочно высечь'⁹⁵ (в конечном счете — к *xvorstъ);

укр. диал. *боришённий* 'мучной' при *борошённий* 'т. с.'⁹⁶ (< *брошно* 'мука' < *boršъno, ср. ст.-сл. *врашьно* трофѣ);

рус. *Ворыпаевъ* Савинъ Ондрѣй, XVI в.⁹⁷ при рус., укр. диал. *воропáй* (см. выше);

6. *torot* > *turot* / *turut* / *turyt*:

рус. диал. *смурóдить* 'испускать дурной, неприятный запах', блр. *смурóд* 'смрад, вонь'⁹⁸ < *смородить, *смород ~ рус. *смóрод* 'вонь, смрад' (ср.: ст.-сл. *смрадъ*, пол. *smród* и др.)⁹⁹ < *smordъ;

рус. диал. *курунда* 'маленький толстый человек'¹⁰⁰ < **коро(н)да* < *korda (см. выше);

рус. диал. *куру́дыш* 'человек низкого роста, коротышка' (ср. более позднюю форму с н-эпентезой — *куру́ндыш* 'маленький толстый человек') < *кородыш < **kord-* (см. выше)¹⁰¹;

7. *torot* > *tyrat* / *tyrot* / *tyryt*:

рус. *Вырапаевка*, *Вырапаево*, *Вырыпаево* — топонимы, в основе которых антропонимы *Вырапáй, *Выропáй, *Вырыпáй < *Воропáй*¹⁰² (ср. выше апеллятив *воропáй*); старейший из известных нам случаев перестройки *torot* > *tyryt* датирован началом XVIII в., ср. рус. *Вырыпаевъ* Васи́лій Демидовичъ, 1703 г.¹⁰³;

блр. диал. *сырамлі́ва* 'стыдливая', *смьрóд* 'смрад, вонь'¹⁰⁴ < **соромлі́ва* (ср. укр. *сором* 'язливый 'стыдливый, стеснительный'), *смород (см. выше).

Гласный в соседстве с плавным в некоторых случаях (в безударном положении) подвергся сильной редукции, что привело к его

утрате, ср.: рус. диал. *смрѳдѳть* ‘испускать дурной, неприятный запах’, *смрод* ‘дурной запах, вонь, смрад; ничтожный подлый человек’, блр. диал. *смрадѳ* ‘смородина’, укр. диал. *корваѳ* ‘собрание у молодого и молодой во время свадьбы; короваѳ’¹⁰⁵ < *смородѳть, *смород*, *сморода (через стадию *смарадѳ), *короваѳ*.

II. teret.

1. Teret > terat: блр. диал. *серадѳ* ‘среда’¹⁰⁶ < *середа < *serda;

2. teret > t’aret / t’ar’ot: блр. диал. *сярѳднѳ* ‘средний’, *сярѳд* ‘среди, посредѳ’¹⁰⁷ при укр. *серѳднѳ* ‘средний’, *серѳд* ‘среди’ < *serdъnyъ, *serdъ;

3. teret > teryt / terit:

укр. диал. *нѳрѳсть*, -*сти* ‘вражда’ при *нѳрѳсть*, -*сти* ‘семейные раздоры, несогласѳя’, ‘совокупление у рыб, змей’ (< *nerstъ, -*i* — ѳ-основа к *nerstъ, -*a* ‘нерѳст’) ¹⁰⁸;

укр. диал. *черѳнь* ‘под печи’ при д.-рус. *черѳнь*, рус.-ц.-слав. *чрѳнь* в близких значениях, пол. *trzon* ‘очаг’ (< *ĉernъ)¹⁰⁹; e > i в украинском слове в закрытом слоге так же, как и o > i (ср. *порѳг*, ген. *порѳгу*, *смѳрѳд* ‘вонь, смрад’, ген. *смѳроду* при рус. *порѳг*, чеш. *práh*, пол. *próg* ‘т. с.’; рус. *смѳрод* и др.);

укр. гуц. *berih* ‘берег, гора (небольшая)’ < *берег* ¹¹⁰.

4. teret > tyryt / tyrit / tĳret:

блр. диал. *чѳчырыпок* ‘слабый, болезненный человек’¹¹¹ < *че-чѳреп-ок < *ĉe-ĉѳep-ъkъ (образование с местоименной приставкой **ĉe-* от *ĉѳep-ъkъ ‘чѳрепок’; в плане мотивации ср. дериват с другим вокализмом основы — *kъrъ-ъka: словц. диал. *kъrka* ‘пузатый кувшин с узким горлом’ и ‘малорослая женщѳна’¹¹²);

укр. бойк. *чѳрып*, ч’*ѳрып* наряду с *чѳреп* ‘чѳрепица, чѳрепок’;

укр. бойк. *чѳрыс*, ч’*ѳрыс* при *чѳрес* ‘широкий пояс’ ~ пол. *trzos* ¹¹³ < *ĉersъ;

укр. диал. *сѳрын*, сѳр’*ѳн*, с’*ѳр’ен* ‘верхний твердый слой снега, образовавшийся от мороза после оттепѳли’ при диал. *серѳн* ‘замерз-

ший пар, который белым снежным слоем оседает на поверхности охлажденных предметов' < **sernъ*¹¹⁴.

5. *teret* > *terot* / *terut*: укр. диал. *ser'он*, *с'ерун* 'верхний твердый слой снега, образовавшийся от мороза после оттепели' при диал. *серен* (см. выше)¹¹⁵.

Относительно примеров рассмотренного типа А. А. Зализняк высказал точку зрения, согласно которой (в хронологических рамках древнерусского периода) для части кривичских говоров и будущей украинско-белорусской зоны «следует реконструировать рефлексы не типа *torot*, а типа *tor^et* или *tor^ot*, где вторая гласная фонетически не тождественна первой»¹¹⁶. Аналогичный вывод напрашивается и в отношении восточнославянских рефлексов *tol*, для многих из которых (поздние случаи с изменением *tolot* в безударной позиции в расчет не принимаются) оказывается верной идентичная схема развития, т. е. *tolot*/*tol^et*/*tol^ot*. Следовательно, весь приведенный материал в общих чертах отражает очень сложную картину реализации псл. *tort*, *tol* (как *torot* / *tor^et* / *tor^ot* и *tolot* / *tol^et* / *tol^ot*) в период, непосредственно предшествующий формированию диалектной основы древнерусского языка.

6.4. Реализация формул $t\acute{e}rt / t\acute{y}lt$ в славянских диалектах и особенности их дальнейшего изменения

1. Основанные на солидном (а иногда — исчерпывающем) материале исследования последних десятилетий доказали очевидную множественность реализации $\acute{e}$ в структурах $t\acute{e}rt / t\acute{y}lt$ в диалектах позднепраславянского. Имеются в виду не давно установленные компаративистикой традиционные модели вокализации $\acute{e}$ плюс плавный как *or* / *ol* в восточнославянском, *ar*, *ol*, *er* / *el* или слоговой плавный в южнославянском (в диалектах сербо-хорватского (Вербник, Омишаль), помимо классического рефлекса $\acute{e}l > l\acute{e} > \hat{u}$ ($\hat{y}$) и l , ещё *el*, ср. *belhã*¹¹⁷), слоговой плавный, *eł*, *ol*, *lu*, *lu* (*lou*), *ar*, *or* в западнославянском (см. исследования по исторической фонетике славянских языков), а несколько более обширный фонетический спектр.

Признание пестроты рефлексии ъ в указанных звуковых комплексах как *o*, *a*, *u*, *y* (> *i*), *ə* (> *'e*) предоставляет в распоряжение исследователей дополнительные ресурсы и возможности этимологической квалификации славянского материала, а неучёт этого разнообразия сделает затруднительной, неточной или вообще невозможной этимологию значительного количества исконных элементов славянского словаря, как это было в случае с д.-рус. *Дылда*, 1498 г. — антропоним (ср. рус. *дылда*), который объясняли как частичную редупликацию **dyl-d-*, представленного в *dylb (: схв. *дѣль* 'даль', чеш. *dýl* 'длина' и др.)¹¹⁸. В действительности же здесь не редупликация **dyl-d-*, а рефлекс псл. *dьlda (*d-*детерминативация корневой основы и.-е. **del-* в ступени редукции) с реализацией ъ как *y* в группе *tьlt*. Ср. другие рефлексии *dьlda, которые исключают реконструкцию **dyl-d-*: рус. диал. (о) *дѣлда* 'высокий ростом, здоровила', *Долды Большие* и *Малые* — топонимы, слвн. *dōnda* 'рослая девушка' < *dōlda (с «нормативным» *ol / ol* < *ьl*), блр. диал. *дэлда* 'высокий, неуклюжий человек' и др.¹¹⁹

Причину такого многообразия эволюции ъ в восточнославянских лексемах, построенных по образцу *tьrt / tьlt*, Р. М. Козлова объясняет тем, что «тембровая неопределённость вокалического элемента ъ, сопровождавшего плавный *r* или *l*, по различным диалектам могла реализоваться в «определённость», состоящую из ряда *o*, *ы* > *и*, *e* > *'e*, *y*, *a*»¹²⁰. Та же схема применима и к исторической фонетике других славянских языков, о чем говорит собранный ею же материал, хотя исследовательница специально это не оговаривает:

рус. диал. *куртый* 'куцый, короткий', укр. диал. *куртий* 'короткий', слвц. диал. *kurti* 'низкорослый, ненормально малый', пол. *kurty* 'куцый', болг. диал. *шкурт* 'короткий' и др. < **kьrtь(jь)* / **skьrtь(jь)*;

пол. диал. *korcić* 'не давать покоя' при схв. *kr̥titi* 'мучить, истязать' < **kьrtiti(se)*;

схв. *Skerda*, X в. — название острова в Адриатическом море, *Škurda* — река, окаймляющая Котор, слвн. *Kerda* — антропоним, чеш. *Kerd* — топоним, *Kerdo*, *Karda*, *Kord*, *Korda*, *Kurda* — антропонимы, д.-пол. *Kord* — антропоним и др. < *Kьrda / *Kьrdь, *Skьrda;

д.-чеш. *kurdej* ~ д.-пол. *kurdziej* 'веред на языке у коня', *Kirdej* — антропоним < *kɔrdějb;

д.-луж. *Kirtze* — ойконим (< **kyrč-*) ~ схв., слвн. *Krč* — топонимы, схв. *krč* 'раскорчеванное место', слвн. *krč* 'раскорчеванная пашня' < *kɔrčь;

пол. диал. *kyrczyc* 'сжимать, корчить' < *kɔrčiti и др. ¹²¹

Ср. материалы других этимологических гнезд:

кашуб. (помор.) *ρ^hurhawica* < *ρɔrx-av-ica ¹²²;

серб. *Гарчица* — топоним ¹²³ < *gɔrčica < *gɔrča (: схв. *grča* 'сук в дереве') ¹²⁴;

хорв. *Purtić, Portić, Pertić, Partić* — антропонимы ¹²⁵, воспроизводящие псл. *Ρɔrt-itjь (с разной реализацией *ɔr* по диалектам) ~ *ρɔrtjati (: укр. диал. *пирчати* 'бить' ¹²⁶ < *пирчати);

чеш. *Barda, Burda, Birda* — антропонимы ¹²⁷ < *Bɔrda / *bɔrda (основа, вариантная к *bɔrty 'борть'; разные расширения и.-е. **bher-* 'резать' в ступени редукции);

чеш. *Hiršava* — топоним ¹²⁸ < *Hyršava < *Сɔrš-ava / *gɔrš-ava (дериват от основы, вариантной (по типу расширителя) к **gɔrč-* 'сгибать, вить; искривленный, согнутый предмет'; относительно словообразовательной модели ср. **kɔrč-avъ(jь)* < *kɔrčь);

чеш. *Perduš* параллельно с *Prdúš*, рус. *Пурдышъ* — антропонимы ¹²⁹ < *Ρɔrdušь / *Ρɔrdušь — онимизация апеллативов, производных с формантами *-ušь* / *-yšь* от основы **ρɔrd-*, представленной в макед. *Прд — личное имя > *Прдова* — топоним ¹³⁰ ~ пол. диал. *pardac se* 'волочиться, валяться' ¹³¹ < **ρɔrdati(se)*.

Здесь не случайно приведены данные проприальной лексики: отсутствие мотивирующего апеллатива при наличии онима само по себе свидетельствует в пользу древности слова и фонетических особенностей, закрепленных в нем благодаря тому, что ономастические единицы, изолируясь от апеллативной лексики, реагирующей на малейшие изменения в языковой структуре и потому очень динамичной, сохраняют архаичную форму. В этом замечательная особенность *popina pgorgia*, которые в окаменевшем виде сохраняют то, что давно стало глубоким прошлым и потому утратилось в апеллативном словаре.

Ср. примеры на тълт:

слав. диал. (Гемер, сланское наречие) *ρ#ólni* 'полный' < *ρólnъ, *ρult* < *ρolt* (ср. литературное *ρlt'*) < *ρóltъ (в стредооравском наречии редко встречается и рефлекс *ѣl* > *il*); чеш. *Polná*, XVI в. — топоним < *Рólna — форма женского рода к *ρólnъ ¹³²;

чеш. диал. *kelka* 'хвост (у оленя, лани); культя, протез (руки, ноги)' < *kьlka при обычном для большинства диалектов *tlut* / *tlout*, как в диал. *klouhati(se)* 'скользить' < **kьlgati(se)*; диал. *kořtún* 'свалявшиеся, сбившиеся волосы', пол. диал. *kořtun* 'колтун *řlisa polonica*' ¹³³;

кашуб. (помор.) *tòlmač* < *tьlmačъ при параллельном рефлексе *tlòmač* ¹³⁴;

пол. диал. *kuřdoszyć*, *kořdoszyć* 'бить палкой, батогом', блр. диал. *кулдошыць* 'лохматить, портить' < **kьřld-oř-*; из восточнославянских образований с основой **skьřld-*, где *ѣl* реализовалось как *ул*, ср. ещё рус. диал. *скулд-ыга* 'скупщик пушнины' ~ *сколд-ыра* 'скряга, крохобор' ¹³⁵.

Скептически настроенный исследователь может поставить под сомнение древность этого вокалического ряда в формулах тьрт / тълт, объяснив его как следствие позднего дальнейшего развития нормативных, привычных ему рефлексов *ѣ* в диалектах. Возможно, это касается некоторых случаев редукции *o*, *e* (ср. ряд изменений *ѣl* > слав. диал. *el* > *ol* / *äl* в стредооравских говорах ¹³⁶) в безударной позиции или под влиянием гласного в соседнем слого, однако: 1) перечисленная серия рефлексов *ѣ* наблюдается и под ударением (кроме того, имеются слова с единственным гласным); 2) такая «неклассическая» реализация редуцированного заднего ряда зафиксирована достаточно старыми памятниками письменности, а потому вряд ли может быть результатом поздней перегласовки. Ср.:

д.-чеш. *Svatopluk* — антропоним (< псл. *Svęto-ρьlkъ) при параллельном *Svatopluk*; колебание в отражении тълт в древнечешском отмечено и у Козьмы Пражского, ср. варианты: *Zuatopluch*, *zamlczeno*, *mьlczjety* (< *Svęto-ρьlkъ, *zamlčeno, *mьlčati); в других богемиках: *Pilzen*, *Wiltawa* — топонимы (< *Рьlzenъ / *Рьlзьно, *Vьltava), *řilnost* (*řlnost*) < *ρьlnostъ и с другой реализацией **ρьln-*: «*na řylni*» и «*na řiln*» ¹³⁷;

кашуб. (помор.) *Colpin*, 1283 г., *Stolpa*, 1209 г., *Stolp*, 1240 г. — топонимы (< *kɔlpa, *Stɔlpa / *Stɔlrɔ), сосуществовавшие с нормативными единицами типа *Slupsk*, 1180 г.¹³⁸;

ю.-слав. *tilsto*, *Stilbiza* (в средневековых латинских памятниках) < *tilsto, *Stilbica, отражающие совпадение псл. *y / *i в южнославянском *i* < *tylsto, *Stylbica < *tɔlsto, **Stɔlbica*¹³⁹;

схв. *Skerda*, X в. — название острова в Адриатическом море, зафиксированное в греческих и латинских документах < *Skɔrda;

д.-рус. *Пѣргас*, 1228 г. — антропоним, ср. слав. *Porgas*, 630 г. — антропоним < *Pɔrg-asɔ ~ *pɔrgati (: рус. диал. *парзѣть* ‘сильно, далеко бросать что-нибудь’, кашуб. *purgac* ‘быстро ехать’, пол. диал. *purgac* ‘бросать камнем’)¹⁴⁰ и др.

Любая документальная фиксация всегда случайна, поэтому реальной древности фактов она не отражает, поскольку время возникновения какого-либо языкового процесса и время его регистрации это разные вещи. Указанные слова в таком виде могли просуществовать достаточно долго, прежде чем отпечатались в памятниках письменности.

Из всех типов реализации лексем с формулой *tɔrt* / *tɔlt* наиболее прозрачными с точки зрения генезиса являются примеры с вокализмом типа *yr* / *yl* и *ur* / *ul*. Дело в том, что основы на плавный сонант преимущественно имеют начальный губной или заднеязычный, артикуляция которого способствует огубливанию и продвижению в зону образования гласных заднего ряда соседнего редуцированного. Поскольку он нечетко произносился, имея неопределенный тембр, то под влиянием четко выраженной артикуляции предшествующего звука легко приобретал новое качество — лабиальность или же приближался по произношению к псл. *y*, как это было в случаях с блр. диал. *гурбѣн* ‘неровность, ухаб’, укр. *Гурбан — ойконим, восстанавливаемый на основе личного имени *Гурбѣнський*¹⁴¹ < *gɔrb-anɔ (< *gɔrbɔ ‘горб; холм; неровность’), и рус. *Гырбычи* — ойконим (территория бывшей Вятской губ.)¹⁴² — ойконимизация личного имени *Гырбыч (< *Гɔрбичь < *Gɔrb-itjɔ ~ *gɔrbɔ) в плюральной форме (если здесь не влияние суффиксального *ы*) и др.

В случаях с анлаутным зубным (укр. диал. *шт'уркало* ‘длинная палка с трубкой или набалдашником, которой болтают воду’ < **стур-*

кало ‘палка, которой бьют по воде’ < *sъ-tъrka-dlo < *sъtъrkati, ср. без-префиксные: славн. *trkati* ‘стучать, толкать’, чеш. *trkati* ‘бодать’¹⁴³; укр. *стирча́ти* ‘торчать’ при диал. *сторчак’у* ‘остатки срезанных стеблей кукурузы или подсолнечников на поле’ (при рус. *торча́ть*) < *sъ-tъrčati, ср. ещё схв. диал. *стрчати* ‘торчать, высовываться’, славн. *strčáti* ‘торчать’¹⁴⁴) остаётся только констатировать факт развития *tъrt* > *turt* / *tyrt*, поскольку причины именно такого направления эволюции могут быть разными (ср. ещё *tъlt* > *tylt* в блр. диал. *тыўпа́* ‘толпа, гурьба’¹⁴⁵ < *тылпа с поздним переходом *л* > *ў*, а также пример (см. выше) с рус. *ды́лда*).

В работе Р. М. Козловой примеры на *tyrt* представлены достаточно разнообразно и в большом количестве. В основном, это восточнославянский и (в меньшей степени) западнославянский материал. Для иллюстрации пестроты картины развития основ на плавный сонант приведем ещё несколько лексем, звуковое строение которых предполагает развитие *tъlt* > *tylt*:

рус. *Прибылд — личное имя (> *Прибылд-овский* — антропоним; г. Москва; запись наша) < *Pri-bъldъ, ср. другие типы реализации псл. **bъld-*: рус. *балда* ‘несообразительный, бестолковый человек’, блр. диал. *булда* ‘дурень’, чеш. диал. *bolda* ‘пест, толкач; тёрло для мака’ и др.¹⁴⁶;

рус. диал. *кувѣлда* ‘неповоротливая баба’ < *ko-vъlda, ср. другие репрезентанты: рус. диал. *кувѣлда* ‘каша из ржаной муки или солода’, ‘неопрятная женщина; неряха; вялая нерасторопная женщина; рохля’, укр. *Ковальда* — антропоним с экспрессивным смягчением плавного, рус. *Чувилдин* — антропоним < *Чевылда < *če-vъlda ~ псл. **vъld-* (*d*-расширение и.-е. **uel-* ‘крутить’ в ступени редукции, рефлексы которого могут иметь семантику ‘выпуклость, округлость, комок’, откуда ‘толстый, неповоротливый человек’, ‘кустая каша с комками’) ¹⁴⁷.

2. Лексемы, построенные по формуле *tъlt*, в диалектах славянских языков часто подвергаются некоторым изменениям. Последние, если предварительно не ознакомиться с результатами их действия, могут мешать установлению генетического тождества анализируемых слов,

рассмотрение которых по-отдельности ограничивает возможности этимологической экспертизы, оперирующей звуковыми соответствиями, на основании которых материал сводится к общему знаменателю (исходной форме исторической эпохи, праформе, этимологическому гнезду). Ниже перечислены примеры этих трансформаций.

Переход *l* > *n* перед дентальным и *ž*:

рус. диал. *скунды́га* 'скряга' при *скулдыга* 'скупщик пушнины' (< *skɔldyga); *вондырь* = *волдырь*; пол. *Wałdowo* и *Wandowo* — названия озёр (< *vɔldyrb, *Vɔldɔ); чеш. диал. *bandaska* 'большая палка' < **bɔldas-*, ср. рус. диал. *на-балдас-ина* 'комель палки' и др. 148;

рус. диал. *зашант́ить* 'быстро зашагать' < **засолт́ить*, ср. блр. диал. *пасаўта́цца, саўта́цца* 'идти шатаясь; ходить без дела, шататься' 149 < **sɔltati(se)* / *sɔltiti ~ и.-е. **sel-* 'двигаться';

слвн. диал. *gónẓ̌a* 'опухоль шейных желез' < **golẓ̌a*, ср. производное *golẓ̌ún* 'т. с.' < псл. **gɔlž-* (< **gɔlg-*) 150 ~ и.-е. **gel-* 'мять, сжимать; комок'.

Переход (*l*) *l'* > *j* (при экспрессивном смягчении *l*):

рус. диал. *ба́йдать* 'бездельничать, тратить время попусту, бить баклуши' при фонетически первичном *балд́ить* 'бездельничать, праздно проводить время' 151 < *bɔldati / *bɔlditi; укр. диал. *го́йда* 'высокая женщина или девочка' < *гольда — вариант к диал. *голда* 'большой неуклюжий конь', ср. рус. диал. *голда* 'высокая худая женщина', блр. диал. *голда* 'высокая женщина, дылда' < *gɔlda; пол. диал. *bajdyga* 'неровная большая палка или стебель' < *baldyga — вариант к диал. *batdyga* 'т. с.' < *bɔldyga (подробнее см. ниже).

Переход *l* / *л* > *v* / *ǔ* / *u*: рус. диал. *ковмы* 'мятый картофель' < *kɔlma 152; рус. *Сколба* — название реки (бас. Оки), имеющее в ворах, расположенных на различных отрезках её течения, варианты *Сколба* и более продвинутое — *Скауба* 153 < *Skɔlba ~ и.-е. *(s)*kel-* 'резать'; блр. *Яскаўд* — личное имя, ср. *Яскалд*, а также *Яскалды* / *Яскалды*, *Яскалвди* — отантропонимные топонимы (< *Askɔldɔ); укр. диал. *бовда* 'голая скала' при пол. диал. *bołda* 'т. с.' < *bɔlda 154; д.-чеш. *Kewd* (варианты: *Kiewt*, *Klud*) — название леса в бассейне Попрада 155 < *Keld < *Kɔldɔ (форма *Klud* в таком случае — результат

выравнивания по фонетической форме лексем на *tlut* < *tylt*); в-луж. *роупу* / *рошпу* < *рѣлпѣ(*ъ*) ‘полный’¹⁵⁶.

Переход *l* > *t* перед лабиальным:

укр. диал. (на территории восточной Словакии) *бембух* ‘желудок коровы’ < *белбух, ср. (с экспрессивной палатализацией *л*) *бѣльбехи* ‘внутренности’, блр. диал. *бѣльбехі* и (с другим формантом) укр. диал. *бѣльбахи*, *бѣльбухи* ‘т. с.’, блр. диал. *бѣльбухі* ‘внутренности’ < *bѣlb-axъ/*bѣlb-exъ/*bѣlb-uxъ < *bѣlbъ ~ и.-е. **b(h)el-* ‘вдуваться; нечто толстое’¹⁵⁷;

укр. *Томба* — название реки (бас. Днестра) < *Толба (ср. вариант *Товба* с закономерным для украинской фонетики развитием *л* > *в* в новозакрытом слоге ~ блр. диал. *тоўба* ‘неповоротливый человек’) < *Тѣlba, реализовавшееся в рус. *Толба* — названия рек в бассейне р. Великой, Сергачском уезде бывшей Рязанской губернии¹⁵⁸.

Поглощение (абсорбция) плавного *l* лабиальным: укр. диал. *бѣбех* ‘пузо’, *бѣбех* ‘желудок свиньи’, *бѣбехі* мн. ‘внутренности животного’, пол. *bebeczyna* мн. ‘внутренности, кишки’ при укр. диал. *бѣльбехи*, блр. диал. *бѣльбехі* ‘внутренности’ (см. выше)¹⁵⁹; укр. диал. *мівний* ‘речистый, говорливый, многоречивый’, рус.-ц.-сл. *вѣмова* ‘клевета’, слвн. *odtѣw* ‘эхо, отзвук’¹⁶⁰ (при рус. *обмолвиться*, *молва*) < *тѣlvъпѣъ, *обтѣlva, *отѣтѣlvъ (синоним к *отѣzvorkъ > рус. *отзвук* ‘эхо’) и др.

Утрата *l* перед другими звуками: укр. *вогкий* ‘влажный’ при рус. диал. *вогкий* ‘влажный, сыроватый, отсыревший’¹⁶¹ < *vѣlgъkъъ; блр. диал. *вуды́р*, *воды́р* ‘волдырь’¹⁶²; рус. диал. *дадо́н* ‘неуклюжий, нескладный человек’, *додо́н* ‘человек высокого роста’ при *долдо́н* ‘человек, который говорит много и без толку’, *далдо́н* ‘несообразительный, непутёвый человек’ < **dѣld-опъ*¹⁶³.

Хронология процесса выпадения или абсорбции плавного перед *d* достаточно древняя, о чем свидетельствуют данные древнерусских памятников, ср. личное имя *Асмодъ* при вторичном *Асмудъ* (очевидно, через промежуточную стадию *Асмудъ, где *ү* < *о* под влиянием предшествующего губного) < **Асмѣldъ*¹⁶⁴. Далее: слвн. диал. *vѣga < *voŕga*, *vѣga* < *vѣlga; укр. диал. *богун* ‘желудок животного’ при рус. диал. *болгунок* ‘годовалый теленок’, пол. *buŕga* ‘мешок из воловьей

шкура' < *bɔlg-упѣ, *bɔlga; блр. сон 'подсолнечник' < *sɔlnɔ ¹⁶⁵ (вероятно, чрез стадию с ассимиляцией -лн- > -нн- > -н-); болг. диал. кѣк 'бедро' < *kɔlkɔ ¹⁶⁶ и др.

Касательно случаев с потерей плавного перед шипящим и свистящим ср.: слвн. *guša* 'зоб', укр. диал. карп. *гуша* 'шишка, опухоль', 'зоб, опухоль на шее', 'кадык' при слвн. *golša* 'зоб', слвц. *góša* 'зоб, опухоль', укр. диал. карп. *гоўші* 'опухоль' < *gɔša ~ и.-е. *gel- 'крутой, шаровидный' ¹⁶⁷; слвн. диал. *gózati*, *gózam* 'есть без аппетита', *gúzati* 'жевать беззубыми дѣснами' < *golzati, *gulzati < псл. *gɔlzati ~ и.-е. *gl̥g̥(h)-, ср. вариант с велярным гуттуральным *gl̥g̥(h)-, отражённый в лтш. *gul̥gātis* 'давиться', *guldzīt* 'быстро есть, делать большие глотки' ¹⁶⁸.

Кажущаяся простота и прозрачность некоторых из приведенных примеров при собранных воедино первоначальных и вторичных формах на практике, когда приходится иметь дело только с фонетически модифицированным материалом, часто оборачивается неправильным определением первоисточника (это приводит к сопоставлению несопоставимых, омонимичных единиц разных этимологических гнезд) или квалифицированием исконно славянских слов как заимствований. Так, рус. диал. *дундук* 'толстяк, бездельник, лентяй' выводится из балт., ср. лит. диал. *dunda* 'повеса, шалопай', *dundūlis* 'толстяк', лтш. *dundūlis* 'маленький закутанный ребёнок' ¹⁶⁹. Балтийская этимология не имеет доказательной силы, поскольку оперирует вторичной фонетической формой славянской лексемы, привлеченной для этимологизирования, а значит, слово рассматривается вне его истории. В частности, речь идет о первоначальном *дулдук < *дѣлдукъ (*дундук* — лексикализованная форма с ассимилятивной заменой плавного л > н перед д, ср. блр. диал. *дѣлда* и *дѣнда* 'высокий неуклюжий человек' и др.), суффиксальном производном от репрезентанта псл. *dɔlda для обозначения большого, высокого (> неповоротливого) человека / предмета с ул-рефлексацией исходной группы ѣl. К тому же при версии о заимствовании из балтийского этимологизируемое слово вырывается из семантического контекста, т. е. взято лишь несколько значений вторичного *дундук* из широкого набора,

отсутствующего у балтийских слов (ср. хотябы 'глупый, тупой человек'), привлекаемых для анализа ¹⁷⁰.

Также невозможна и реконструкция псл. *dunda на основе укр. диал. карп. *дунда* 'толстяк', полесск. *донда* 'бездельник', схв. кайк. *dondâčâ* 'радуга' и др. при сопоставлении с балтийскими лексемами типа *dunda* 'повеса, бездельник' и др. ¹⁷¹, поскольку тут речь тоже идет о достаточно поздних славянских формах, вторичных относительно *dǫlda (ср. приведенные выше рус. диал. (о)долда 'высокий ростом, здоровила', *Долды Большие* и *Малые* — топонимы, блр. диал. *дэлда* 'высокий, неуклюжий человек' и под.).

6.5. Типы диалектных фонетических процессов, искажающих исконную форму слов

В процессе этимологического анализа должен быть объяснен каждый элемент структуры слова. Только при соблюдении этого условия могут быть вскрыты генетические связи между отождествляемыми как родственные лексемами. Установив природу каждого звука, сочетания звуков, их первоначальной позиции относительно друг друга, и благодаря этому четко определив границы морфем, можно выйти на исконную форму в совокупности всех её связей с однокоренными образованиями. В славянских диалектах протекает значительное количество фонетических процессов, затемняющих внешнюю сторону слов настолько, что они просто утрачивают связи с этимологически родственными формами, становясь просто непонятным звуковым набором, не вызывающим никаких ассоциаций в словообразовательном плане. Без сведений о видах и результатах этих процессов определить начальную форму иногда просто невозможно, и сама попытка интерпретации трансформированной по диалектам лексики неизбежно дезориентирует исследователя в направлении поиска этимологического решения. В этом параграфе будут приведены примеры основных типов таких фонетических изменений.

Синкопа:

рус. *курносый*, 1658 г. 'имеющий короткий и вздернутый нос', пол. диал. *kurnosy* 'курносый, тупоносый', восходящие к псл.

**kъrno-nosъ(jь)*, ср. рефлексы без синкопы: ц.-слав. *крънносьть*, схв. *кръ̀̀̀нос* 'с поврежденным, поломанным носом';

рус. диал. *курдѹпый* 'с длинным туловищем и короткими ногами (о человеке)', блр. диал. *курдѹпы* 'кургузый', (производное) пол. *kurdupel*, гер. *-pla* 'коротышка', которые также иллюстрируют выпадение целого слога (-*po-*) из середины слова, ср. исходное *kъrno-dupъjь и др. ¹⁷²

Причина этого явления — стремление носителей языка сократить относительно длинные (для аллегривого темпа речи) слова за счет «проглатывания» целых слогов или отдельных звуков. Касательно случаев синкопы в словах с другими структурными показателями ср.: укр. диал. *ненатно* 'ненасытно' (утрата инлаутного -*си-*), *оханутися* 'опомниться, прийти в себя, опамятоваться' < *охаменутися* (ср. более употребительную форму с другим префиксом *схаменутися*) (потеря -*ме-*) ¹⁷³, *Бословяк* — антропоним (г. Киев; запись на ша) < *Богословяк, (на территории восточной Словакии) *ксту* 'крещение' ¹⁷⁴ < *кресту (< *крестуѣ < *крестойѣ < *крестов — субстантивированная краткая (или стянутая) форма адъектива; вероятно, компактификация в одном слове значения *'крестовый, «хрещений» день'), как и в рус. *окстѣсь* (форма императива) < *окрестѣсь*, макед. *Драслајца* — топоним < *Драгославица*, слвн. диал. *vr̃nica* < *vr̃dnica* 'трава, приносящая пользу, полезное растение (злак)', диал. *žəw̃s* < *žetodəs* ¹⁷⁵ и др.

Выпадение слогов может быть обусловлено их безударной позицией, когда они нечетко произносятся и в итоге утрачиваются, как это, например, происходит в гореньской группе говоров словенского языка, ср. слвн. диал. *tr̃nĭč* 'сушеный, вяленый кислый сыр' < *ivornĭč (< *ivoren — адъектив ~ *ivoriti 'формировать (придавать форму) сыр'), *strĭt* < *stvoriti* ¹⁷⁶ и др.

Древнейший из известных нам случаев синкопы в славянском представлен именем моравского князя — *Pribina* < *prijĕbina (прозвище) (из средневековых источников известно, что Прибина был *filius ex alia coniuge*; относительно мотивации ср. слвн. диал. *prijebiš* 'внебрачный' ¹⁷⁷).

Эпентеза носовых. Это звуковое явление проявляется в том, что в диалектах перед губным согласным возникает вставное *-м-*, а перед зубным — *-н-*:

болг. диал. *Врѣмбич* — название источника (правый приток Нишава) < *Врѣмбич* с *м*-эпентезой ¹⁷⁸ < *Vьrb-icъ ~ *vьrba — название дерева; серб. диал. *Дрѣмбина Ливада* — микротопоним ¹⁷⁹, первый компонент которого представляет собой производное на *-ин-* от антропонима *Дрѣмба — форма со вставным *-м-* относительно *Дрѣба, ср. брл. диал. *дѣрѣба* ‘высокий, длинноногий’, а также (с другой реализацией группы *tьrt*) укр. диал. *Дарѣба (> *Дѣрѣбина Плотина* — гидроним) ¹⁸⁰ < *Дѣрѣба/*дѣрѣба (*b*-расширение и.-е. **der-* ‘рвать, драть’ в ступени редукции);

слвн. диал. *gámbati* ‘бродить’, схв. *gàmbati* ‘ходить вразвалку’ при слвн. диал. *gábatì* ‘бродить, брести, ходить переваливаясь с ноги на ногу’ ¹⁸¹;

чеш. диал. *č'etrel* ‘тупой нож’, *četpelo* ‘лезвие ножа’ при исходном *čerel* ‘лезвие режущего оружия, орудия’ (< *čerelъ) ¹⁸²;

укр. диал. *Сопливиць* — микротопоним в Закарпатье (Сусково) ¹⁸³ < *Сопливецъ (продолжает местный географический термин ~ укр. *соплівий*);

болг. диал. *грѣндѹл* ‘большой горшок’ — форма с эпентетическим *-н-* при *г'урд'ѹл* ‘разбитый глиняный кувшин для воды или горшок’ ¹⁸⁴ (< *гѣрд-иль ~ и.-е. **ger-* ‘гнуть; вертеть, сворачивать; виться, мотать’ в ступени редукции, расширенное *d*-детерминативом; ср. с другим формантом *гѣрд-ель > болг. диал. *гердел* ‘чан, кадка, ушат’, квалифицированное как неясное ¹⁸⁵);

рус. диал. *курунда* ‘маленький толстый человек’ < *коронда < *корода ‘что-либо округлое’, ср. укр. диал. *корóда* ‘очень суковатое дерево’ (относительно развития *-оро-* > *-уру-* и др. см. выше);

рус. диал. *зѣндра* ‘ссора, размолвка’ < *задра* (< *за-дѣга), *кóндра* ‘ссора, вражда’ < *кодра* (< *ко-дѣга), *бундоражить* ‘будоражить’ и др. ¹⁸⁶

Огубливание анлаутного заднеязычного. Этот процесс характеризуется развитием у начальных *k-* и (реже) *x-* лабиального призвука (*ц*), который развивается в самостоятельную артикуля-

цию. Очевидно, наличие после заднеязычного гласных *a*, *o* у (*ы*) является дополнительным фактором для возникновения вторичных (поздних славянских) начальных сочетаний *kv-* / *xv-*:

слвн. *Kvarnica* — гидроним (западная часть Брда), древние фиксации которого говорят о первоначальной форме без *-v-*, ср. *Corniz*, *Curniz* (< *Kъpnica) 187;

слвц. диал. *kvoga* 'кора', словин. *kuoga* = *kora* 188;

укр. диал. лемк. *Шкварма* — антропоним при рус. диал. *шкárма* 'уключина в лодке';

рус. диал. *сквалды́рник* 'ловкий и хитрый обманщик, плут' < **скалды́рник*, ср. диал. *скалды́ра* 'скряга, крохобор' 189;

укр. диал. лемк. *Скварла* — антропоним при *Скарла* 190 (< *Skъrla);

укр. диал. полесск. *Квіндюг* — антропоним < *Килдуг (в конечном счёте — к псл. *kъldugъ) 191;

укр. диал. лемк. *К(w)ut* — название поля, мотивированное диалектной формой топографического апеллятива *кут* 'угол' (ср. этот же термин в выражении «на *Kuty*») 192;

укр. диал. *охвóта* = *охота* 193.

ЛабIALIZАЦИИ могли подвергаться не только заднеязычные, но (реже) и *-p-*, *ч-*. Например, в некоторых правобережных украинских говорах фиксируется процесс перехода структуры *t[o]t* > *t[wo]t* / *t[vo]t*, в связи с чем привычные антропонимы вроде *Яромир* предстают в искажённом виде — *Єрвомі́р* (здесь ещё результат сильной редукции *Я-* > *Є-* в безударном слоге). Далее ср. укр. диал. карп. *чвовг* 'желоб, по которому спускается древесина с горы' < *човг < *цьlgъ 194.

Приведенные примеры нельзя смешивать со случаями вроде укр. диал. полесск. *кӯонь*, *кӯынь* 'конь' или сочетанием *ио* в корнях лексем, функционирующих в северо-западных говорах словенского языка. Здесь речь идет о явлении из области вокализма, а именно — о развитии дифтонгов на месте долгих закрытых гласных.

Метатеза может быть проиллюстрирована такими примерами, как:

рус. диал. *каплоу́хий* 'лопоухий', укр. диал. *каплау́хий* 'т. с.', *каплову́хий* 'имеющий большие обвислые уши', *клапаву́хий* 'с об-

вислыми ушами', блр. диал. *каплавѹхи* 'с обвислыми ушами', болг. диал. *клипуѹх* 'у кого обвисли уши' < псл. *кѣро-ихѣ (jъ);

рус. диал. *чиплаухий* '?' в выражении «свинья *чиплаухая*», блр. диал. *чаплавѹхи* 'с обвислыми ушами' < *сѣро-ихѣ (jъ)¹⁹⁵;

пол. *Rpowa*, 1888 г. — название реки (левобережье Мазовии) < *Nrowa* (начальная форма засвидетельствована в документе 1418 г.);

пол. диал. *rśoda* < *środa* 'среда'¹⁹⁶.

Процесс метатезы не принадлежит к числу исключительно славянских фонетических явлений: он имеет место и в других индоевропейских языках, ср., например, гр. γλίδα < д.-гр. λίγδα 'глиняная форма', 'ступка'¹⁹⁷.

Разрушение анлаута часто встречается в словах с начальными группами *gr-*, *kr-*, *xr-*, *vr-* безотносительно к их происхождению. Ср.:

укр. диал. *Радá*, *Болóшкова Радá* — микротопонимы (западное Полесье), в которых компонент *Радá* — вторичная форма относительно диал. *града* 'небольшой горб'; диал. *руд* 'холм', *рудóк* 'зеленый холм' при первичном *рудóк* 'возвышенная местность, горб', чеш. диал. *Řada* = *hřada*¹⁹⁸;

чеш. *řecký* 'греческий' при ст.-чеш. *hřěský* 'т. с.', а наличие в старочешском варианта *řecký* 'т. с.' говорит о достаточно старой хронологии этого звукового процесса¹⁹⁹;

слвн. диал. *rabje* = *g-rablje* 'грабли'²⁰⁰;

укр. диал. *рѹнка* 'низкая кастрюлька' при рус. *крѹнка* 'вид кухонной утвари', блр. диал. *рѹнка* 'глиняная миска' при диал. *крѹнка* 'горшок'²⁰¹;

схв. диал. *hđ* 'голая скала' при нормативном *hřđ* 'большой камень'²⁰²;

болг. диал. *рас* 'куст' — форма (плюс утрата второго компонента в конечной консонантной группе) к *храст* 'т. с.'²⁰³;

в.-луж. *горг* 'длинный сюртук из сукна' < *шорг (как в случае с н.-луж. *gobel* = *шобел* 'воробей') < *вогр-ѣгъ ~ псл. *вьграти 'ткать' (утрата рефлекса ѣ перед г в *шорг обусловлена выравниванием парадигмы склонения по образцу косвенных падежей, где ѣ был в слабой позиции), *гора* 'варп' < *шгора, ср. аналогию в слвн. *вгáра* и вторичное *гáра* 'сгиб, складка, морщина' (< *вогра)²⁰⁴.

Кроме указанных случаев, потеря анлаутного согласного регистрируется в словах с начальными *гл-*, *гн-* и *вл-*:

укр. диал. *лухбій* 'глухой'; *Ніла Річка (бас. Горыни) < *Гнилі Річка; *логинá* 'колючка, терн, *Crataegus oxyacantha*' при диал. *лггг*, ст.-сл. *глогъ* 'т. с.'; рус. диал. *лыза* 'ком' при *глыза* 'т. с.'²⁰⁵; в.-луж. диал. *łóboki* 'глубокий' при нормативном *hłuboki*, древнее диалектное *lyboki* < **glybokъjъ*²⁰⁶;

слвн. диал. *lâs* < *vlasъ, *ladati* < **vladati*²⁰⁷. Таким же образом вследствие упрощения *Vl-* возникло начальное *L-* в славянских антропонимах-композициях с препозитивным компонентом *Vlad-* / *Vlast-* (< псл. **Vold-* / **Volst-*), ср.: слвн. *Lastomerci*, *Lastigovec* — топонимы ~ *Vlastimêrъ*, *Vlastigojъ* — антропонимы, слвц. *Ladomír*, *Lastomir*²⁰⁸ (< *Vladomír < *Voldoměrъ, *Vlastomir < *Volstomirъ). Это явление имеет весьма глубокую хронологию: если в старовенгерских документах славянские антропонимы в топонимических основах уже фигурируют с упрощённым анлаутом (ср., например, *Ladomér*, 1321 г., *Lasztomer*, 1332—1337 гг.²⁰⁹), значит, логично предположить, что процесс перехода *vl-* > *l-* начался ещё раньше.

Апокопа начала слова охватывает и лексемы с другими фонетическими характеристиками. В частности, оно коснулось слов с начальными сочетаниями «заднеязычный + гласный» и «лабиальный + гласный»:

рус. диал. *олвянка* 'разновидность гриба' при исходной форме диал. *волвянка* 'т. с.';

болг. диал. *одоач* = *водовач(ка)*, *вода*²¹⁰;

рус. *Авволово* — ойконим (территория бывшей Санкт-Петербургской губ.) при начальном *Валволово*²¹¹;

рус. диал. *алябыш* = *балябыш* 'маленький каравай из ржаной или овсяной муки'²¹²;

рус. диал. *итвина*, *итвіна* 'прут, тонкая палочка' при первичных *вітвина*, *витвіна* 'стебель, лист корнеплодных растений', 'прут, тонкая палочка', 'большая ветвь'²¹³;

рус. диал. *ишко* (частица) 'видишь, посмотри'²¹⁴ < *вишко (ср. диал. *виш* (частица) 'видишь');

ст.-пол. *Ilga*, 1252 г. — вариант к *Wilga* / *Vilga* / *Vylga* — антропоним²¹⁵;

д.-рус. орностаи = горностаи, осподарь = господарь; блр. диал. *арбаты* = *гарбаты*; укр. *Ołtwa Olszana* = *Ольхова Голтва* — гидроним (бас. Псла);

рус. *Арноухов* — ойконим на Дону — форма к *Карноухов* ²¹⁶.

Древнерусские и старопольский примеры свидетельствуют о том, что процесс разрушения начала слова в славянских диалектах начался достаточно давно.

Здесь ещё следует привести несколько примеров из группы славянских антропонимов-комполит с препозитивными компонентами **Vьse-* и **Съ-dě-*, аналаут которых в историческую эпоху подвергся разрушению из-за утраты редуцированного в слабой позиции, ср.:

рус. *Сеславль* — ойконим (территория бывшей Калужской губ.) — вторичный вариант к *Всеславль* (< *Vьseslavъ + *-jь*); укр. *Сиволож* — ойконим, ср. его летописную форму (1 пол. XII в.) «ко *Всеволожю*», рус. *Сиволодский Яр* — гидроним (на территории бывшей Воронежской губ.), укр. *Сиволód* = *Всеволод* (личные имена) < *Vьsevoldъ; чеш. *Selibov* (ср. *Všeliby*) — ойконим < **Vьsel'ubъ*;

рус. *Делюбин* — гидроним (бас. Оки) < **Съděl'uba*; *Diezla*, 1065 г. — антропоним у альпийских славян < *Съděslavъ и др. ²¹⁷

Сюда же, очевидно, личное имя, бытовавшее в антропонимиконе средневековых альпийских славян, *Semōdra* ²¹⁸ < *Vьsemōdra.

Процесс апокопы аналаутного консонанта свойствен и неславянским языкам, ср., в частности, отпадение начального этимологического *v-* перед гласным в северногерманской подгруппе языков: д.-исл. *ord* 'слово', швед., дат., норв. *ord* 'т. с.' при англ. *word*; д.-исл. *ulfr*, дат., норв. *ulv* 'волк' при гот. *wulfs*, д.-англ. *wulf*, д.-в.-нем. *Wolf*, нем. *Wolf* ²¹⁹. Т. е. это распространенная артикуляционная тенденция.

Переход вторичного палатального *л'* (*l'*) в *j*. В некоторых славянских ареалах развитие плавного *л* (*l*), относительно поздно приобретшего палатальную артикуляцию, вышло на новый, качественный, уровень. В частности, в разных позициях *л'* (*l'*) изменилось в *j*. Это вызвано тем, что значительно смягченное *л* (*l*) артикуляционно близко к *j*, поэтому зачастую в речи носителей отдель-

ных славянских говоров оно в итоге произносилось как *j*. Приведем некоторые примеры:

рус. диал. *бейбас* ‘тупой человек, дурак’ демонстрирует конечную стадию в развитии *л > л' > j*, в то время как начальная и промежуточная отражены в укр. диал. *бельбас*, *белбас* ‘увалень, лентяй’ и пол. диал. *belbas* ‘т. с.’²²⁰ < псл. **bьlb-asъ* ‘округлый, выпуклый (> толстый) предмет’;

укр. диал. *гійда* ‘высокая женщина или девочка’ < **гольда* — вариант к диал. *голда* ‘большой неуклюжий конь’, ср. рус. диал. *голда* ‘высокая худая женщина’, блр. диал. *голда* ‘высокая женщина, дылда’²²¹ < **gьlda* — общее название для больших, округлых предметов;

пол. диал. *bajdyga* ‘неровная большая палка или стебель’ < **bal-dyga* — вариант к диал. *bałdyga* ‘т. с.’ < **bьld-yga* ‘нечто выпуклое, толстое’²²².

Далеко не всегда удастся найти все звенья одной звуковой цепи (эти «звенья» иногда могут отличаться в семантическом аспекте) в границах диалектов одного языка, для чего приходится прибегать к данным родственных языков, без которых аргументированно установить первоначальный облик той или иной лексемы не представляется возможным. Собранные же воедино примеры во многом сами говорят о себе.

В качестве иллюстрации действия указанного звукового перехода в структурах другого типа возьмем южнославянский материал. Например, в говорах сербо-хорватского языка замена *л'(l')* на *j* — достаточно регулярное явление, что и было отмечено А. Пецо относительно иекавско-пчакавского диалектного ареала²²³. В памятниках хорватской письменности субституция *l' > j* фиксируется начиная с первой половины XIV в., ср. ст.-хорв. *Juban*, 1322 г. — антропоним (Шибеник), а также современное личное имя у чакавов *Jubanov*. В штокавском ареале ему соответствует антропоним *Ljuban*, сохраняющий первоначальное *l' (lj)*. Далее ср. женское имя *Juba* (конец XIV в.) в одной итальянской записи (при серб. *Љуба*). Эти слова имеют в основе адъектив **l'ubъ(jъ)* ‘дорогой, милый’ (ср. фонетически вторичное хорв. *jub* ‘т. с.’), субстантивированный присоединением суффикса *-an-* (следующий этап — антро-

понимизация прилагательного) ²²⁴. Думается, что хронология рассматриваемого процесса гораздо глубже XIV в., о чем говорит славянское имя *Jubanus*, встречающееся в документе из венецианских архивов X в. ²²⁵ Здесь имеется в виду адаптация слав. (точнее — старого сербского имени, учитывая частые случаи фигурирования древнесербских антропонимов в торговых грамотах купцов Венецианской республики, имевшей торговый интерес и политическое влияние на территории Дубровника (бывшая Рагуза)) **Jubanъ* (< **L'ubanъ*). Автор документа не случайно написал начальное *J-*: оно отражает реальное произношение анлаутного звука указанного имени в речи носившего его серба.

Ср. также схв. диал. *razjũsiti se* 'разозлиться, разбушеваться, рассердиться; (о ветре) стать сильным, усилить дуновение' ²²⁶ при укр. *розлю́титися* 'разозлиться, прийти в ярость'.

Переход этимологического *j* в *l'*. Это процесс, противоположный описанному в предыдущем пункте. Примерами могут быть: укр. диал. *балю́ра* 'большая глубокая лужа', 'ямка в земляном полу' — вторичная форма относительно *баю́ра* 'т. с.' ²²⁷;

укр. диал. *брóляр* 'худой, маленького роста человек' ²²⁸ < **брояр* 'нечто укороченное, обрезок', которое воспроизводит псл. диал. **broj-arg* — дериват с формантом *-arg* (собственно праславянский суффикс, относящийся к ряду с *-or/-ur/-yr-* и омонимичный заимствованному *-arg* с агентивным значением), мотивированный **brojъ* < **briti(se)* 'резать' ²²⁹; древность образования подтверждается и тем, что мотивирующее **broj-* во всех славянских языках выступает в позднем специализированном значении 'число', 'номер', 'количество', 'множество' (< 'резать, делать надрезы, зарубки'), тогда как в данном случае оно сохраняет генетическую семантику 'укороченный, обрезанный предмет';

рус. диал. *трелю́диться* 'мучить, издеваться', блр. диал. *трылю́дзіць* 'болтать', *трылю́да* 'бессмыслица, вздор; пустомеля, болтун' при укр. диал. *трою́дити* 'раздражать, растравлять', *трою́да* 'забияка', которые восходят к **trь-juditi*, **trь-juda*.

Субституция этимологического *j* звуком *l'* происходит не только в интервокальной позиции, но и в начале слова, ср. рус. диал. *ледва* 'едва', *лежели* 'ежели', блр. диал. *люшка* 'юшка' ²³⁰.

Переход *d'* - > *j*- перед рефлексами гласных переднего ряда. Причина этого процесса — ослабление затвора у *d'* - и приближение его артикуляции к *j*:- укр. *ясна* мн. 'дѣсна', чеш. диал. *jásno*, полаб. *jospna* 'десна' наряду с полаб. *d'ospna*, рус. *десна́* (< *děsna); чеш. диал. *jetel* 'дятел', укр. диал. *ятел* 'дятел' при рус. *дятел* (< *dětelъ); рус. диал. *ербульзнуть* 'сильно ударить; выпить водки' — фонетический вариант к *дербульзнуть* 'сильно ударить; упасть; поестъ, пожрать' и др. Неучтенность указанного явления в практике этимологических исследований в своё время привела к проблематичной реконструкции (и, соответственно, неправильной этимологии) исходной формы для рус. *яглый*, *яглая земля* 'тучная, черная почва, чернозем'. Его сочли продолжением **aglъjъ / **jaglъjъ и сопоставили с лит. *jėgti* 'мочь, быть в состоянии' и др., тогда как это вторичная форма к *дѣглый* 'сильный, здоровый, крепкий; здоровый, дородный; работающий' (ср. и соотношение семантики 'тучный, плодородный' и 'здоровый, дородный')²³¹.

Переход *d'* - > *j*- широко представлен в русских диалектах, ср.:

ѣрзатъ 'сидя, беспокожно двигаться' и *дѣрзатъ* 'подѣргивать кого-либо во время болезни (безл.)', ср. ещё *дѣрзанье* 'подѣргивание, вздрагивание';

ѣргать 'бить мячом' < *дѣргать* *'бить', на возможность существования которого в прошлом указывают укр. диал. *d'or'gun*, *d'orgatel* 'кузнечный молот, который используют при подковывании коней' < *dъorgati 'бить, ударять, ковать', схв. *дѣрнути* 'хватить, стукнуть, ударить (кого-л.)' < псл. *dъrgati, **dъr(g)noti*;

ѣркать 'безобразничать', *ѣркнуть* 'ударить' < *дѣркать, *дѣркнуть, ср.: схв. *дѣркати* 'затрагивать, касаться (слегка); задирать, поддразнивать', слвн. *drčati* 'скользить, кататься, спускаться по склону', ср. ещё *zadirčen* 'резкий, занозистый, задирчивый' < *dъrkati / *dъrčati (< *dъrkēti) ~ *zadъrčъnъ;

дѣрпѣниться 'держаться заносчиво, важничать, чваниться, зазнаваться; капризничать, сердиться' при *дѣрпѣниться* 'сердиться', которые восходят к утраченному имени *дѣрепень < *dѣrp-ень ~ *dѣrpati ~ *dъrpati, ср.: укр. диал. *подѣрпкаться* 'полезть вверх', болг. *дѣрпам се* 'отодвигаться, отступать, отходить в сторону';

ст.-рус. *Елда* — антропоним < *Делда < *Дьлда < *dьlda, основой номинации которого является признак ‘высокий, длинный’ и др. (пример перехода *d’* - > *j*- перед неэтимологическим *e*)²³².

Протеза. Наряду с разрушением анлаута в славянских диалектах функционирует прямо противоположное явление, предполагающее наращение начала (консонантного, сонантного, вокалического) слова дополнительным звуком, не являющимся приставкой или органической (исконной, этимологической) частью корневой морфемы. Древнейшей для славянского протезой признается *ц-* (> *v-*) перед *ū* (> *y*), возникшая ещё до делабиализации и.-е. *ū* / *ǔ* (> посл. *y* / *ѣ*). Ср.: *vudra ‘выдра’ < *цūdrā (без протезы: лит. *ūdra*, д.-инд. *udrā* — как название водяного зверя), **vudmę, -ene* ‘вымя’ < **цūdmen-* (ср. эту же основу (**ūdh-* без протезы) с другим формантом в д.-инд. *ūdhar*, лат. *uber* ‘вымя’), приставка *vy-* < *цū-* (при герм. *ūt*, д.-в.-нем. *ūz*), предлог(-приставка) *vъ-* < *ǔ-* (ступень редукции и.-е. *en* / *on* ‘в’), приставка *vъz-* < *цūs-* (при авестийском превербе *us-*). Т. е. речь может идти о возникновении протезы в тех позднеиндоевропейских диалектах, которые впоследствии стали основой праславянского. Самые старые примеры возникновения протетического *g-* восходят уже к собственно праславянской эпохе, ср.: *g-nězdo ‘гнездо’ < и.-е. *noisdos, *g-nědhъ-jь ‘гнедой’ < и.-е. **noid-* (~ лат. *re-nīdeō* ‘заблестеть, засиять’)²³³.

Теперь следует перечислить виды протетических звуков и те фонемы, перед которыми в позднепраславянский период и в эпоху существования отдельных славянских языков возникали протезы.

1. *v-*, *g-*, *j-* перед гласными:

а) рефлексом *и-* (дифтонгического происхождения): укр. *вўлиця*, диал. *ўлиця*; *вўлий* ‘улей’ при рус. *ўлица*, *ўлей*; в.-луж. *južo* (и далее — *jižo* > *hižo*), пол. *już*, чеш. *juž*, *již* ‘также, тоже’ и др. при рус. *ужё*, чеш. *už*;

б) рефлексом *р-*: пол. *węgieł* ‘угол’, слвн. *vogál*, укр. *вўгол* при ст.-сл. *жгълъ*, рус. *угол*; слвн. *góža/vóža* ‘ремень’, чеш. *houž* ‘гуж,

клубок, моток', рус., блр. *гуж* при славн. *óža* 'веревка, бечевка' (< *rža / *ržь);

в) рефлексом *o-* (< и.-е. *ǎ*): ст.-сл. *вонѣ* 'запах', рус. *вонь*, в.-луж., н.-луж. *woń* 'т. с.' и др. из псл. **on'a* (< *onja)²³⁴, основа которого сохранилась в рус. *обоняние*; рус. *вотчина* 'наследное имение', вторичное относительно д.-рус. *отъчина* 'т. с.'²³⁵; в чешском и польском *v-*протеза фиксируется с XIV в., в полабско-поморском ареале она, по данным топонимии, засвидетельствована в XII—XIII вв.: *Wurle*, 1160 г. < *Ogьlje, *Wustrow*, 1244 г. < *Ostrouѣ и др.;

г) рефлексом *a-* (< и.-е. *ā*) и в заимствованиях: ст.-сл. *ѡгньць* при агнл. 'ягненок', болг. *áгне* и *ягне*; рус. *яйцо*, д.-чеш. *vajcě* 'яйцо' при ст.-сл. *анице*; в.-луж. *jaroštoł* 'апостол'. То же и с *g-*протезой, возникавшей перед *a-* любого происхождения: в.-луж. диал. *ha* союз 'и' при в.-луж., н.-луж. *a*, в.-луж. диал. *habo* союз 'или' при *abo*; в заимствованиях типа в.-луж. *haperleja* 'апрель', (*h*)*aptyka* 'аптека'.

д) рефлексами *ь*, *i* (< и.-е. *ĩ*, *ei*) и *e*, *ě*, *ę*: чеш. *jít*, *jdu* (< *iti, *jьdъ) при рус. *идти*, *иду*; ст.-сл. *кго*, *кмү*, в.-луж. *jeho*, *jetu*; рус. *едá*, укр. *їдá* (< *ěda); ст.-сл. *ѡзык*, рус. *язык* (< *ęzyкъ); в.-луж. *jes* 'хватать, брать' (< *eti, *jьtrъ) (это весьма древний тип протезы). Протеза *v-* может возникать перед уже имеющимся протетическим *j-*, ср. псл. *asenь 'яшень' > н.-луж. *jaseń* > *wjaseń* и др.

Протетическое *g-* перед *и-* находим и в балтийских языках, ср. лтш. *ušņa* и *gišņa* (бот.) 'бодяк' (из и.-е. *us-nā) — вариант к **цес-* 'колоть' (~ схв. *uш* 'разновидность бодяка') или из и.-е. **eus-* / **us-* 'гореть'; независимо от индоевропейской формы *g-* является протезой)²³⁶.

2. *v-*, *g-* перед сонорными:

а) рефлексами *n* / *m*: рус. диал. *знетить* 'разжигать, подрумянивать хлеб' при пол. *pieścić* 'разжигать, распалать', славн. *nětiti* 'т. с.'; схв. *gnjūiti* 'погружаться, окунаться' (со вторичной палатализацией группы *gn-*) при н.-луж. *piņis*, в.-луж. *piņic* 'нырять'; болг. диал. *gmūца* 'нечто мягкое или хрупкое' < *тiса*; болг. *gmэчкам* 'сжимать, разминать' при рус. диал. *мячкать* 'мять', славн. *тещати* 'мять, давить', чеш. *tačkat* 'жать, давить, комкать' (развитие *g-* перед *n* мо-

жет стать причиной целой цепи изменений, искажающих форму слов, ср. болг. *змур(к)ам се* ‘нырять’, где *зм-* < *зн-* < *н-* ~ *nuriti; н.-луж. диал. *mić* ‘нить’ < *gmíć* < *gníć* < *nić*; слвц. *vňat* ‘ботва’ при чеш. диал. *(m)ňat* ‘т. с.’

б) рефлексом *г*: чеш. диал. *hřemук* ‘ремешок’ при литературном *řemen* ‘ремень’; *hryзіk* ‘рыжик’; пол. *wrzeciądz* ‘цепь’ наряду с *rzeciądz*.

Появление протетического *г*- перед плавным наблюдается и в греческом языке, ср.: *γλάρος* < д.-гр. *λάρος*, *γλείφω* ‘лижу’ при д.-гр. *λείχω* ²³⁷.

3. х- перед:

а) носовым сонорным и губным шумным (как экспрессивный элемент в глагольных формах): болг. *хвѣркам* ‘бить; резко взлететь’ при серб. *вркнути* ‘брызгнуть, хлестнуть, взлететь’ (параллельно с другими экспрессивными протезами, ср.: слвн. *š-vřkati* ‘хлестать, брызгать’, макед. *ш-врка* ‘сечь розгами, хлестать’, серб. *ч-вркнути* ‘ударить’) ²³⁸; рус. диал. *хмалáснyти* ‘сильно ударить’ при *малáц-нyти* ‘бить, колотить’ ²³⁹;

б) лабиальным гласным: хорв. *Новrljice* — топоним (р-н Горажде) при диал. *òvrl̩* ‘название головного убора’ < **o(b)-vьrtl-ь*, **O(b)vьrtl-ica* ~ **o(b)-vьrtnrl̩i* ²⁴⁰;

4. *п-* перед рефлексами *р-/ѣ-*: рус., укр. *нутрó* ‘внутренности’, слвн. *póter* ‘внутри’, в.-луж. *nutř* ‘внутри’ при ст.-сл. *жтрь*, рус. *утрь* ‘внутри, внутри’; рус. *в-нять*, укр. *няти*, блр. *няць*, ст.-сл. *вънати* ‘внимать, слушать’ (и перед *і-* во вторичных формах, ср. рус. *внимание, внимать*) < *ęti, *ǰьtr.

Фиксируются немногочисленные случаи функционирования протетического *б-*, как в рус. диал. *бáлтaрь* ‘алтарь’ ²⁴¹, однако, учитывая частое в славянских диалектах совпадение фонем [б] и [в] в [б] (так называемый «бетаизм»), лексемы с анлаутным *б-* могут оказаться вторичными относительно форм с *в-*.

¹ См.: ЭССЯ. М., 1994. Вып. 21. С. 185–186 (статья *па I).

² Трубачев О. Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003): Доклад пленарного заседания на XIII Международном съезде славистов в Любляне (Словения), 2003 г. М., 2003. С. 37.

³ Подробнее см.: Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // *Этимология*. 1970. М., 1972. С. 5–8.

⁴ Там же. С. 5; Оранский И. М. Введение. Иранские языки в историческом освещении // *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки* / Отв. ред. В. С. Расторгуева. М., 1979. С. 127.

⁵ Десницкая А. В. Древние германо-албанские языковые связи в свете проблем индоевропейской ареальной лингвистики // *Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков*. Ид. второе, испр. / Отв. ред. В. П. Нерознак. М., 2004. С. 224.

⁶ Подробнее о перекрестных изоглоссах см.: Абаев В. И. О перекрестных изоглоссах // *Этимология*. 1966. М., 1968. С. 247–263 (относительно славянских фактов – С. 255–258, 261–262); Его же. Как можно улучшить этимологические словари // *Этимология*. 1984. М., 1986. С. 12–16.

⁷ Достаточно посмотреть в соответствующие разделы классических учебников по истории русского языка, ср., например: Якубинский Л. П. *История древнерусского языка* / С предисл. и под ред. акад. В. В. Виноградова. Прим. проф. П. С. Кузнецова. М., 1953. С. 125; Черных П. Я. *Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк*. М., 1962. С. 82–83 (с утверждением «достоверных примеров с *еле* из *ел* не имеется» – С. 82); Иванов В. В. *Историческая грамматика русского языка*. М., 1964. С. 153–154 (то же и в третьем, переработанном и дополненном издании 1990 года; см. С. 128).

⁸ Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903. С. 97.

⁹ Реєстр Війська Запорозького 1649 року: Транслітерація тексту. К., 1995. С. 37.

¹⁰ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 96, 97; новгородский диалектизм дан по: Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Великий Новгород, 2000. Вып. 13. С. 102.

¹¹ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 97.

¹² Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957. S. 525; Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1987. Т. IV. С. 38–39.

¹³ Подробнее об основах **tǫlp-*, **tǫlm-* / **tǫlm-*, **tǫlb-* см.: Илиади А. И. Об одной группе соматической лексики в связи с вопросами славянской именной суффиксации // *Folia onomastica Croatica*. Zagreb, 2001. Кнј. 10. S. 87–88; [Козлова Р. М.] До етнолінгвістичної інтерпретації деяких гідронімів басейну Дніпра // *Ономастика України та етногенез східних слов'ян*. К., 1998. С. 101, 104.

¹⁴ Материал взят из: Шахматов А. А. Указ. соч. С. 95; Кавалёва Е. Э лексікі вёсак Абідавічы і Журавічы // *Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы*. Мінск, 1960. С. 90; *Словарь русских народных говоров* / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Ленинград, 1976. Вып. 11. С. 86, 87.

¹⁵ *Словарь русских народных говоров*. Там же.

¹⁶ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 95, 96.

¹⁷ Подробнее об этимологическом гнезде с базовым **sel-* с различными типами расширителей см.: Аникин А. Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988. С. 27 (и предыдущие); Іліаді О. І. Слов'янські етимології // *Студії з ономастики та етимології*. 2002. К., 2002. С. 226.

¹⁸ *Словарь русских народных говоров* / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Ленинград, 1976. Вып. 11. С. 28.

¹⁹ Об этимологии псл. *čelnъ, *čelnъkъ см.: ЭССЯ. М., 1977. Вып. 4. С. 44–45.

²⁰ Пример взят из: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 24.

²¹ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1986. Т. II. С. 42.

²² Прокопенко В. А. *Областной словарь буковинских говоров // Карпатская диалектология и ономастика*. М., 1972. С. 472; ЭССЯ. М., 1977. Вып. 4. С. 45.

²³ ЭССЯ. М., 1974. Вып. 1. С. 184.

²⁴ Там же.

²⁵ Детальнее об этих примерах см.: [Козлова Р. М.] До етнолінгвістичної інтерпретації деяких гідронімів басейну Дніпра // *Ономастика України та етногенез східних слов'ян*. К., 1998. С. 104.

²⁶ *Wörterbuch der russischen Gewässernamen* / Begr. von M. Vasmer. Berlin; Wiesbaden, 1961. Bd I. S. 276.

²⁷ Детальнее см.: Іліаді О. І. Из слов'янської гідронімії: укр. *Велика Волба, Мала Волба* // *Acta Onomastica*. Прага, 2004. Роç. XLV. С. 7–8.

²⁸ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1987. Т. III. С. 124. Материал, приведённый в Ф. Р. Минлос. Рефлексы праслав. *SeiC в восточнославянских языках // *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов (Люблина, 2003 г.)*. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 389–394, этимологически неоднозначен. В связи с этим видеть в нём развитие *telt* > *telet* без опровержения существующих этимологий было бы преждевременным. Ср. здесь: рус. *беленá* < *belna (при том, что оно традиционно считается рефлексом *belena, как и схв. *белена* 'дурак, болван', славц. диал. *belian* 'белена' — ЭССЯ. М., 1974. Вып. 1. С. 185–186), рус. диал. *меледá* 'мешкотное дело' < **meld-* (в ЭССЯ оно рассматривается как поздняя форма к *tъdbla — ЭССЯ. М., 1994. Вып. 20. С. 206). Та же ситуация и с другими примерами (случаи вероятной эволюции *telt* > *telet* представлены только в *čelnъ, **želd-*).

²⁹ Клыкков А. А. *Краткий словарь рыбацких слов*. М., 1968. С. 40.

³⁰ *Словарь русских народных говоров* / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Ленинград, 1978. Вып. 14. С. 147, 141.

³¹ Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. С. 92; *Этимологичний словник української мови: В 7 т.* / Гол. ред. О. С. Мельничук. К., 2003. Т. 4. С. 261.

³² *Этимологичний словник української мови*. Там же.

³³ *Словарь русских народных говоров*. Ленинград, 1966. Вып. 2. С. 68, 65; *Этимологичний словник української мови*. К., 1982. Т. 1. С. 122; Онишкевич М. Й. *Словник бойківських говірок*. К., 1984. Ч. 1. С. 41; *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* / Ред. В.У. Мартынаў. Мінск, 1978. Т. 2. С. 286.

³⁴ Детальнее об основе *болоб-* в структуре названий кулинарных изделий см.: Шульгач В. П. Из русской диалектной лексики. II (*абайда, арда, лябушка, шоболда*) // *Филологические исследования*. Донецк, 2000. Вып. II (статья «*лябушка (продолжение)*»); Его же. *Українські етимології*. 29–36 // *Мовознавство*. 1998. № 6. С. 42–43. Материал для реконструкции форм с корнем **tol-* дан по: Прокопенко В. А. *Областной словарь буковинских говоров* // *Карпатская диалектология и ономастика*. М., 1972. С. 463; Илиади А. И. [Рец. на:] Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских,*

алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 773 с. // Студії з ономастики та етимології. 2003. К., 2003. С. 151.

³⁵ Словарь русских народных говоров. Там же. С. 91.

³⁶ Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1977. Вып. 13. С. 11; СПб., 2003. Вып. 37. С. 382.

³⁷ ЭССЯ. М., 1983. Вып. 10. С. 120–121.

³⁸ Словарь русских народных говоров. Там же.

³⁹ Топонимы взяты из: Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Wiesbaden, 1963. Bd I. S. 251.

⁴⁰ Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1978. Вып. 14. С. 147.

⁴¹ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 104.

⁴² Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. Гомель, 1997. С. 287.

⁴³ Шахматов А. А. Там же. С. 106.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Stieber Z. Toponomastyka Łemkowszczyzny. Cz. II: Nazwy terenu. Łódź, 1949. S. 100.

⁴⁶ Матвіяк І. Варіанти української літературної мови. К., 1998. С. 112.

⁴⁷ Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1995. Вып. 10. С. 65.

⁴⁸ Лявончык Н. М. Жменька матчыных слоў // Народнае слова. Мінск, 1976. С. 141.

⁴⁹ Грамоти XIV ст. / Упор., вступ. стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пещак. К., 1974. С. 76.

⁵⁰ Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). С.-Петербург, 2001. С. 669.

⁵¹ Словарь русских народных говоров. С. 199.

⁵² Архив П. М. Строева // Русская историческая библиотека. Петербург, 1915. Т. I. Ст. 615.

⁵³ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 102, 105.

⁵⁴ Об этимологии псл. *vysolpiti см.: Аникин А. Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988. С. 27 (и предыдущие).

⁵⁵ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 102.

⁵⁶ Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1982. Вып. 2. С. 58.

⁵⁷ Подробнее см.: ЭССЯ. М., 1975. Вып. 2. С. 178.

⁵⁸ Архив П. М. Строева. Т. II // Русская историческая библиотека. Петроград, 1917. Т. XXV. Ст. 591.

⁵⁹ Горпинич В. О. Прізвища степової України: Словник. Дніпропетровськ, 2000. С. 87.

⁶⁰ Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1978. Вып. 14. С. 199.

⁶¹ Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1980. Вып. 16. С. 72.

⁶² Там же. С. 54, 55.

⁶³ Сцяцко П. У. Лексічныя рэгіяналізмы Зэльвеншчыны // Народная словатворчасць. Мінск, 1979. С. 20; Russisches geographisches Namenbuch. Bd IX. S. 208.

⁶⁴ Реєстр Війська Запорозького 1649 року: Транслітерація тексту. К., 1995. С. 140.

⁶⁵ Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1980. Вып. 16. С. 76, 77.

⁶⁶ См.: Шульгач В. П. Українські етимології. 29–36 // Мовознавство. 1998. № 6. С. 42.

⁶⁷ Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 1992. Т. II. С. 228.

⁶⁸ Дела Тайного Приказа. Кн. 2. // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. XXII. Ст. 427.

⁶⁹ Корзонюк М. М. Матеріали до словника західноволинських говірок // Українська діалектна лексика: Зб. наук. праць. К., 1987. С. 164; Мельниченко Г. Г. Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961. С. 112; Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Bd V. S. 628.

⁷⁰ Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970. С. 370.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III. С. 273; бр. *пóльме* приведено по: Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. М., 1955. Вып. 1. С. 254.

⁷⁵ Материал см.: Фасмер М. Там же.

⁷⁶ Карский Е. Ф. Указ. соч. Там же.

⁷⁷ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 88.

⁷⁸ См.: ЭССЯ. М., 1979. Вып. 6. С. 208–210.

⁷⁹ Фасмер М. Там же. С. 668–669.

⁸⁰ Об этимологии нижнелужицкого топонима см.: О. І. Іліаді Етимологічний коментар до двох слов'янських топонімів // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Кіровоград, 2001. Вип. 37. С. 27–28.

⁸¹ Примеры эксцерпированы из словаря М. Р. Фасмера. Диалектизмы бойковских говоров украинского языка взяты из: Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок: У 2 ч. К., 1984. Ч. 2. С. 55, 124.

⁸² Примеры взяты из: Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О. С. Мельничука. К., 1966. С. 62–63; укр. диал. *рам'я* приведено в: Матвіяк І. Варіанти української літературної мови. К., 1998. С. 94.

⁸³ Материал см.: Фасмер М., 1987. Т. III. С. 440–441.

⁸⁴ Интересно, что сам вопрос о зависимости реализации псл. *ort/olt* от интонационных различий долгое время дискутировался. Например, Г. А. Ильинский, полемизируя с зарубежными исследователями, выдвинул точку зрения, согласно которой начальные сегменты *ra- / ro-* восходят вовсе не к общему исходному *ort*, а к структурам другого типа. Так, для южнославянского *гобъ* (: ст.-сл. *робъ*, схв., слвн. *rob*) он предполагал и.-е. *ō*, т. е. выведение не из **orbh-*, а из **robh-* (< **erebh-*), а *rabъ*, с его точки зрения, является производным от *rabiti* — итератив к *robiti* (см.: Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916. С. 124–128; с историей проблемы). Но этимологически тождественные имена с анлаутом *ra- / la, ro- / lo-*, не связанные с глагольной лексикой, демонстрирующей продление корневого вокализма (ср. укр. *рокіта*, болг. *ракіта*, рус. *ракіта* 'разновидность растения' < **ork-uta*, рус. *лодка* при болг. *лăдя* < **old-ъka / *old-ъja*), которые невозможно свести к разным основам, исследователь в указанной работе не рассматривал.

⁸⁵ См.: Іліаді О. І. Етимологічне гніздо з коренем **ver-* у праслов'янській мові. Київ; Кіровоград, 2001. С. 88–89 (с литературой по данному вопросу).

⁸⁶ Подробнее см.: Шульгач В. П. *Курындыш* // Русская речь. 2001. № 1. С. 83–84.

⁸⁷ Носович И. И. *Словарь белорусского наречия*. СПб., 1870; *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* / Ред. В. У. Мартынаў. Мінск, 1978. Т. 2. С. 70; Карский Е. Ф. *Белорусы. Язык белорусского народа*. М., 1955. Вып. 1. С. 254.

⁸⁸ Бялькевіч І. К. *Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны*. Мінск, 1970. С. 412.

⁸⁹ Шульгач В. П. Там же.

⁹⁰ Бялькевіч І. К. С. 414.

⁹¹ Примеры взяты из: Шахматов А. А. *К истории звуков русского языка*. С. 104–105.

⁹² Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1987. Т. III. С. 654.

⁹³ Карский Е. Ф. Там же.

⁹⁴ См.: Іліаді О. І. *Указ. соч.* С. 98.

⁹⁵ Шахматов А. А. Там же. С. 103.

⁹⁶ Там же. С. 88.

⁹⁷ Смирнов П. *Орловский уезд в конце XVI века по писцовой книге 1594–5 г.г.* Киев, 1910. С. 171.

⁹⁸ Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики* / Под ред. М. Ф. Семёновой. Рига, 1963. С. 303; Бялькевіч І. К. С. 412.

⁹⁹ Фасмер М. Там же. С. 691–692.

¹⁰⁰ Шульгач В. П. Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Примеры даны по: Шульгач В. П. *Про деякі рефлексії псл. *Vop-* (на матеріалі антропонімії) // *Acta onomastica. Praha, 2004. Roč. XLV. S. 79.*

¹⁰³ Поливанов В. Н., Красовский В. Э. *Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца*. Симбирск, 1898. Т. II. С. 136.

¹⁰⁴ Бялькевіч І. К. С. 413, 432.

¹⁰⁵ Немченко В. Н., Сеница А. И., Мурникова Т. Ф. С. 303; Бялькевіч І. К. С. 412; Вакалюк Я. Ю. *Весільна лексика в говірках Прикарпаття* // *Проблеми дослідження діалектної лексики і фразеології української мови: Тези доповідей*. Ужгород, 1978. С. 9.

- 106 Бялькевич І. К. С. 403.
- 107 Там же. С. 439.
- 108 Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К., 1908. Т. 2. С. 557.
- 109 Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966. С. 204 (со ссылкой на М. Р. Фасмера).
- 110 Janów J. Słownik huculski. Kraków, 2001. S. 9.
- 111 Лучыц-Фэдарэц І. І. Адмоўная экспресійная лексіка. Матэрыялы для слоўніка Брэстчыны // Народная лексіка. Мінск, 1977. С. 236.
- 112 Козлова Р. М. Структура праславянскага слова. Праславянскае слова в генетычным гнезде. Гомель, 1997. С. 80.
- 113 Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок. К., 1984. Ч. 2. С. 370; ЭССЯ. М., 1977. Вып. 4. С. 76.
- 114 Никончук М. В. Лексичний атлас Правобережного Полісся. К.; Житомир, 1994. Карти № 119, 120.
- 115 Там же.
- 116 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 35.
- 117 Белић А. Основи историје српскохрватског језика. I: Фонетика. Београд, 1976. С. 76.
- 118 См. ЭССЯ. М., 1978. Вып. 5. С. 201 (статья *duľь II).
- 119 Подробнее см.: Козлова Р. М. *Большие Долды, Малые Долды* и родственные названия (этимологический комментарий) // Материалы для изучения сельских поселений России. Доклады и сообщения третьей научно-практической конференции «Центральночернозёмная деревня: история и современность». Воронеж, декабрь 1994 г. М., 1994. Ч. 1. С. 132–135.
- 120 Козлова Р. М. Структура праславянскага слова. Праславянскае слова в генетычным гнезде. Гомель, 1997. С. 22.
- 121 Примеры даны по: Козлова Р. М. Там же. С. 130, 145, 157, 163, 207–208, 233.
- 122 Łorentz F. Gramatyka pomorska. Cz. 1: Fonetyka. Wrocław, 1958. S. 101.
- 123 Цоговић А. Ономастика Горе // Ономатолошки прилози / Гл. уредник П. Ивић. Београд, 1996. Књ. XII. С. 94.
- 124 ЭССЯ. М., 1980. Вып. 7. С. 202.

- ¹²⁵ Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. Zagreb, 1976. S. 482, 499, 524, 539.
- ¹²⁶ Матвіяс І. Варіанти української літературної мови. К., 1998. С. 76.
- ¹²⁷ Beneš J. O českých příjmeních. Praha, 1962. S. 82; Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964. S. 166.
- ¹²⁸ Oliva K. Retrográdní slovník k dílu Dr. Antonína Profouse «Místní jména v čechách» I–V. Část I. Česká místní jména. Praha, 1976. S. 24.
- ¹²⁹ Svoboda J. Указ. соч. S. 152; Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам. Петроград, 1915. С. 69.
- ¹³⁰ Пјанка В. Топономастиката на Охридско-Преспанскиот базен. Скопје, 1970. С. 428.
- ¹³¹ Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1906. T. IV. S. 39.
- ¹³² Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. Bratislava, 1967. D. I: Úvod a hláskoslovie. S. 524; Listář k dějinám Školství Kutnohorského (1520–1623) / Sest. dr. Vojtěch J. Nováček. Praha, 1894 (= Historický archiv. Č. 5). S. 168.
- ¹³³ ЭССЯ. М., 1986. Вып. 13. С. 186, 188, 191.
- ¹³⁴ Łorentz F. Указ. соч. S. 107.
- ¹³⁵ [Козлова Р. М.] До етимології імені Ёскольдъ (Ёскольдъ, Оскольдъ) // Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. К., 1992. С. 104, 107.
- ¹³⁶ Stanislav J. Указ. соч. S. 524.
- ¹³⁷ Komárek M. Historická mluvnice česká / Úvod napsal K. Horálek. Praha, 1958. D. I: Hláskosloví. S. 82, 83, 85.
- ¹³⁸ Łorentz F. Gramatyka pomorska. S. 107, 108.
- ¹³⁹ Белић А. Указ. соч. С. 76.
- ¹⁴⁰ См.: Шульгач В. П. Русь Пѣргасова (лингвистический комментарий) // Актуальные вопросы славянской ономастики: М-лы Международной научн. конф. (г. Гомель, 21–22 ноября 2002 г.) / Отв. ред. Р. М. Козлова. Гомель, 2002. С. 251–256; схв. Skerda дано по Козлова Р. М. Структура праславянского слова. С. 157.
- ¹⁴¹ Тураўскі слоўнік. Там же. С. 237; украинский антропоним (фамилия) функционирует в г. Кировоград.
- ¹⁴² Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Wiesbaden, 1965. Bd II. S. 634.
- ¹⁴³ Материал для реконструкцій взят из: Никончук М. В. Лексичний атлас Правобережного Полісся. К.; Житомир, 1994. Карта № 90; Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. С. 74.

¹⁴⁴ Материал ексцерпирован из: Никончук М. В. Сільськогосподарська лексика Правобережного Полісся. К., 1985. С. 219; Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1982. С. 574; Kotnik J. Slovensko-ruski slovar. Ljubljana, 1972. S. 593.

¹⁴⁵ Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970. С. 450.

¹⁴⁶ Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд, Гомель, 2000. Т. 1. С. 19–20.

¹⁴⁷ См.: Илиади А. И. [Рец. на:] Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. С. 150 (с литературой).

¹⁴⁸ Примеры даны по: [Козлова Р. М.] До етимології імені *Аскольдъ* (*Аскольдъ*, *Оскольдъ*). С. 104; Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. С. 44, 155, 162.

¹⁴⁹ Примеры взяты из: Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Ленинград, 1976. Вып. 11. С. 185; Янкоўскі Ф. Дыялектны слоўнік. Мінск, 1970. Вып. III. С. 87, 114.

¹⁵⁰ Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976. Knj. 1. S. 159.

¹⁵¹ Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1966. Вып. 2. С. 54, 80.

¹⁵² ЭССЯ. М., 1987. Вып. 13. С. 188–189.

¹⁵³ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер) / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1976. С. 197.

¹⁵⁴ Детальнее см.: [Козлова Р. М.] До етимології імені *Аскольдъ* (*Аскольдъ*, *Оскольдъ*); Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. С. 19–20.

¹⁵⁵ Там же. С. 105.

¹⁵⁶ Селищев А. М. Славянское языкознание. М., 1941. Т. 1: Западнославянские языки. С. 239.

¹⁵⁷ Примеры взяты из: Горбач О. Південнолемківська говірка й діалектний словник села Красний Брід бл. Меджилаборець (Пряшівщина). Мюнхен, 1973. С. 2; Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К., 1907. Т. 1. С. 49; Тураўскі слоўнік. Т 1. С. 52. Детальнее о рефлексах **bъlb-* см.: Шульгач В. П. Українські етимології. 66–73 // Студії з ономастики та етимології. 2004. К., 2004. С. 276–282.

¹⁵⁸ [Козлова Р. М.] До етнолінгвістичної інтерпретації деяких гідронімів басейну Дніпра // Ономастика України та етногенез східних слов'ян. К., 1998. С. 100–101.

¹⁵⁹ Подробнее см.: Шульгач В. П. Там же.

¹⁶⁰ Материал почерпнут из: Словарь української мови. К., 1908. Т. 2. С. 430; Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. священник магистр Г. Дьяченко. М., 1900. С. 1063; Kotnik J. Slovensko-ruski slovar. S. 289.

¹⁶¹ Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1970. Вып. 5. С. 37.

¹⁶² Тураўскі слоўнік. Т 1. С. 158.

¹⁶³ Шульгач В. П. Етимологічна інтерпретація деяких поліських прізвищ // Полісся: Мова, культура, історія. М-ли Міжнародної конференції. К., 1996. С. 178.

¹⁶⁴ См.: Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). К., 1998. С. 252 (со ссылкой на Р. М. Козлову).

¹⁶⁵ Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika. II. Konzonantizem. Ljubljana, 1924. S. 102; Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. С. 50, 52; [Козлова Р. М.] До етнолінгвістичної інтерпретації деяких гідронімів басейну Дніпра. С. 103.

¹⁶⁶ ЭССЯ. М., 1986. Вып. 13. С. 188.

¹⁶⁷ Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2002. Т. 2. С. 120-121.

¹⁶⁸ Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Там же.

¹⁶⁹ См.: Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. С. 198 (со ссылкой на Ю. А. Лаучюте).

¹⁷⁰ Подробнее см.: Илиади А. И. [Рец. на:] Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 773 с. // Студії з ономастики та етимології. 2003. К., 2003. С. 137 (с литературой по данному вопросу).

¹⁷¹ См.: Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Новосибирск, 1998. С. 71 и след.

¹⁷² ЭССЯ. М., 1987. Вып. 13. С. 232, 233.

¹⁷³ Примеры взяты из: Матвіяс І. Варіанти української літературної мови. К., 1998. С. 68, 69.

¹⁷⁴ Вар'ян Н. Дитина у звичаях Свидника // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Пряшів, 1977. Вип. 8. С. 229.

¹⁷⁵ Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika. S. 211, 5.

¹⁷⁶ Детальнее см.: Snoj M. Etimološke drobtine. 1–5 // Slavistična revija. 2003. № 1. S. 28.

¹⁷⁷ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. С. 42.

¹⁷⁸ Симеонов Б. Етимологичен речник на местните названия от Годечко // Годишник на Софийския университет. Факултет по славянски филологии. София, 1966. С. 136.

¹⁷⁹ Ѓирић Љ. Ономастика Белопаначког краја // Ономатолошки прилози / Гл. уредн. П. Ивић. Београд, 1997. Књ. XIII. С. 47.

¹⁸⁰ Крыўко М. Н. Экспрэсіўныя назвы асобы ў гаворцы в. Манякова Міёрскага раёна // З народнага слоўніка. Мінск, 1975. С. 286; Словник гідронімів України / Ред. колегія: А. П. Непокупний, О. С. Стрижак, К. К. Цілуйко. К., 1979. С. 164.

¹⁸¹ Bezlaј F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976. Кпј. 1. S. 134.

¹⁸² ЭССЯ. М., 1977. Вып. 4. С. 54–55.

¹⁸³ Петров А. Карпаторусские межевые названия из пол. XIX и из нач. XX в. Ргана, 1929. С. 205.

¹⁸⁴ Кювлиева В., Димчев К. Речник на Хасковския градски говор // Българска диалектология: Проучвания и материали. София, 1970. Кн. 5. С. 66; Ковачев Ст. Троянският говор // Българска диалектология: Проучвания и материали. София, 1968. Кн. IV. С. 196.

¹⁸⁵ См.: Български етимологичен речник / Съст. Георгиев В., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. и др. София, 1971. Т. 1. С. 238.

¹⁸⁶ Материал взят из: Шульгач В. П. *Курындыш* // Русская речь. 2001. № 1. С. 83.

¹⁸⁷ Козлова Р. М. Структура праславянского слова. С. 332 (со ссылкой на Ф. Безлая).

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Детальнее о русских и украинских примерах см.: Шульгач В. П. Из русской диалектной лексики. III (*нукта, кварбѣтка, собанник, куржа*) // Студії з ономастики та етимології. 2002. К., 2002. С. 228–229.

¹⁹⁰ Панцьо С. Є. Антропонімія Лемківщини. Тернопіль, 1995. С. 118.

¹⁹¹ Подробнее см.: Шульгач В. П. Етимологічні замітки з української антропонімії // Мовознавство. 1994. № 4–5. С. 13–14.

¹⁹² Stieber Z. Toponomastyka Łemkowszczyzny. Cz. II: Nazwy tereny. Łódź, 1949. S. 43.

¹⁹³ Верхратський І. Говір батюків. Львів, 1912 (= Збірник фільольогічної секції Наукового товариства імені Шевченка. Т. XV). С. 281.

¹⁹⁴ Шульгач В. П. Етимологічні замітки з української антропонімії. С. 13; Козлова Р. М. И.-е. *(s)kel- 'гнути, сгибать; крутит, вертеть' в славянской гидронимии. II // Ономастика та етимологія. Зб. наукових праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Железняк. К., 1997. С. 108.

¹⁹⁵ Шульгач В. П. Там же (с критикою других версий толкования структуры рус. *чиплаухий*).

¹⁹⁶ См.: Duma J. Nazwy rzek lewobrzeżnego Mazowsza (z całym dorzeczem Pilicy). Warszawa, 1999. S. 31.

¹⁹⁷ Белецкий А. А. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). К., 1950. С. 69.

¹⁹⁸ Украинские примеры даны по: Шульгач В. П. Гелонімія Західного Полісся. I // Мовознавство. 1992. № 4. С. 33–34; чешский см.: Třetí příspěvek k česko-německému slovníku zvláště grammaticko-fraseologický / Sest. F.Št. Kott. Praha, 1906. S. 324.

¹⁹⁹ ЭССЯ. М., 1980. Вып. 7. С. 163.

²⁰⁰ Петлева И. П. Этимологические исследования в области сербохорватской лексики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1976. С. 13.

²⁰¹ Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок. Ч. 1. С. 174; Шульгач В. П. Из русской диалектной лексики. I (*рынок, егутка, егоза, курнопятый*) // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк, 2001. Вып. 7. С. 262.

²⁰² Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971. Knj. I. S. 687.

²⁰³ ЭССЯ. М., 1981. Вып. 8. С. 130.

²⁰⁴ Подробнее см.: Іліаді О. І. Етимологічне гніздо з коренем **ver-* у праслов'янській мові. Київ; Кіровоград, 2001. С. 84–85.

²⁰⁵ См.: Шульгач В. П. Там же. С. 34; Верхратський І. Знадоби для пізнання уgro-руських говірок. Словарець // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1899. Т. XXX. С. 233; Петлева И. П. Указ. соч. Там же.

²⁰⁶ Шустер-Шевц Х. Язык лужицких сербов и его место в семье славянских языков // Вопросы языкознания. 1976. № 6. С. 77.

²⁰⁷ Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika. S. 135.

²⁰⁸ Ramovš F. Там же; Petrov A. Národopisna mapa Uher podle úředního lexikonu osad z roku 1773. Praha, 1924. S. 59.

²⁰⁹ Дэже Л. Очерки по истории закарпатских говоров. Будапешт, 1967. С. 259, 260.

²¹⁰ [Козлова Р. М.] До етнолінгвістичної інтерпретації деяких гідронімів басейну Дніпра. С. 99.

²¹¹ Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Wiesbaden, 1962. Bd I. S. 630.

²¹² Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Ленинград, 1966. Вып. 2. С. 91.

²¹³ Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1969. Вып. 4. С. 299–300; 1977. Вып. 12. С. 273.

²¹⁴ Там же. Вып. 12. С. 275.

²¹⁵ Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. W. Taszyckiego. Wrocław etc., 1981. T. VI/1. S. 103.

²¹⁶ Примеры даны по: [Козлова Р. М.] Там же.

²¹⁷ Подробнее см.: Шульгач В. П. Редукція аналаута як результат занепаду зредукованих (на прикладі літописного *вьсеволожь* та ін.) // Пам'ятки писемності східнослов'янськими мовами XI–XVIII ст. К., 1995. Вып. 2. С. 279–281.

²¹⁸ Kronsteiner O. Alpenslawischen Personennamen (= Österreichische Namen forschung. Sonderreihe 2). Wien, 1981. S. 97.

²¹⁹ Стеблин-Каменский М. И. Древнескандский язык. М., 1955. С. 257, 270.

²²⁰ См.: Шульгач В. П. З української історичної антропонімії (етимологічні етюди) // Щорічні записки з українського мовознавства. Одеса, 1998. Вып. 5. С. 22.

²²¹ Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпряниці. Запоріжжя, 1992. Т. I. С. 239; Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідронімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2000. Т. 1. С. 116.

²²² Подробнее см.: Казлова Р. М. Там же. С. 29.

²²³ Peco A. Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd, 1980. S. 97.

²²⁴ Эти и другие хорватские примеры, демонстрирующие указанную замену, см.: Šimundić M. Dio davnih osobnih imena iz Šibenskoga kraja //

Ономатолошки прилози / Гл. уредн. П. Ивић. Београд, 1990. Књ. XI. S. 22 (адъектив *jub* и антропоним *Ljuban* здесь подаются как *jubъ* и *Ljubanъ*).

²²⁵ Ламанский В. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. С. 210.

²²⁶ Božanić J. Iskustvo vremena komiških ribara // Čakavska pič. 1996. № 1–2 (XXIV). S. 70.

²²⁷ Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К., 1907. Т. 1. С. 25.

²²⁸ Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпряниці. Т. I. С. 105.

²²⁹ ЭССЯ. М., 1976. Вып. 3. С. 31, 39.

²³⁰ Подробнее об этимологии указанных восточнославянских слов см.: Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии. III // Этимология. 1983. М., 1985. С. 59–60.

²³¹ Подробнее см.: Журавлев А. Ф. Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков» // Этимология. 1988–1990. М., 1993. С. 77–78.

²³² Подробнее см.: Илиади А. И. Русские этимологии // Студії з ономастики та етимології. 2005. К., 2005 (в печати).

²³³ Здесь и далее приведены примеры из работы Х. Шустера-Шевца. См.: Шустер-Шевц Х. Славянские протезы в случаях зияния и их значение для славянской этимологии и исторической грамматики // Этимология. 1988–1990. М., 1993. С. 88–99 (с литературой по вопросу о славянских протезах). Эта весьма интересная и методологически показательная публикация помещена в сборнике, вышедшем, к сожалению, ограниченным тиражом и потому стала недоступной большинству читателей. Поэтому не будет лишним привести здесь некоторые материалы, собранные в ней. Добавим, что одной из самых старых работ, описывающих славянские протезы, состояние проблематики, историю их изучения является «Праславянская грамматика» Г. А. Ильинского (Нежин, 1916. С. 163–169).

²³⁴ Реконструкция дана по: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I. С. 349.

²³⁵ См.: Фасмер М. Там же. С. 359.

²³⁶ Примеры взяты из Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Rīga, 1992. Т. II. S. 458.

²³⁷ Белецкий А. А. Принципы этимологических исследований. С. 69.

²³⁸ Іліаді О. І. Етимологічне гніздо з коренем **ver-* у праслов'янській мові. С. 69.

²³⁹ Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. С. 91 (с рассмотрением анлаутного *х-* как приставного *хъ-*).

²⁴⁰ См. Іліаді О. І. Там же. С. 110—111 (с литературой).

²⁴¹ Словарь русских народных говоров. Л., 1966. Вып. 2. С. 86.

7. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭТИМОЛОГИИ

Словообразовательный анализ в этимологических исследованиях играет основную роль, поскольку именно он дает ключ к истолкованию структуры и взаимоотношений слов, утративших связывавшие их некогда деривационные связи, восстановлению разрушенных архаичных словообразовательных гнезд. Фонетический критерий при этом выступает гарантом правильности сопоставляемых лексем, т. е. выполняет проверочную функцию.

Указанный подход в этимологической процедуре основывается на тех же принципах, что и синхронный словообразовательный анализ. Различие заключается в том, что при синхронном анализе лексика рассматривается в границах одного отдельно взятого языка в определенный период его существования. Это значит, что в расчет зачастую принимаются только словообразовательные пары лексем литературного языка с живыми, актуальными на этот момент связями. Поэтому большое количество старых слов, выпавших из своей парадигмы вследствие народной этимологии или потерявших производящую основу и ставших «непроизводными» в этот период, остаются вне поля зрения исследователя и потому не объясняются. Данные диалектов и родственных языков, материалы памятников письменности, сохраняющие эти самые утраченные в литературном языке производящие слова, к сожалению, не привлекаются. Напри-

мер, слова вроде рус., укр. *дóблесть* 'геройство, мужество, отвага' при синхронном подходе могут быть квалифицированы только как непроизводные, и на этом «толкование» их словообразовательной структуры заканчивается. Ценность такого объяснения для языкознания равняется нулю. В то же время внимание к диалектам русского языка, в которых функционирует живое прилагательное *дóбллий* 'доблестный', а также к летописям, сохранившим рус.-ц.-слав. *дóбли* 'благородный, доблестный', позволяет четко определить производящий адъектив, утраченный в литературном языке. Аналогичным образом выглядит ситуация с интерпретацией укр. *лїтка* 'округлый мускул на задней стороне голени человека' (в других славянских языках это слово имеет значение 'икра ноги, нога, голень'), которое никак не объяснить в границах собственно украинского языка. Зато попытка выйти за его границы в поисках производящей основы дает исчерпывающий ответ на этот вопрос: она сохраняется в польском устаревшем слове *łyt* 'икра ноги' ¹.

Без учета указанных выше условий анализа дается искаженная картина состояния деривационной системы славянских языков, основанная только на анализе относительно большого, но ограниченного словаря, которым оперирует только книжный стиль, оторванный от живой народной речи со всем ее богатством и своеобразием ². Естественно, что при такой методике появляются «сложные» суффиксы, объявляются непроизводными, а затем неверно истолковываются многие слова, исключаются из суффиксальной системы ряды словообразовательных моделей. Например, в современных исследованиях по синхронному словообразованию мы не найдем упоминания о модели с суффиксами *-ас-* (оформлял и оформляет отыменные и отглагольные производные) или *-ын'* (имеются только традиционные скупые сведения о наличии его в *княгиня* и нескольких старославянизмах типа *тредыня*, *гордыня*). Все ссылки на то, что предметом современной дериватологии является только словообразовательная система литературного языка с его инновациями, возникающими на глазах ³, заводят в тупик науку о словообразовании. Именно так, поскольку в итоге исследуется фикция, в известной мере искусственное койне, которым является литературный язык. Последний, будучи из-

бавлен от колоритности диалектов, как раз в отношении словообразовательного уровня является фрагментарным: из него выброшены все ответы на вопросы функционирования механизма словообразования, его инвентаря. То общеупотребительное (стандартный набор всем известных аффиксов и их валентности), что остается для исследования, просто описывается, но не объясняется, т. к. нельзя объяснить фрагмент (часто достаточно искаженный искусственной нормой) не привлекая всей системы, элементом которой он является.

Словообразовательный анализ как один из приемов этимологического исследования предполагает привлечение данных диалектной лексики и лексики памятников письменности разных периодов развития языка. Обязательной является работа со словарями других славянских (а иногда и неславянских) языков. При этом необходимым условием выступает обращение к ономастической лексике, консервирующей то, что было утрачено в апеллятивном словаре (все те же производящие основы, редкие аффиксы). Славянская словообразовательная система рассматривается во всех ее хронологических и территориальных проявлениях. Благодаря этому этимология не просто дает ответы на вопросы относительно происхождения конкретных лексических единиц, их словообразовательной структуры, она восстанавливает историю словообразовательной системы, пути её эволюции, реставрирует целые деривационные парадигмы.

7.1. Аффиксация

1. Суффиксы и префиксы. Работа со славянской лексикой предполагает умение исследователя ориентироваться в системе реликтовых формативов. Без широкой эрудиции в этом вопросе иногда бывает трудно дать этимологическую характеристику определенному слову, а значит — восстановить одно или несколько древних звеньев словообразовательной цепи. Например, отсутствие внимания к архаичной модели с суффиксом *-ъz-* привело к неверной этимологии названия русского дворянского рода *Куломзиных* в Костромской гу-

бернии, который был зачислен в разряд русифицированных мерянских ⁴. Рассмотрим этот случай подробнее.

Этимологическая процедура первым шагом предполагает установление мотивирующего слова. Упомянутый антропоним образован при помощи суффикса посессивности *-ин-* от **Куломза* — фонетическая форма прозвища **Коломза* (ещё один тип перегласовки звуковых сочетаний типа *-оло-*). Это последнее восходит к псл. диал. **kolm-ъza*, представляющее собой производное с указанным формантом *-ъza* от основы **kolm-* ‘гнуть; нечто выпуклое, округлое’, представленное в старой славянской именной и (реже) глагольной лексике (более распространенным оказался вариант этой основы со ступенью редукции корневого гласного — **kьlm-*). Целесообразность такого истолкования рус. **Куломза* как продолжения псл. **kolm-ъza* подтверждается другими образованиями с этим же суффиксом в гнездах слов аналогичной структуры (т. е. с корнями на плавный сонант, расширенными *m*-детерминативом), ср.:

*rom-ъza (: рус. **Поромза* — антропоним, сохраненный в топониме *Поромзино Городище* ⁵) ~ и.-е. **reg-* ‘бить; напирать’;

*korm-ъza (: блр. диал. *карамза́* ‘кряжистое дерево’) ~ и.-е. **ker-* ‘резать; гнуть, крутить’ ⁶.

Этот суффикс функционировал и в этимологических гнездах корней с другими структурными показателями: **lob-ъza* / **lab-ъza* (: рус. **Лобза* / **Лабза*, засвидетельствованные в фамилиях XVII в. *Лобзин* и *Лабзин* на территории гг. Севск и Карачев ⁷, блр. *Лáбза́* — антропоним ~ рус. диал. *лáбза́* ‘льстец, угодник’, укр. диал. *лабза́* ‘попрошайка’, ср. еще грамматический вариант к **lobъza* — **lobъzъ* > ст.-сл. *ловъzъ* ‘поцелуй’), соотносимые с глаголами **lobъzati* ‘целовать’ и **labъzati se* (: рус. диал. *лáбзаться* ‘ласкаться’) ⁸.

Таких суффиксальных моделей в праславянских диалектах насчитывается не один десяток. Их подробное описание можно найти в работе Ф. Славского «*Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego*» ⁹. Приводить здесь их все не имеет смысла, поскольку данный курс лекций ставит целью не описание системы праславянской деривации (это предмет отдельной дисциплины — праславянского словообразования), а демонстрацию использования диахронного словообразова-

тельного анализа как приема этимологического исследования. Поэтому в данном случае нагляднее будет показать примеры функционирования некоторых словообразовательных моделей в границах нескольких этимологических гнезд. Это и будет иллюстрацией системности действия словообразовательного механизма, ознакомившись с которым можно получить представление о структуре славянского слова и методике его исторического анализа. В качестве объектов наблюдения возьмем несколько архаичных, восстанавливаемых в значительной мере на ономастическом фактаже (это само по себе говорит о древности слов), гнезд с корнями на плавный сонант, расширенный разными типами детерминативов. Рассмотрим формирование в них десубстантивов с суффиксами *-as-* и *-yš-*.

**bъl-* (ступень редукции к и.-е. **b(h)el-* ‘набухать, раздуваться; нечто толстое’):

*bъlb-asъ (: укр. *Бельбас* — антропоним; по данным Ономастического архива Института украинского языка НАН Украины, фиксируется в Ивано-Франковской области, *Бовбас-ів-ка* — ойконим на территории Полтавской области (с переходом *л > в* в закрытом слоге) по материалам административно-территориального устройства на 1987 г.);

*bъld-asъ (: рус. *Болдас-ов* — название озера в бас. Оки, диал. *набалдасина* ‘комель палки’, слвн. *Baldasin* — антропоним, хорв. *Baldas* — антропоним) ¹⁰;

*bъlt-asъ (: рус. *Балмас-ово*, *Балмас-ова* — ойконимы в бывших Новгородской и Смоленской губ.) ¹¹;

*bъlt-asъ (: чеш. *Bultas* — антропоним, рус. *Балмас-ево* — топоним в бывшей Саратовской губ.) ¹².

**vъl-* (ступень редукции к и.-е. **ǰel-* ‘гнуть, крутить; нечто выпуклое’):

*vъlb-asъ (: рус. *Волбас* — название горы возле Устюга, поселение в бывшей Вологодской губ.) ¹³;

*vъld-asъ (: рус. *Валдас* — антропоним) ¹⁴;

*vъlg-asъ (: рус. *Валгасовъ*, 1579 г. — антропоним, *Валг-асиха* — ойконим в бывшей Владимирской губ.) ¹⁵.

**bъr-* (ступень редукции к и.-е. **bher-* ‘резать’):

*bъrd-asъ (: укр. *Бордас* — антропоним) 16;

*bъrg-asъ (: серб. *Бургас — антропоним, законсервированный в топониме *Бургаси*, который фактически является формой множественного числа указанного личного имени, ст.-укр. *Баргасъ* — антропоним) 17.

**kъr-* / **čer-* (продолжения вариантов с разной ступенью апофонии и.-е. **ker-* ‘резать; гнуть, сгибать, крутить’):

*kъrb-asъ / *čerb-asъ (: пол. диал. *korbas* ‘кувшин’; блр. *Черebaс-ова* — ойконим);

*kъrn-asъ (: чеш. диал. *krňas* ‘захирелый человек’);

*kъrp-asъ (: блр. *Карнас-аў* — антропоним);

*kъrt-asъ (: укр. диал. *куртас-ик* ‘треугольная палка в углу избы под образами, на которой помещается лампада’) 18 и т. д.

На аналогичной методике основывается этимологическая интерпретация и реконструкция древнейшей формы дериватов на *-ушь*. Ср. активность этого форманта в словообразовательной парадигме основы с индоевропейским этимологом **ker-*:

*kъrb-ушь (: рус. диал. *корбыш* ‘крот’);

*kъrd-ушь (: д.-рус. *Кордышевичь* — антропоним);

*kъrk-ушь (: рус. диал. *куркишки* ‘заплетье, закорки’ < *кур-кышь);

*kъrt-ушь (: рус. диал. *кормыш* ‘большая коса в реке’);

*kъrn-ушь (: д.-рус. *Корныш* — антропоним) 19.

Добавим, что практически для каждого из перечисленных дериватов в этимологической литературе найдено производящее имя. Как видим, при последовательном подходе к славянскому словообразованию, который широко использует данные разных славянских языков различных хронологических уровней, становится очевидным точный механизм древнейшего словопроизводства и понятной стройная система суффиксальной деривации. Внедрение системного, основанного на многочисленных аналогиях словообразовательного приема позволяет дать генетическую характеристику, казалось бы, абсолютно темным в этимологическом отношении формациям. Что касается словообразовательного значения, например, того же суффикса *-as-*, то он имел атрибутивную семантику, что следует из более понятных

носителю современных славянских языков примеров, ср.: укр. *ляпас* ‘пощечина, шлепок’ (~ *ляпати*, *ляпнути* ‘хлопать, хлопнуть; ударять, ударить’), диал. *любас* ‘любовник’, рус. диал. *губас* ‘человек с большими губами’, *дубас* ‘корыто, выдолбленное из дуба’ и т. д. В этих лексемах *-ас-* указывает на дополнительную, ярко выраженную или экспрессивную черту обозначаемых ими понятий.

Так же, как выше были даны иллюстрации протекания словообразовательных процессов на суффиксальном уровне, теперь попробуем представить функционирование таких архаичных славянских префиксов, как: **ba-* / **bo-*, **ma-* / **mo-*, **ka-* / **ko-* / **sko-* / **še-* / **šče-* (последние по происхождению местоимения). Именно их возьмем в качестве примеров для знакомства с непривычными для начинающих исследователей морфемами.

С корнем **kьr-* / **(s)kor-*:

*ma-kьr-m-alb / **ma-kьršь* (: серб. *Makrmalj*, *Makršane* — топонимы, второй из которых является ойконимизацией формы множественного числа названия лица по месту проживания, т. е. в его основе наличествует топоним **Makršь*)²⁰;

*mo-skordьno (: рус. диал. *мўскардно* ‘неприятно’²¹; с диалектным усилением степени лабиализации *o* с последующим переходом в *y* под влиянием соседнего губного). Производящая основа **skordьno* представлена в укр. диал. *шкарад’н’i* ‘плохо’²² (в этимологическом гнезде с семантикой ‘резать’ вполне закономерно развитие вторичного значения ‘плохое ощущение’).

*Mo-skьrda (: хорв. *Moškarda* — антропоним)²³;

*Bo-kьrd-itjь (: серб. *Bokordići* — ойконим²⁴ < **Bokordić* — антропоним).

С основой **gьld-* ‘сжимать; нечто округлое, ком’:

*ba-gьlda / **ma-gьlda* (: укр. диал. *багьлда* ‘глупая женщина’, *магьлда* ‘голова’²⁵). Производящее слово представлено в: укр. диал. гуц. *гьлд’а* ‘голова’, *гьлда* ‘тупая, умственно ограниченная женщина’²⁶.

Из других производных ср.:

*Mo-solda (: хорв. **Muslada* > *Musladin* — антропоним; переход *o* > *u*, вероятно, местное диалектное явление, обусловленное повышением степени лабиализации *o* под влиянием соседнего губного,

ср. фонетические варианты: *Moškarda* и *Muškarda* — личные имена). Беспрефиксное **Solda* отразилось в хорв. *Slada* — антропоним < **Solda* < **solda* (: рус. диал. *солод́а* ‘человек, подталкивающий кого-то на что-то’ ~ укр. диал. *роз-солóда* ‘неповоротливый, неуклюжий человек’) ²⁷.

*ta-trpsiti / **to-trošiti* (: рус. диал. *мáтросить* ‘накрапывать, моросить’, *мотрошítть* ‘моросить, перепадать (об осадках)’) и др.

*ba-košъ (: чеш. диал. *bakoš* ‘большая корзина, куда складывают яйца, подаренные на рождество’) ²⁸.

Работу модели с префиксом **ka-* и его вариантами покажем на примере словообразовательной парадигмы, объединенной корнем **ver-* ‘гнуть; крутить, вертеть’ и его аблаутных вариантов, распространенных разными типами детерминативов:

*ka-vьrtъ (: укр. диал. *кáверт* ‘глубокая яма с водоворотом в реке’) ~ **vьrtěii*;

*ka-vьrza (: рус. *кáверза* ‘сплетня, клевета’) ~ **vьrzii*;

*ko-vortъ (: рус. диал. *кóворот* ‘верев’, ‘затылок’) ~ **vortъ* (: рус. *вóрот* ‘ворот’, схв. *врат* ‘шея’);

*ko-vorditi (: болг. диал. *ковр́дя* ‘бередить, тревожить (рану); беспокоить ребенка’) ²⁹;

*še-vьrda / **sko-vьrda* (: укр. *Чеверда*, *Сковерда*, болг. *Сковърданов* — антропонимы) ³⁰.

Эти словообразовательные типы всего лишь часть славянской древней префиксальной парадигмы, которая, помимо достаточно продуктивно функционировавших (и активных по сей день) распространенных морфем **do-*, **jъz-*, **na-*, **nadъ-* **ne-* **otъ-*, **o(b)-*, **obъ-*, **vy-*, **vъz-*, **vъ-*, **pa-*, **per-*, **po-*, **podъ-*, **pra-*, **pri-*, **pro-*, **sp-*, **sъ-*, **u-*, **za-*, включала экспрессивные аффиксы **xa-* / **xo-*, **še-*, местоименную проклитку **ta-* / **to-* (: чеш. диал. *roz-to-krasný*, схв. *ис-то-бóчити се*, *та-врълати*, рус. диал. *рас-то-волóсая*) ³¹, префиксы **a-* (**a-vьrga*, **a-gьrta*, **a-bъlda*) ³², **jъ-* (**jъ-verъ* / **jъ-vero* > болг. *úвер* ‘щепка’, ‘кусок’, чеш. диал. *iver*, *ivero* ‘щепка’ ~ **ver-* ‘гнуть, крутить’) ³³, образывавшие исключительно деноминативы; редкие, очевидно, диалектно ограниченные в дописьменный период приставки **la-* (**la-loka* / **la-lokъ* > ц.-слав. *лалока*

‘мягкое небо; рот’, схв. диал. *làloka* ‘губа’, (мн.) ‘небо; десны’, д.-рус. *лалокъ, лалока* ‘небо, глотка’ — сложение **la-* с основной глагола **lokati* ‘лакать, пить языком’; ст.-чеш. *la-skominu* ‘оскома на зубах после кислого’ < псл. **la-skom-* ~ **skom-* ‘сжимать, тискать, щемить’, ср. с другой префиксацией рус. *о-ском(ин)а* ‘т. с.’, ст.-сл. *ласкръдъ* ‘лакомый’ < **la-skъrdь*, ср. с другой приставкой — чеш. *pa-škrdný* ‘т. с.’; схв. диал. *labŋja* ‘губа, морда’ < **la-bъŋ’a*, ср. беспрефиксное схв. *bŋjica* ‘намордник’), **oz-* (: схв. *òзбилян* ‘серьезный’ < **oz-by-lyŋъ* ~ лит. *až(u)*, лтш. диал. *az*)³⁴ и **o-* (последняя со значением отрицания).

Не стоит, однако, каждый дериват с указанными приставками определять как праславянский. Дело в том, что перечисленные морфемы все еще функционируют или функционировали до недавнего времени как живые элементы словообразовательной системы некоторых славянских диалектов. Т. е. при их помощи определенное количество лексем было образовано уже в эпоху, когда праславянского диалектного состояния как такового уже давно не существовало. Ср.: рус. диал. *ше-веренька* ‘корзинка’ и *веренька* ‘т. с.’, *ка-норки* ‘ноздри’ при *норка* ‘ноздря’, *ко-нырнуть* ‘погрузиться в воду с головой, нырнуть’ и *нырнуть*, *чи-квас* ‘плохой квас’ (*чи-* — поздняя звуковая форма к *че-*) и *квас, ша-дура* (*ша-* < *ше-*) ‘дурень’ и *дура, мускулы* = *скулы* ‘скулы’, *ма-тёпа* ‘неповоротливый, медлительный человек’ и *тёпа* ‘т. с.’, рус. диал. *мамъркнуть* ‘пискнуть, раскрыть рот’, *момъркнуть* ‘т. с.’ при беспрефиксном *мыркать* ‘мычать’, ср. выражение «корова *мыркает*» ~ блр. диал. *мыркнуць* ‘проворчать, пропеть невнятно’, укр. диал. *мыркнути* ‘проворчать, сказать неразборчиво’ и др.³⁵ В данном случае речь идет о размежевании реликтовых слов, образованных по архаичным моделям в праславянскую эпоху, и слов, образованных уже в постпраславянский период по тем же архаичным, выходящим из употребления, но все еще активным в диалектах моделям.

Критериями древней хронологии могут служить: а) наличие приставочного образования при отсутствии беспрефиксной производящей основы как в диалектах, так и в памятниках письменности разных периодов (т. е. она была утрачена еще в дописьменную эпоху,

когда словообразовательная пара еще функционировала); б) наличие структурно (словообразовательно) тождественных лексем, по крайней мере, в языках двух подгрупп славянской группы; в) сохранность слова только в ономастическом корпусе при утрате в апеллятивном словаре.

Сделаем одно замечание относительно квалификации сегмента *ба-* / *бо-* как архаичной экспрессивной приставки в глагольных формах. Дело в том, что, по абсолютно справедливому мнению некоторых специалистов, в глаголах типа рус. диал. *баторить* (при наличии *торить*), *бахмуриться* (при *хмуриться*) и родственных славянских образованиях речь идет не о префиксах *ба-* / *бо-*, а о преобразовании первоначальных форм на *об-*, *по-*, *па-*. Преформант *ба-* / *бо-* как таковой может выделяться только в отымённых дериватах (ср. примеры, приведенные выше).

2. Детерминативы. Исследование глубинной структуры славянского (шире — индоевропейского) слова связано с вопросами древнейшего строения индоевропейских основ. Суффиксы не были единственными морфемами, при помощи которых модифицировалась структура основы. Кроме них, грамматическая система индоевропейских диалектов располагала еще одним типом аффиксов — детерминативами (термин определитель корня (*Wurzel-determinativ*) принадлежит немецкому ученому Г. Курциусу; автор первой обзорной работы о детерминативах «*Wurzeln und Wurzel-determinative*» А. Фик³⁶). Это консонанты, при помощи которых расширялись корни на плавный или носовой сонант и корни на гласный. Изучение детерминативов имеет свою долгую историю. В работах некоторых представителей немецкой этимологической школы, а также в трудах А. Мейе они толковались как суффиксы, значение которых со временем стерлось из сознания носителей языка. Некоторые придавали им самостоятельную структурную функцию. Исключительная важность детерминативов для теории индоевропейского корня, их особая роль в индоевропейском словообразовании были осознаны во второй половине прошлого века. В значительной мере это связано с работами Э. Бенвениста и Е. Куриловича, уделявшими

пристальное внимание строению древнейших основ в индоевропейских языках. Сейчас детерминативы квалифицируются как консонантные морфемы, которые, в отличие от суффиксов, не имели своего словообразовательного значения. Их функцией было образование новых деривационных основ, т. е. формальная модификация первоначальной основы, на базе которой после присоединения расширителя можно сформировать новое слово. В практике современного сравнительно-исторического языкознания детерминативы вычленяются по принципу, сформулированному еще П. Перссоном, который четко обосновал эту процедуру. Правило таково: если между корнем и суффиксом имеется консонантный элемент, который не является органичной (исконной) частью корня или суффикса (их границы при этом должны быть четко очерчены в процессе анализа) и не имеет самостоятельного значения, он может быть признан детерминативом.

Естественно, не следует путать детерминативы с некоторыми старыми индоевропейскими формантами причастий страдательного залога (-*no-*, -*to-* или -*t-*), с которыми можно столкнуться, анализируя структуру древнейших производных. К таким случаям, например, относятся псл. **kupъ* 'вбитый в землю кол' (субстантивированное индоевропейское причастие **koц-no-* 'кованный, вбитый', ср. однокоренные: **ku-tъjъ* — партиципиум на -*t-*, сохраненный, например, в укр. *прикутий* 'прикованный' ~ **kovati*), **lъnъ* 'лён' (первоначально индоевропейское причастие страдательного залога прошедшего времени **lъ-no*, демонстрирующее ступень редукции и.-е. **lej-* 'лить'; т. е. первичная мотивация 'намоченный', обусловленная важным этапом обработки льна — его замачиванием; ср. д.-инд. *umā* 'лён' < и.-е. **ūto-* 'сырой, влажный') и др.³⁷ Также к разряду асемантических расширителей не относится вычленяемый этимологически элемент -*v(ъ)* в прилагательных **kriuvъ* 'кривой' (< и.-е. диал. **krej-цo-*), **lъvъ* 'левый' (< и.-е. **lai-цo-* ~ гр. *λαίος* < *λαίος* 'левый' и др.), **pravъ* 'правый', числительном **pъrvъ* 'первый' и др., в которых он отражает реликтовый адъективный суффикс -*цo-*³⁸. Эти слова были образованы еще в общеиндоевропейскую эпоху, о чем говорят точные параллели из других языков, потому, рано утратив произво-

дящие основы, в праславянском они уже осмыслились как немотивированные, корневые имена. Соотношение элемента *-v-* как рефлекса адъективного суффикса и *-v-* как детерминатива такое же, как и соотношение:

а) *-t-*, с одной стороны, в лексемах типа рус. *тёртый*, укр. *тёртий* ~ *terti, *tyro, рус. *упёртый*, укр. *впёртий* ~ *uperti, *uryro, где *-m-* (< *-t-*) выступает суффиксом причастия, и, с другой стороны, в образованиях типа *kьrtati (: пол. диал. *kartać*, *kortać* 'второй раз вспахивать'), где *-t-* — не имеющий словообразовательной семантики расширитель корня (ступень редукции и.-е. **ker-* 'гнуть; крутить; резать') на плавный сонант³⁹;

б) *-l-*, с одной стороны, в формах типа *myr-l-ъjь (: укр. *по-мерлий* 'умерший'), где *-l-* — суффикс причастия прошедшего времени действительного залога, и, с другой стороны, в псл. *kьrlь / *kьrla (: слavn. *kъrlj* 'короткий ствол, пень', пол. диал. *kierla* 'верзила, дылда')⁴⁰, где *-l-* — асемантический элемент, модифицирующий элементарный корень с единственной целью — сформировать новую деривационную основу.

Праславянский язык унаследовал систему индоевропейских детерминативов и развил ее до масштабов всего консонантного набора, бытовавшего в его диалектах (инновационное *x* в праславянском тоже выступало в роли расширителя, поскольку являлось самостоятельной фонемой). Примерами детерминативации являются приведенные выше различные расширения индоевропейских основ на плавный сонант: **bьl-d-* / **bьl-m-* / **bьl-t-*, **kьr-b-* / **kьr-n-* / **kьr-p-* и др. (см. подраздел о суффиксах и приставках). Эти же примеры хорошо иллюстрируют прием выделения детерминативов, т. к. выразительно показывают «техническое», чисто функциональное консонантное (если не считать носовых сонантов) расширение корней и следующие за ним суффиксы.

Поскольку ранее уже приводились примеры расширения корней на плавный сонант, здесь кажется целесообразным показать случаи наращивания корней другого структурного типа. Вот как модифицировалась индоевропейская основа с конечным гласным **mā-* 'давать знаки рукой, делать движения рукой' (и далее — 'манить'): *ma-j-ati

‘махать’, *ta-m-iti (: чеш. *támítí* ‘обманывать’), *ta-n-iti(*se*) (: рус. *манить* ‘звать, делая знаки рукой, взглядом’), *ta-t-ati(*se*) (: схв. *tataí* ‘приманивать, привлекать’). Элементарный (нерасширенный) корень представлен в лит. *tóti*, *tóju* ‘махать’ и др. ⁴¹

Корни на носовой сонант тоже относятся к формациям, на которые распространялось действие системы детерминативов, ср. и.-е. **ten-* / **ton-* ‘жать, давить’, расширение которого элементом *-k-* привело к появлению псл. *teǵkǵkǵ ‘мягкий, податливый’, *toǵka ‘мука’, лит. *tánpkau*, *tánpkyti* ‘жать, давить, мучить’. Так же расширялась и ступень редукции указанной основы, ср. и.-е. *tnǵ-k-ǵō (: гр. *μάσσω* ‘мешаю, мну’, д.-инд. *tácatē* ‘дробить’) ⁴².

3. Заканчивая этот параграф, хотелось бы сказать еще несколько слов о детерминативных комплексах (другой термин — детерминативная группа). Это двуконсонантные группы (или консонант плюс сонант), которые принимали участие в расширении индоевропейских корней наравне с детерминативами. Как и детерминативы, они также не имеют словообразовательного значения, выступая просто модификаторами основ. Судя по наличию аналогичных звуковых сегментов в словообразовательной структуре слов других индоевропейских языков, детерминативные комплексы — наследие эпохи общеиндоевропейского диалектного состояния. К наиболее распространенным в раннепраславянский период детерминативным комплексам относятся: *-tr-*, *-zg-*, *-zd-*, *-sk-*, *-st-*, *-kn-*. Вот несколько примеров:

псл. *vitra (: схв. *vitra* ‘ветки для плетения решета’) ~ лтш. *vītra* ‘растение из семейства усиковых’, восходящие к и.-е. диал. *uītrā ~ **uei-* ‘вить, гнуть’;

псл. *bǵrstǵjь ~ д.-в.-н. *Burst*, нем. *Vorste* ‘щетина’ — *st-*расширение и.-е. **b(h)er-* ‘резать’ в ступени редукции корневого вокализма;

псл. *rikno (: блр. диал. *пункно* ‘выпуклость’) ~ лит. *riknė* ‘оспа; прыщик’, представляющие *kn-*наращение и.-е. **reǵ-* / **roǵ-* / **rū-* ‘надуваться, пухнуть’ и др. ⁴³

7.1.1. Образование причастий и существительных от презентных основ

Отдельным вопросом этимологической процедуры является такой аспект праславянского формо- и словообразования, как деривация причастий (на *-pt-*) и отглагольных имен не от инфинитивных, а от презентных основ (основ формы настоящего времени). Без знания этой архаичной особенности славянской деривационной системы невозможно удовлетворительно истолковать генезис структуры многих лексем, этимология которых, таким образом, повисает в воздухе. Это, в свою очередь, открывает широкую перспективу для возникновения этимологических мифов о заимствованиях и абсолютно гадательных предположений, не способствующих этимологизации конкретных слов. Соответственно, если нераспознанная реликтовая славянская лексема остается вне рамок словарей славянских древностей, то и вся сумма производных от нее (имеются в виду старые дериваты) выпадает из списка реконструируемого корпуса праславянской лексики.

1. Примерами образования славянских архаичных причастий от основ настоящего времени могут служить:

*xov-ptъ (: укр. диал. полесск. *ха́ут*, *ха́вут* 'дерево с выгнившей сердцевиной', рус. диал. *ха́ут* 'дерево разделанное на дрова' — вторичные фонетические формы к **ховут*) < **xovp*, **xuti* (~ **xutъkъ(jъ)* — дериват от причастия на *-t-* к **xuti*)⁴⁴;

*plov-pta (: рус. диал. *плавúта* 'кто постоянно мочится в кровать') < **plovp*, **pluti* 'плыть';

*rev-pta / **rev-ptъ* (: рус. диал. *ревúта* 'плакса, рёва', ст.-укр. *Ревоутъ*, блр. *Рэвут* — антропонимы) < **revp*, **r'uti* 'реветь'⁴⁵;

*slov-pta / **slov-ptъ* (: рус. диал. новг. *славúта* 'слава'⁴⁶, *словúт* 'молва', *словúтный* 'тот, о ком идет слава, известный', сюда же укр. *Словúтич* — эпитет Днепра, а также *Слоут* — ойконим, XVIII в.⁴⁷ — поздний звуковой вариант к **Словут*, ср. выше *хаут*) < **slovp*, **sluti* 'слыть, слышать';

*tyr-otъ (: укр. *трут* ‘фитиль, высушенный гриб трутовик, который загорается от искры и используется при высекании огня’, схв. *трут* ‘нарыв на пальце руки’) < *tyrō, *terti ‘тереть’⁴⁸.

Эта модель образования причастий не была ограничена приведенными выше типами глагольных основ. Спектр её функционирования охватывал и глаголы, имеющие другие структурные характеристики, ср., к примеру, *žym-otъ (: укр. *жмут* ‘пучёк, пачка, охапка’) < *žymo, *žeti ‘жать, сжимать’, *šym-otъ (: укр. *Чмут* — антропоним, зафиксированный на территории украинского Полесья, диал. *чмут* ‘чудаковатый человек’ (вероятно, модификация значения ‘неповоротливый, недалекий человек’; см. ниже *чмóня*), рус. *Чмутова*, XVI в. — ойконим в бывшем Неполоцком стане Орловского уезда < *Чмут — антропоним)⁴⁹ < *šymo, *šeti ‘сжимать, мять’, *tyп-otъ (: рус. диал. *мнут* ‘мялка, мялица’) < *tyпо, *teiti ‘мять’⁵⁰ и др.

Указанный тип деривации причастий в праславянских диалектах представлял собой реликтовую и потому плохо сохранившуюся словообразовательную модель, унаследованную славянским со времен общеиндоевропейского диалектного состояния, в эпоху которого не существовало инфинитива, поэтому причастия такого разряда мотивировались основной презентом. Этот словообразовательный тип, как практически отживший, в праславянскую эпоху был постепенно вытеснен более активной инновационной моделью образования партиципиумов от инфинитивных основ, действующей и в современном славянском словообразовании (многие старые презентные основы было попросту переоформлены как инфинитивные).

2. Мотивация имен презентными основами иллюстрируется следующими примерами:

*šyt-ugъ, **šyt-on’а* (: укр. *чмир* ‘большой неуклюжий человек; здоровяк; хмурый, нелюдимый человек’, достаточно известное в диалектах, *чмóня* ‘простоватый, немощный, неповоротливый человек’⁵¹) < *šymo, *šeti ‘сжимать, мять’ (мотивация, вероятно, аналогична *tyпexа; см. ниже);

*tyп-exа / *tyп-ixа (: укр. диал. *мнѣоха* ‘медлительный человек’, *мнѣха* ‘увалень’, а также фонетически (с упрощением группы

-мн- > -м-) и словообразовательно вторичное *мьбхало* 'медлительный человек'⁵²) < *тъпр, *тѣти 'мять' (ср. в отношении семантики рус. *мяться* 'быть в нерешительности, медлить');

*обѣй-бкѣ (: рус. диал. *обуёк*, (р. п.) *обуйка* 'лапти с онучами', зафиксированное в вятских говорах⁵³) < *обѣйр, *обѣти 'обплести, обвязать';

*вѣј-ипѣ (: рус. *вѣюн*, укр. *в'юн* 'название рыбы', *вѣюнѣк* укр. *в'юнѣк* 'растение Повилика') < *вѣјр, *вѣти 'вить, извиваться' (вполне закономерная мотивация для вьющегося растения и небольшой проворной рыбы, ср. хотябы такое русское выражение (о рыбах) как «косяком виться»);

*жѣт-ухѣ (: рус. *жмых* 'выжимки из семечек подсолнуха' или из свеклы', укр. *жміхи* 'выжимки из свеклы на сахарных заводах') < *жѣтр, *жѣти 'жать, сжимать';

*жѣт-ака (: блр. диал. *жма́ка* 'влажное место на лугу') < *жѣтр, *жѣти 'жать, сжимать';

*жѣт-іса, *жѣт-ја (: серб. диал. *жаміца* 'нитяная петля для застегивания', *жамја*, *жамља* 'камыш, связанный в сноп, для покрытия крыши или укрепления угла дома')⁵⁴ < *жѣтр, *жѣти 'жать, сжимать' (ср. укр. *жмуток* 'пучек' < *жѣт-отѣ; см. выше);

*жѣп-ьсь (: д.-рус. *жньць*, рус. *жнец*, укр. *жнець* 'жнец') < *жѣпр, *жѣти 'жать, пожинать, косить' и др.

7.1.2. Образование имен от партиципиумных основ

Есть еще одна архаичная черта славянской деривационной системы, которую следует иметь в виду работая со словообразовательной структурой лексического материала. Она состоит в том, что часть имен была образована от причастий. Приведем некоторые примеры.

1. В двух говорах украинской части Закарпатья зарегистрирован ткаческий термин *диті́льник* 'цепочка, которая заходит в прорез заднего навоя и закрепляет концы ниток основы'. Его генезис следует ориентировать на глагол *děti (: схв. *djěti* 'класть, ставить', чеш. *děti* (se) 'делаться') с многоплановой семантикой 'делать, совершать любую операцию'. С учетом отсутствия производящего прилагательно-

го на *-н-* стоит допускать сложное архаичное производное **dětidьnikъ* < ***dětidьnъ(jь)*, которое, в свою очередь, произведено от **dětidlo*. Последнее и является дериватом на *-idlo* с инструментальным значением от причастия **dětъ(jь)* (< **děti*).

На базе той же партиципиумной основы образованы также:

*dětadlo (: болг. диал. *детало* ‘перепонка, прикованная поперек дна бочки или кадки, которая держит доски, чтобы они не покоробились’) — параллель к **dětidlo*;

*dětelъ (: д.-серб. *дѣтель* ‘работа, труд’; здесь не может идти речь о деривации посредством форманта *-telъ*, поскольку слово имеет абстрактное значение, а не агентивное, как это было бы в случае собственно *-telъ*-суффиксации, ср.: *учитель, гонитель, душителъ* и др.)⁵⁵.

К подобным образованиям относятся лексемы древненовгородского диалекта *привитъка* ‘какой-то вид одежды’ и *крытенок* ‘какая-то выплата’⁵⁶. Их следует расценивать как **pri-vi-t-ъka* (дериват на *-ъka* от причастия **privitъ(jь)* < **priviti* ‘привить’ в каком-то специализированном значении, например, ‘кутать, окутывать’ или ‘обматывать’) и **kry-t-ьno(je)* (субстантивированное прилагательное среднего рода на *-ьn-* (рефлекс псл. *ь* в древненовгородских грамотах передавался как *ь* и *е*) от **krytъ(jь)* < **kryti* ‘крыть, покрывать’, т. е. речь, вероятно, идет о выплате, покрывающей расходы или долг). Впрочем, второй пример может квалифицироваться так только в случае, если он не является графическим вариантом к незафиксированному причастию на *-т-* к *крити*⁵⁷ ‘купить’. Однако в обоих случаях мы имеем дело все с теми же департиципиумными образованиями.

Тем же способом сформированы лексемы типа рус. *добыча*, схв. *dobíca* ‘прибыль, выгода’, слвн. *dobíča* ‘добыча’ < **dobyт-ja* < **dobyтъjъ* < **do-byti*; рус. *тетива́, тятива́*, д.-рус. *тѣтѣва*, схв. *тет-úва* ‘жила, струна’, пол. *cięciwa* и др. < **tět-iva* < **tětъjъ* < **tėti* ‘натягивать’ и т. п.⁵⁸

Аналогично и с производными с формантом категории *potína abstracta* *-ъje*: **piti* ‘пить’ > **pi-t-ъjъ* > **pit-ъje* (: рус. *питьё*, укр. *пиття́*), **biti* ‘бить’ > **bi-t-ъjъ* > **bit-ъje* (: рус. *битьё*, укр. *биття́*) и др.

2. Так же обстоит дело и с дериватами от причастий других типов:

а) на *-п-*:

*želati > *želanъ > *želan-ъje ‘желанье’;

*vъrati ‘гнуть, крутить; плести (путать > обманывать)’ > *vъranъ > *vъran-ъje (: рус. *вранье*);

*gъbati ‘сгибать’ (апофонический вариант к *gubiti > рус. *зубить* и *gybati > рус. *по-гибать*) > *gъbanъ > *gъban-ьпо (: укр. диал. *банно* ‘тоскливо’⁵⁹ < *гбанно с упрощением труднопроизносимой начальной группы *гб-*);

*obvariti ‘обварить’ > *obvarenъjъ > *obvaren-ьсь / *obvaren-ъкъ (: укр. диал. *обарінець* ‘бублик’⁶⁰ < *обваренець с упрощением сочетания *-бв-* > *-б-*; с другой суффиксацией — укр. диал. *обáринок*, пол. *obwarzanek*, *obwarzanek* ‘вид кренделя’ и др.⁶¹; эти образования могут относиться и к позднему времени), *po-čьsti > *po-čьtenъjъ > *po-čьten-ъje ‘почтение, уважение, почитание’, *pekъi > **pečepъ(jь)* > *pečep-ъje;

*tněti ‘казаться; думать, считать’ > *tněpъ (: ст.-чеш. *tněný* ‘мнимый, воображаемый’) > *tněp-ъje (: ст.-сл. *мнѣник* ‘мнение, суждение, предположение’, чеш. *tnění* ‘мнение’, рус. *мнение* и т. п.) и др.⁶²;

б) на *-л-*:

*zajěsti (приставочная форма от *ěsti, *ědmъ ‘есть’) > **zajědlъ(jь)* (: пол. *zajadły*) > *zajědl-ostъ (: укр. диал. *заїлість* ‘упорство, рвение’⁶³);

*otъšьditi (позднее должно было бы выглядеть как *otъšьsti; приставочная форма к *šьditi (~ *hoditi), на существование которого указывают адъективированные причастия *и-šьdlъjъ > рус. *ушлый* ‘изворотливый, выходящий сухим из воды’, *po-šьdlъjъ > *пошлый* ‘неактуальный, не вызывающий интереса’) ‘отойти, удалиться’ > *otъšьdlъjъ > **otъšьdl-ьпъ(jь)* > *otъšьdl-ьп-икъ (: рус. *отшельник* ‘человек, живущий вдали от других людей, ведущий уединенный образ жизни’);

в) на *-т-*:

*olktъi (~ лит. *álkti* ‘голодать, жаждать’) ‘жаждать, сильно хотеть’ (ср. вторичное (тематическое) *olkati: ст.-сл. *лакати*,

ал(ъ)кати) ~ **olkomъ(jь)* ‘лакомый’ (ср. чеш. *lakotý*), от которого образованы: *olkom-ъсь, *olkom-ica, *olkom-ъка, *olkom-ьпъжь: рус. диал. *лакомец* ‘тот, кто любит вкусно поест, лакомка’, *лакомный* ‘лакомый’⁶⁴, чеш. *lakotec*, словц. *lakotník* ‘лакомка’, *lakotnice* (< *lakotný)⁶⁵, рус. *лаком-ка*, чеш. *lakotka (> *lakotkyně*), рус. *Лакомицы* — ойконим (территория бывшей Псковской губернии), хорв. *Lakotica* — антропоним, чеш. *lakotice* ‘лакомка’; ср. ещё другие дериваты: д.-рус. *лакомик* ‘жадность, сластолюбие’, *лакомьство* ‘сластолюбие’, чеш. *lakomost*⁶⁶;

*věditi ‘знать’ (вторичное (тематическое) *vědati: рус. *ведать*, укр. *відати*) ~ **vědomъ(jь)* (: ст.-сл. *вѣдомъ*, рус. *не-ведомый*, укр. *відомий* ‘известный’), которое мотивировало достаточно старые образования типа рус. *ведом-ство*, *ведом-ость*, укр. *відом-ість*, словн. *védomos* ‘учёный, колдун’⁶⁷;

*ěsti ‘есть, поедать’ (вторичное *ědati: рус. *едál* ‘ел, пробовал неоднократно’) ~ **ědomъ(jь)*, основа которого в белорусских диалектах стала словообразовательной базой для *ядом-ка* ‘отборный, лучший картофель, идущий в пищу людей’ (ср. ещё рус. диал. *едомый* ‘съедобный’, укр. диал. полесск. *ядоми(й)* ‘т. с.’, словц. *jedomy* ‘т. с.’⁶⁸;

г) на *-ot-*: *ьртѣти ‘вертеть, крутить’ ~ *ьртотъ (субстантивировано в: серб. *врѣт* ‘боль в костях при повороте’, укр. диал. *вертѣт*, *вертѣта* ‘рулет, вид пирога с маком, сыром, повидлом’, блр. диал. *вартѣты* ‘вид печенья’, т. е. буквально — ‘скатанное, свернутое в трубку тесто’), ставшее производящим для болгарского адъектива на *-н-*, что лёг в основу *вѣртѣтник* / *вѣртѣтница* ‘тот, кто крутит’ (относительно причастия ср. ещё его йотированную форму — *ьртотѣжь > рус. диал. *вертѣчий* ‘вертящийся, вращающийся’);

*ьрѣти ‘бурлить’ ~ *ьрѣтъ / *ьрѣтъ > *ьрѣт-ъкъ / *ьрѣт-ъкъ (: серб. *врѣтак* ‘источник’, пол. *wrzątek* ‘кипяток’)⁶⁹.

Возвращаясь к дериватам от причастий на *-н-*, добавим, что характерной их чертой является противоречие между активной лексической семантикой производного имени и пассивным (страдательным) грамматическим значением производящей основы. Это так называемый функциональный меди́й (средний залог: пассивная

форма + активное значение), представленный в псл. **rodjanica* (: рос. *рожаницы* ‘мифические существа, стерегущие домашний очаг’), **r̥janica* (: рус. *пьяница*)⁷⁰. Указанная особенность роднит эти лексемы с некоторыми именами, имеющими в основе рассмотренные причастия на *-i-* (ср. выше **dětidl̥nikъ*, **dětadlo*).

7.2. Аблаут (апофония)

Во время работы с архаичной славянской лексикой исследователь часто сталкивается с явлением чередования гласных в корне, которое не объясняется с точки зрения собственно фонетических процессов того или иного языка или диалекта (редукцией в безударной позиции, влиянием консонантного окружения или дистантной ассимиляцией / диссимиляцией). Не объясняется оно и действием аналогии. Это явление в вузовской практике принято называть историческими чередованиями гласных в корне, ср.: рус. *гореть* и *изгарок*, *спросить* и *спрашивать*, *сесть* и *сидиться*, *упереть* и *упор*, *трясти* и укр. *трусити* и т. п.

Подобные чередования представляют собой остатки древней индоевропейской формо- и словообразовательной системы, оперировавшей не только суффиксальным инструментарием, но и изменением корневых гласных на уровне соотношения глагольных форм и деривации отглагольных имен. Такое соотношение корневого вокализма в литературе по этимологии и сравнительно-историческому языкознанию получило название аблаут (термин Я. Гримма, введенный им для описания грамматических систем индоевропейских, в частности германских, языков) или апофония.

Разумеется, апофонические чередования представлены не только славянскими, но и другими языками индоевропейской языковой семьи, ср. хотя бы англ. *sing* ‘петь’, *sang* ‘пел’, *sung* (причастие прошедшего времени), *song* ‘песня’; *spring* ‘вскочить; возникнуть’, *sprang* ‘вскочил, возникнул’, *sprung* (причастие прошедшего времени); лат. *pesco* ‘лишать жизни, убивать’, ‘губить, уничтожать’ и *posco* ‘вредить, причинять вред, наносить ущерб; повреждать’⁷¹.

Названное явление имеет огромное значение для практики этимологических исследований, т. к. позволяет определить принадлежность разных лексем к конкретному индоевропейскому этимологическому гнезду и вообще квалифицировать эти лексемы как индоевропейские (уже — славянские). Уже само наличие аблаута в группе рассматриваемых слов гарантирует страховку от ошибки зачислить их в разряд заимствований из неиндоевропейских языков. Кроме того, правильное определение типа апофонических отношений дает возможность точно реконструировать древнейший облик лексем и найти их соответствия в других индоевропейских языках.

Ниже будут перечислены наиболее часто встречающиеся в славянской лексике аблаутные ряды (ряды чередований корневого вокализма в этимологически тождественных (однокоренных) словах).

1. Соотношение *e* : *o* принадлежит к одному из самых регулярных в праславянской морфонологической системе:

*grebti ‘грести, нагрести’ ~ *grobъ ‘холм; то, что нагресли’ (ср. рус. *су-гроб* ‘бугор снега’);

*obplesti ‘обплести’ ~ *obplotъ (: схв. *oplot* ‘забор’, чеш. *oplot*, рус. диал. *оплот* ‘т. с.’);

*verti (: рус. *вереть* ‘запереть’, пол. *wrzec* ‘запереть’) ~ *vora / *vorъ (: рус. диал. *вора* ‘забор, ограда’, д.-рус. *вора*, *воръ* ‘т. с.’) ⁷²;

*ro-melti ‘молоть’ (: рус. *по-молоть*) ~ *ro-molъ (рус. *помол*) и др.

Чередование *e* : *o* (и.-е. *e* : *o*) в паре «глагол-имя» представлено и другими индоевропейскими языками, ср. лит. *vėrti* ‘продевать нитку; открывать, запираť’ ~ *vāras* ‘жердь в оgrade, заборе’ ⁷³ (т. е. ‘то, чем закрывают, засов’), этимологически тождественные приведенным выше псл. *verti ~ *vora / *vorъ (лит. *ā* соответствует псл. *o*); д.-гр. στρέφω ‘поворачивать’ ~ στροφή ‘поворот’ (аналогично и в новогреческом), φλέγω ‘жечь, сжигать; гореть, пылать’ ~ φλοῦός, φλόξ ‘пламя’ ⁷⁴ (ср. еще н.-гр. φλόγα ‘пламя, огонь’), лат. *tego* ‘крыть, покрывать; окутывать’ ~ *toga* ‘тога’ ⁷⁵ (буквально — ‘покрыв’) и др.

Указанное соотношение не ограничивается лишь отглагольной именной деривацией. Оно отражено и славянской парадигмой собственно глагольных форм:

**legt'i*, *ležati и **ložiti(se)*, *nesti и *nositi, *vesti и *voditi и т. д. Это тоже очень архаичный тип чередований, унаследованный праславянскими диалектами из эпохи индоевропейского языкового состояния, о чем говорят аналогичные примеры других языков, ср.: указанные выше лат. *песо* и *посоо*, лит. *vedù*, *vèsti* 'вести; жениться', *vadùti* 'водить' 76.

Чередование *e* : *o* охватывало в древнейшую эпоху не только основы с «чистыми» корневыми гласными, но и основы с дифтонгами и дифтонгическими сочетаниями «гласный + носовой сонант»:

*tręsti (: рус. *трясти*) и *trōsiti (: укр. *трусити*) (< и.-е. **tren-s-* / **tron-s-* — аблаутные варианты с носовым инфиксом к и.-е. *tresō > д.-инд. *trāsati 'дрожит', гр. *τρέω* 'трепещу' 77);

*mętiti и *mōtiti (: схв. диал. *мѣтити* 'сбивать (масло)', ст.-сл. *мѣтити* 'смущать, волновать', рус. *мутиться* 'мутнеть, становиться мутным (о жидкости)' 78);

*za-tęti (приставочная форма от *tęti, *тъпр 'рубить, резать') > *za-tonь (: чеш. диал. *zátoň*);

**o(b)-pęti* 'зацепить' > **o(b)-rona* (: ст.-сл. *опона* 'завеса') 79;

*na-viti 'навить, завить' > *na-vojь (: рус. *наво́й* — ткацкий термин), корни которых (**vi-* / **voj-*) продолжают и.-е. **uēi-* / **uoī-* 'гнуть, вить';

*vidęti (: рус. *видеть*, укр. диал. *видіти*) и *vędati, *vęděti (: рус. *вѣдать*, укр. *відати* 'знать', д.-рус., ст.-сл. *вѣдѣти*, слвн. *vědeŕi* 'знать') 80, восходящие к и.-е. **uēid-* / **uoīd-*;

*čudo, *-ese* 'чудо' и *kudo, *-ese* (: рус. *чудо*, *чудеса́*, диал. *кудеса́* 'колдовство, чудеса, рождество') 81 < и.-е. **keud-* / **koūd-*.

2. Соотношение *e* : *a*. В парах «глагол-имя»:

*sъ-terati (: слвн. *stępati* 'сбивать масло') ~ *sъ-tarь (: схв. *stār* 'посуда для сбивания масла');

*gnesti, *gnęto ~ *gnatь (: схв. *гъат* 'голень, нога') 82.

В глагольных формах:

*grebti, *grebo и *grabiti; *želati 'желать' и *galiti (: блр. *гáлиць* 'возбуждать в ком желание, охоту к чему', схв. *галити* 'стремиться, желать') 83.

3. Соотношение о : а. В парах «глагол-имя»:

*krojiti 'резать' (: рус. *кро́ить*) ~ *kraǰь (: рус., укр. *край* 'край чего-либо, кромка').

В глагольных формах:

*xloriti и *xlariti (: схв. *hloriti* 'дуть (о ветре)', *hlariti* 'проветривать'); *lotiti и *latiti (: славн. *lótiti se* 'браться, приниматься', *látiti* 'хватать')⁸⁴.

4. Соотношение ь : і:

*ьrǫiti и *liprǫiti (: ст.-чеш. *lnúti* 'льнуть, прилипать', чеш. (стар.) *lerpouti* 'льнуть', рус. *ли́пнуть* 'приклеиваться, приставать, прилипать; слипаться'); **тьgotati(se)* и **migotati(se)* (: чеш. диал. *megotat se* 'сверкать', чеш. *mihotati(se)* 'т. с.')

5. Соотношение и : ъ : у:

*duxъ / *duša (: рус., укр. *дух*, *душа*) и *дѣхнѣти, *duxati, *duxnѣти, *dušati (: рус. *в-дохнуть*, *от-дохнуть*, укр. *дихати*, *дихну́ти*, рус. *вз-дыхать*, рус. *дышать*).

6. Соотношение ё : а. В парах «глагол-имя»:

*rězati 'резать' ~ *razъ 'удар' (: чеш. *ráz* 'удар, отпечаток, чеканка' и др.). Также очень древний тип чередования (и.-е. $\bar{e} : \bar{o}$), возникший ещё в праиндоевропейский период, ср. этимологические соответствия: лит. *rėžti*, *rėžiū* 'резать, царапать, проводить борозду', гр. $\rho\acute{\eta}\nu\upsilon\mu\iota$ 'ломаю, разрываю' ~ лит. *riuožas* 'полоса, черта', гр. $\rho\acute{\omega}\xi$ м., ж. 'трещина'⁸⁶ (< и.-е. * $\underline{r}\bar{e}\bar{g}$ - / * $\underline{r}\bar{o}\bar{g}$ -; ср. гр. лесб. $\text{Fr}\eta\acute{\xi}\iota\varsigma$ 'проламывание', указывающее на этимологическое $\underline{r}$ -, утраченное по диалектам).

В глагольных формах:

*sěsti 'сестъ' и **saditi(se)*; *lězti 'лезть' и *laziti.

7. Соотношение у : ва:

*kysti, *kysnѣти 'киснуть' и *kvasiti; *xytiti (: рус. *по-хитить*) и *xvatati.

8. Соотношение у : во:

*xyrěti (: рус. *хиреть* 'чахнуть от болезни') и *xvorati.

9. Соотношение *u* : *uo*:

*tvoriti (: рус. *потворить* 'потакать', укр. диал. *потворітися* 'зариться, желать чего, хотеть, иметь', блр. *потворіць* 'потворствовать, баловать') и *turati (: рус. диал. *потурать* 'потакать, поблажать', укр. *потурати* 'потворствовать, поблажать; обращать внимание')⁸⁷.

10. Соотношение *u* : *va* : *ve*:

*kuka 'гнутой, неровный, искривленный предмет' и *kvaĭka (: макед. *квака* 'дверная ручка', слвн. *kváka* 'крюк, дверная ручка, скоба'), *kveĭka (: слвн. *kvěka* 'нечто согнутое; калека')⁸⁸. Отношения чередования *va* : *ve* представляют собой так называемые билатеральные (двусторонние) чередования в этимологических гнездах с аблаутным рядом *u* : *ʊ* : *y* (и.-е. *eĭ* / *ōĭ* : *ǐ* : *ī* плюс *ce* / *ċō*).

В праславянском имело место смешение аблаутных рядов, заключавшееся в перестройке апофонического вокализма одного типа под влиянием лексем, с рядом чередований другого типа. Ср.: *noriti I (: схв. *nōriti* 'погружаться, тонуть', чеш. *nořiti se* 'тонуть, топиться') и *nuriti (*se*) (: схв. *nyŕyriti* (*se*) 'опускать в воду, нырять', чеш. *niřiti se* 'погружаться; сражаться'), оба образованные в гнезде *neriti (праес. *nyr)⁸⁹, причем второе возникло путем трансформации корневого вокализма по аналогии со словами, в которых был представлен ряд *u* : *ʊ* : *y*.

Конечно, перечисленными выше моделями чередования морфологическая система праславянских диалектов далеко не исчерпывается. Кроме того, существует масса сложных вопросов, касающихся тонких нюансов соотношения именных и глагольных лексем, охваченных тем или иным типом корневых чередований. Ко всему прочему, ситуацию во многих случаях осложняет возникновение вторичных отыменных глаголов, перестройка вокализма отглагольного имени под влиянием вокализма производящей глагольной основы (инфинитивной, презентной) и т. д. Весь комплекс этих проблем подробно и на колоссальном фактическом материале изложен в неоднократно упоминавшемся выше фундаментальном исследовании

Ж. Ж. Варбот «Праславянская морфонология, словообразование и этимология» с детальным обзором истории вопроса.

7.3. Индоевропейские грамматические «окаменелости» в праславянском

Завершая изложение принципов словообразовательного анализа, хотелось бы сказать несколько слов об окаменевших (мертвых) в праславянском грамматических элементах, унаследованных им со времен индоевропейского диалектного состояния. Это следы другой грамматики, других словообразовательных отношений.

1. В частности, работа с архаичным словарем славянских языков требует учета такой особенности индоевропейского корня, как наличие в его вариантах реликтового деривационного элемента, определяемого в сравнительно-историческом языкознании и этимологии как *s-mobile* (подвижное *s*). Это сросшийся с основой и (в праславянскую эпоху) уже не осмысливавшийся как формант элемент *s-*, находящийся в препозиции к корню. Его назначение в индоевропейский период пока не поддается объяснению (существует несколько точек зрения на его природу и функции). Он наличествует в разновидностях одного и того же корня (элементарного или расширенного), создавая, таким образом, фонетические варианты основ. Вычленение *s-mobile* как отдельного (для более древних эпох) компонента словообразовательной структуры основано только на том, что один и тот же архетип (о том, что это действительно так, говорит тождественность формы и близость значения) существует в двух вариантах: с начальным *s-* и без него. Наличие / отсутствие этой морфемы ничего в семантике сравниваемых слов не меняет. Примерами корреляции вариантов с *s-mobile* и без него служат уже упомянутые **korp-ěja* / **skorp-ěja*, **skorp-ějъ*, далее: **čьlba* / **ščьlba* (: рус. диал. *чóлба* 'круглая горка', болг. диал. *щлѣб* 'столб'), представляющие собой *b-*расширение ступени редукции и.-е. **(s)kel-* 'гнуть, сгибать, поворачивать', т. е. двух его разновидностей — **kel-* и **skel-*⁹⁰ и другие, иллюстрирующие случаи наличия *s-mobile* в корнях разных струк-

турных типов. Поскольку это явление индоевропейского хронологического уровня, отраженное языками разных групп, в большинстве случаев при наличии генетически тождественного неславянского сравнительного материала не составляет большого труда отделить реликтовые основы с начальным *s-mobile* от славянских лексем, где *s-анлаут* представляет собой следствие фонетической трансформации первоначальных приставок **jъz-* и **sъ-*.

2. Пережитком другой системы словоизменения являются остатки индоевропейской гетероклитической основы на *-r / n-*. Ср., например, псл. **jъkra* (: рус. (и др.) *икра́* 'икра'), **jъkno* (: в.-луж. *jikno* 'икра (рыбы)'), продолжающие и. -е. **iekʰr̥*, **iekʰnōs*. Первое из них (**jъkra*) воспроизводит индоевропейскую форму номинатива, в то время как псл. **jъkno*, по существу, рефлекс основы косвенных падежей **iekʰn-* указанного типа склонения (ср. склонение реперезентантов указанных праформ в: д.-инд. *yákr̥t*, гел. *yáknás* 'печень', гр. ἰκράρ, гел. ἰκράτος 'печень' < **iekʰn̥-t-*). Далее ср. псл. **katorъ* (: словин. стар. *kator* 'камень') и **kamy*, форма генитива **kamene* 'камень' при соответствиях в д.-инд. *ásmará* 'каменный', д.-исл. *hamarr* 'скала, утёс' и авест. *astan-* 'камень', 'небо', *astana-* 'каменный', лит. *akmiõ*, генитив *akmeĩs* 'камень'⁹¹. К этому же типу основ принадлежало и псл. **vesna* 'весна' (~ д.-инд. *vasantás* 'весна') < **uesn-* при лит. *vasarà* 'лето', лтш. *vasara*, гр. ἑάρ, д.-инд. *vasar* 'рано'⁹² < **uēs̥r / *uās̥r*.

3. Таким же атавизмом более древней морфологии в праславянском выступает окаменевшая флексия *-s-*, отличавшая в индоевропейский период плюральную форму аккузатива личного местоимения **nōs-* (псл. **nasъ* 'нас') от формы винительного падежа двойственно-го числа **nō* (псл. **na* > рус.-ц.-слав. на 'нас двоих')⁹³.

4. В праславянском слове функционировала узкая группа субстантивов, по происхождению являвшихся рефлексами индоевропейских страдательных причастий прошедшего времени. Особенностью последних было то, что они образовывались от глагольных основ не с полной степенью корневого вокализма, а от их вариантов

со ступенью редукции апофонии. К таковым, например, относятся упомянутое выше **l̥p̥l̥* ‘лён’ < и.-е. **l̥-no* при полной ступени, представленной в **lei-* ‘лить’ (> псл. *li-ti), и **š̥tana* (< **š̥it-ana*) > *шьт-ана ‘ткань, которая сшивается или пришивается к другой’ (позднее — лексикализация плюральной формы в значении ‘штаны’). Это узкий праславянский диалектизм восточнославянской зоны, воспроизводящий индоевропейское сложение *siūt-ana < **siū-t-* (причастие на *-t-*) при **siū-* ‘шить’ (> псл. *ši-ti, лит. *siūti* ‘шить’) ⁹⁴. Относительно древних индоевропейских структур на *-ana* ср. **pl̥t-ana-* > хет. *paltana* ‘плечо жертвенного животного’ ~ гр. ὄμο-πλάτη ‘лопатка, поверхность плечевой кости’, ирл. *leithe* ‘т. с.’ (~ и.-е. *pletH₂ ‘расширяться, широкий’) ⁹⁵.

Указанная черта архаичного индоевропейского словообразования не была учтена исследователями, что привело их к выводу о вторичности восточнославянского *штаны* относительно нигде не засвидетельствованного *итоны. Последнее выводят из формально близких тюркских слов вроде д.-тюрк. *išton* < *ičton* ‘подштанники’, кыпч. *ičton* из *ič* ‘внутренний, исподний’ *ton* ‘одежда, шуба’ и др. Ср. также выведение из ир. **štāna-* ‘нога, штанина, ногавица’ (~ авест. *paiti-štāna-* ‘нога’) ⁹⁶. Они могут демонстрировать случайное совпадение (нередкое в этимологической практике) в фонетическом и семантическом отношении со славянским словом.

*vyt-yla (: рус. *ветла* ‘ива, *Salix pendula*’, укр. *ветлина*) ~ лит. *žilvitis* ‘белая ива, *Salix alba*’ ⁹⁷, где **vyt-* и *-vit-* < **ũt-* при полной ступени **vei-* ‘вить, гнуть’ (> псл. *vi-ti);

**pl̥t̥* / **pl̥t̥* (: рус. *плот*, пол. *plet*, ген. *plta*, д.-чеш. *plet’* ж., словц. *plí*) ~ лтш. *pluts* ‘плот, паром’, нем. *Floss* ‘т. с.’, д.-инд. *plutás* ‘плывущий, омытый’, *plutam* с. р. ‘течение, поток’, гр. πλυτός ‘мытый’ ⁹⁸, восходящие к причастию **plū-to-* (очевидно, первоначально *‘мытое, то, что омывается, несомое водой’; активное, вторичное, значение ‘плот’ развилось после субстантивации причастия) при полной ступени **plo-* (> псл. **plou-*, *pluti).

Среди аналогий, сохраненных другими индоевропейскими языками, укажем гр. τατός — причастие от τείνω ‘натягиваю’ (корень τεν-), т. е. первоначально **т̥t̥t̥* < и.-е. **tn̥-to-* при глагольной основе

**ten-*; также и в санскрите: *tanōmi* ‘я натягиваю’ (корень *tan-*), а причастие — *tatas*, возводимые к тем же архетипам. Далее: д.-инд. *ṛjātas* ‘рожденный’ при глагольной основе *ṛjan(i)-*⁹⁹, т. е. причастие из и.-е. **ǵn̥-tos*, а глагол с полной ступенью корневого вокализма < **ǵn̥ē-* ‘производить, быть рожденным’. Ср. ещё лит. *tiltas* ‘мост’ — этимологически причастие на *-t-* от **telti*¹⁰⁰ (т. е. и.-е. **tel-* как глагол и **tīl-t-* как причастие). Так же и с причастиями на *-ont-*, ср. гр. *ἰών* (основа *ἰοντ-*) от глагола *εἶμι* ‘идти’¹⁰¹ < **t-ont-* при глаголе **eǵ-*.

5. Наконец, последнее, о чем стоит упомянуть, это праславянскую грамматикализацию индоевропейского лексического. Имеется в виду переосмысление индоевропейских форм в связи с формированием грамматического строя славянских языков. Этот факт иллюстрируется очень убедительным примером. Псл. *nozdrī (: рус. *ноздри* и т. д.) со своей, кажущейся обычной, плюральной формой на *-i* при выходе на индоевропейский прототип *nos-srī (ср. его вариант с другим порядком составляющих **srī-n(o)s*, сохраненный в гр. *ῥῖς*, *ῥῖνός* ‘нос’) показывает, что «корневое *-i* лишь вторично осмыслено как грамматическое множественное число»¹⁰².

7.4. Этимологическое гнездо

1. Центральным понятием и самым большим объектом методики этимологических исследований является этимологическое гнездо. Под этимологическим (или генетическим) гнездом следует понимать системную совокупность однокоренных слов (в границах языковой группы, шире — семьи), сформированных на базе одного архетипа и упорядоченных отношениями строгой структурной (деривационной) иерархии. В рамках этимологического гнезда слово рассматривается как многоаспектная единица языка, обусловленная на трёх уровнях языковой структуры (фонетическом, словообразовательном, семантическом).

Отличие этимологического гнезда от словообразовательного заключается в следующем. Во-первых, словообразовательное гнездо как понятие синхронного языкознания существует в одном, конк-

ротно взятом языке, в то время как этимологическое, будучи частью деривационной системы праславянского языка, продолжениями которого являются современные славянские языки, объединяет все родственные формы из разных идиомов. По причине древней ареальной ограниченности или же вследствие ранней утраты, функциональной замены другим словом далеко не всегда случается так, чтобы какая-либо из старых лексем была бы обязательно представлена во всех территориальных вариантах одного словообразовательного гнезда.

Во-вторых, синхронная словообразовательная парадигма функционирует в границах одного хронологического отрезка, поэтому она включает только те деривационные цепочки и пары, которые в этот период развития языка сохраняют живые (активные) словообразовательные связи. Лексемы, ранее выпавшие из этого гнезда из-за утраты мотивирующего слова (это уже причина разрыва словообразовательных связей, способная открыть дорогу для паронимической аттракции не только одной лексемы, но и всей суммы ее производных), окаменения аблаута, связывавшего производное с производящим, омертвения деривационной модели, естественно, уже не являются его элементами. Наоборот, этимологическое гнездо объединяет все реликтовые единицы, сформированные на протяжении довольно длительного периода становления древнейшего лексико-словообразовательного корпуса славянских языков со всем его многообразием способов словопроизводства. Собственно говоря, этимологическое гнездо собрало все однокоренные дериваты, образованные в праславянских диалектах разных эпох.

Таким образом, синхронное словообразовательное гнездо это количественно узкий, ограниченный рамками одного языка или диалекта набор лексем, представляющий собой остаток (за вычетом поздних производных) этимологического гнезда в виде сохранивших словообразовательную активность форм.

Приведем простой пример с материалом небольшой по количеству составляющих этимологической микросистемы, объединенной под архетипами **krasti*, **krado* 'красть'. По данным Этимологического словаря славянских языков (М, 1985. Вып. 12. С. 83—85,

102—105), гнездо лексем, имеющих в основе корень **krad-* состоит из тринадцати единиц. Из них только рефлексы собственно **krasti*, **krado* представлены во всех славянских языках разных периодов их развития, т. е. отражены не только современной лексикографической базой, но и памятниками письменности (старославянскими, древнерусскими, староукраинскими, старобелорусскими, старословацкими и старопольскими). Репрезентанты остальных неравномерно сохранены славянским лексиконом.

Например, всеми южнославянскими языками последовательно репрезентуются продолжения псл. **kradenъje*, **kradežъ*, **kradja*, **kradnъti*, **kradъba*, **kradъсь*, **kradъса*, **kradъlivъ(jъ)*. Отсутствие в ЭССЯ македонских рефлексов **kradnъti* и **kradja* объясняется неполнотой источников диалектной лексики этого языка, поэтому каждая новая публикация в этом направлении может внести определенные македонские дополнения к указанным праформам. Но внутри южнославянской группы имеются и свои различия: лексемы **kradjъba* и **kradunъ* сохранены только болгарским и македонским (первая) и словенским (вторая), что говорит об их древней диалектной специфике. То же касается и **kradějъ*, **kradnъ*, которые представляют узкие архаичные словинско-украинскую и восточнославянскую (сохранена староукраинским языком) изоглоссы.

В современном чешском языке отсутствуют **kradъba* и **kradъlivъ(jъ)*, в то время как ещё в старочешский период они употреблялись; древнерусскому было известно **kradenъje*, однако среди продолжений древнерусского это слово сохранено только украинским. Т. е., по сравнению с древнерусским, старочешским, современная корневая группа этих слов в чешском, украинском значительно беднее. Лексикон праславянской диалектной группировки, ставшей основой древнерусского языка, вероятно, включал глагол **kradnъti*, поскольку в древнерусском было соотносимое с ним имя **kradnъ*, однако известные памятники письменности не содержат ничего подобного. Значит, утрата производящего глагола произошла в период, предшествующий созданию первых памятников восточнославянской письменности.

Понятно, что современные словообразовательные гнезда из-за своей неполноты не дают четкого представления об истории развития

групп однокоренных слов, что и продемонстрировано на примерах. Восстановление более или менее полной картины путей эволюции словообразовательного механизма в той или иной корневой парадигме возможно только при строгом учете всех хронологических и ареальных ипостасей компонентов этих парадигм, ведущем к реконструкции этимологических гнезд.

2. Состав этимологических гнезд не всегда ограничивается десятком (или несколькими десятками) дериватов. Существуют макрогнезда, насчитывающие до тысячи составляющих. Это корневые группы сложной разветвленной структуры, где каждое ответвление формирует свою субпарадигму, значение в которой может значительно модифицироваться, приобретая некоторую автономию по отношению к этимологической семантике. К таким этимологическим гнездам относятся парадигмы, образованные от корней на плавный сонант. Рассмотрим фрагмент одного такого гнезда с базовым и.-е. $*(s)ker-$ с широким набором значений, основными из которых являются 'крутить', 'гнуть', 'резать'.

Индоевропейские корни на плавный сонант имели шесть ступеней корневого вокализма (две «нормально краткие» (полная и полная тембровая), две продленные (количественные), ступень редукции, нулевая ступень), каждая из которых могла расширяться не только суффиксами, но и детерминативами, поэтому гнездо основы $*(s)ker-$ имело в своем инструментарии достаточно средств для расширения.

Начнем с корневых (элементарных) основ.

Варианты с вокализмом о-ряда:

$*kor-$ / $*k\bar{or}-$ / $*sk\bar{or}-$ $\begin{cases} \nearrow *k\bar{or}\bar{h} \text{ (: рус. диал. } k\bar{or}\bar{h} \text{ 'высокий кустарник'})} \\ \rightarrow *k\bar{or}\bar{b} \text{ (: пол. диал. } k\bar{er}z, \text{ чеш. } k\bar{e}\bar{ř} \text{ 'куст'})} \\ \searrow *sk\bar{or}\bar{b} \text{ (: пол. диал. } sk\bar{i}erz \text{ 'куст').} \end{cases}$

Варианты с вокализмом е-ряда:

$*\check{cer}-$ / $*\check{s}\check{cer}-$ $\begin{cases} \nearrow *\check{cer}\bar{h} \text{ (: блр. диал. } \check{c}\bar{e}r \text{ 'гриб-трутовик, губа'})} \\ \searrow *\check{s}\check{cer}a \text{ (: рус. диал. } \check{s}\check{c}er\bar{a} \text{ 'камень, плитняк').} \end{cases}$

В этой субпарадигме из-за отсутствия фиксаций лексем в косвенных падежах сложно однозначно разделить формы с е- и ь-вокализмом.

Детерминативно осложненные основы.

Варианты с вокализмом о-ряда. Полная ступень корневой огласовки:

- **kor-* / **skor-*
- ↗ *korra / *skorǫ (: блр. диал. *куропа* 'неуклюжая женщина', схв. *skrap* 'гусеница')
  - ↗ *korbъ / *skorbъ (: рус. диал. *короб*, *скороб* 'корзина, короб')
  - ↗ **kortъkъ(jъ)* (: рус. *короткий*, ст.-сл. *кратъкъ*, т. е. первоначально — 'обрезанный')
  - ↗ *korda / *skorda (: ц.-слав. *крада* 'устройство для разведения огня', рус. диал. *скорода* 'борона')
  - *korsa / *korsъ (: рус. диал. *коросá* 'большая укладка снопов ячменя', славн. *kras* 'скалы, груды камней')
  - ↘ *korza / *korzъ (: в.-луж. *króza* 'складка, завиток', рус. диал. *кораз* 'ковш')
  - ↘ *korma / *kormъ (: рус. диал. *карамá* 'род землянки', схв. *крама* 'шалаш, примитивное деревянное строение')
  - ↘ *kovъ (: д.-рус. *Коровъ* — антропоним) и другие расширения.

Аналогично (правда, они представлены небольшим количеством примеров) распространялись и варианты с корневым вокализмом е-ряда, а также варианты со ступенью редукции аблаута (**(s)kǫr-b-*, **šǫr-b-* / **(s)kǫr-n-* / **(s)kǫr-p-* и т. д.). От каждой детерминативно наращенной основы при помощи всего аффиксального набора, которым располагали праславянские диалекты, были образованы десятки дериватов (именных, глагольных), многие из которых, в свою очередь, сами стали производящими словами¹⁰³.

Формы с продленным корневым вокализмом (от славянских продолжений и.-е. **(s)kōr-* / **(s)kēr-*) в гнездах на плавный сонант представлены только элементарными основами. Это имена (производные от них глаголы имеют праславянскую хронологию), усвоенные праславянским из индоевропейского: *skara (: макед. диал. *скара* 'камень, скала', топоним *Ска́ра*; в семантическом отношении ср. его аблаутную параллель, представленную в швед. *skär* 'шхера',

т. е. 'морская скала, камень, торчащий из воды')¹⁰⁴, *čara III (: славн. стар. čāra, чеш. čāra 'черта, линия') < и.-е. *kēr- 'делать'¹⁰⁵ (семантика, производная от первичного 'резать').

Основа с нулевой ступенью апофонии представлена в псл. *krivъ(jь) 'кривой, изогнутый', которое восходит к и.-е. диал. *krej-*uo-s*¹⁰⁶. Словообразовательное гнездо псл. *krivъ(jь) оказалось очень активным как в суффиксальном аспекте (ср. ряд дериватов типа *kriviti(se), *krivul'a / *krivulь, *krivizna и др.), так и в аспекте основосложения (множественные производные вроде *krivo-*vortъ(jь)*, *krivo-*zorkъ(jь)*, *krivo-*spdъca* и под.).

Таким образом, генетическое гнездо представляет собой многоуровневую стройную систему. Это своеобразная «матрица», в которой слова возникали и функционировали в тесном структурном и ассоциативно-семантическом взаимодействиях как системные элементы. Внутри этого автономного «организма» протекали свои семантические тенденции, единицы одной субпарадигмы функционально вытеснялись компонентами другой, вследствие чего со временем утрачивались. Будучи частью языковой макросистемы, развивающейся по аналогии к самой себе, этимологическое гнездо демонстрирует одну особенность, проявившуюся в том, что деривация лексем в разных субпарадигмах в структурном и семантическом отношениях осуществлялась тождественными способами и в одинаковом направлении.

Примером этого являются уже приведенные выше ряды дериватов *kərb-asъ / *čerb-asъ, *kərn-asъ, *kərp-asъ, *kərt-asъ и др.; *kərb-yšъ / *kərd-yšъ / *kərk-yšъ / *kərn-yšъ / *kərn-yšъ и др., а также: *kərk-avъ(jь) / *skərk-avъ(jь), *kərl'-avъ(jь) / *skərl'-avъ(jь), *kərt-avъ(jь) / *skərt-avъ(jь), *kərz'-avъ(jь) / *skərz'-avъ(jь) и многие другие.

Та же картина наблюдается и в семантике производных от разных баз. Ср.: *skərk-avъ(jь) (: болг. диал. родоп. скрѣжав, скѣрчав 'очень скупой, жадный'), *skərt-avъ(jь) (: макед. skrtav 'скупой', славн. škrtav 'скупой, жадный'), *skərz'-avъ(jь) (: болг. диал. скѣржав 'скупой') и др.

Все этимологическое гнездо стоит на таких соответствиях, сформированных компонентами разных его субпарадигм. Они, по мнению Р. М. Козловой, цементировали генетическую микросистему, делали её четко организованной¹⁰⁷. Более того, аналогия в развитии словообразовательных парадигм в рамках одной генетической микросистемы просматривается и в более глубоких хронологических слоях гнезда с этимоном **(s)ker-*. Подтверждением этого являются примеры вроде лит. *kár-v-ė* ‘корова’ и д.-гр. диал. *kár-τ-η* ‘т. с.’¹⁰⁸, отражающие индоевропейские диалектные **kār-ǵ-* и **kār-t-*. То же и в других гнездах аналогичной структуры, ср. лит. *gél-d-a* ~ рус. диал. *жоло-нъ* ‘корыто’¹⁰⁹, которые, очевидно, репрезентуют *d-* и *p-*расширения и.-е. **gel-* ‘резать’ (таким образом, для русской лексики вероятна праформа **želpъ*; первоначально — ‘вырезанный из дерева предмет; выдолбленное изнутри дерево’).

3. Касательно других примеров некогда строгой структурной организации в гнездах одного типа ср.: псл. **vьrka* (: хорв. *vrka* ‘сук’) и **vьrša* (: славн. диал. *čvřša* ‘сук’, где анлаутное *č-* экспрессивная протеза), воспроизводящие *k-* и *x-*детерминативацию псл. **vьr-* (вариант со степенью редукции к и.-е. **цег-* ‘гнуть, крутить’) и под.¹¹⁰, **bьlb-anъ* (: рус. диал. архан. *болб́ан* ‘деревянный божок, идол, которому поклонялись и приносили жертву ненцы’), **bьld-anъ* (: пол. диал. мазур. *bałdan* ‘добрый божок’), **bьlv-anъ* (: схв. *bàlván* ‘идол’, чеш. *balvan*, словц. *bolvan* ‘статуя языческого божка’) — формы, образованные на базе *b-*, *d-*, *v-*расширений праславянского рефлекса и.-е. **b(h)el-* ‘вздуться, набухать’ в ступени редукции корневого вокализма¹¹¹.

Таким образом, все перечисленные выше особенности присуши всем гнездам на плавный сонант, и не только им. Такая же картина наблюдается и в семьях слов, объединенных вокруг архетипов с другими формальными показателями. Разница заключается только в том, что, по сравнению с парадигмами основ на плавный сонант, состав этих гнезд современными славянскими языками сохранен значительно хуже, иногда всего лишь в виде небольших фрагментов. Ср. остатки славянского генетического гнезда, в основе которого ле-

жит и.-е. *koц- / *keц- / *kǔ- / *kū- ‘изгибать, искривлять; нечто загнутое’, расширенное р- и k-детерминативами:

*kuka (: рус. диал. кúка ‘остаток искалеченной или ампутированной руки или ноги, культя’), *kveka (: слвн. kvěka ‘нечто согнутое; калека’, т. е. первоначально ‘человек без руки или ноги; человек, имеющий культю вместо руки или ноги’) — вариант с билатеральным чередованием, *kьka (: слвн. kēka ‘человек, который ходит сутулясь’) и *kyka (: слвц. kyka ‘обрубок; калека’) ¹¹² при производном *kyk-ъть (: укр. диал. kíkить, kíkоть, ген. -ктя ‘остаток отрезанного пальца руки, ноги, а также недоразвитая рука, нога’); основа, восходящая к и.-е. *keц-, отражена в псл. *čuk-ъl’a (: схв. диал. чукъла ‘культя, лубой член искалеченный’) ¹¹³,

*kyp- (вероятно, отражено в укр. диал. kúpa ‘неповоротливый человек, толстая женщина’) ¹¹⁴ при производном *kyp-ъть / *kyp-ъta (: укр. диал. kúпті ‘неуклюжие пальцы’ ¹¹⁵, слвц. kúpet’, ген. -рt’a ‘остающийся после ампутации какой-то части тела обрубок, культя’, kypта, ген. -у ‘изувеченная, искалеченная рука’) ¹¹⁶.

Теперь ср. славянские продолжения и.-е *ep- / *op- ‘гнуть, изгибать, искривлять’, наращенного разными типами расширителей:

*eg- / *rǝb (< *rogьb): (производное) укр. Ягúня — гидроним (бас. Западного Буга) < *Eg-un’a; рус. уж ‘уж’, слвн. óž, (производное) чеш., слвц. užovka ‘змея’, (с v- протезой) пол. wąż ‘змея’, н.-луж. wuž ‘т. с.’ ¹¹⁷ ~ лит., прус. angis ‘змея’ ¹¹⁸;

*eša, *ešъ / *oša (< *okja), *ok-ъta: рус. диал. яча ‘ячея, отверстие’, укр. диал. jачá ‘отверстие в жерновах, в которое засыпают зерно’ (~ *ekl’i ‘гнуть, сгибать, складывать петлей, кольцом’); рус. диал. ýча ‘пищевод животных (коровы, овцы и т. д.)’, блр. диал. еч ж. р. ‘пищевод’ ¹¹⁹ (первоначальный признак — ‘нечто гнущееся, гибкое’) с поздним изменением рефлекса псл. е по диалектам; рус., укр. Уча — гидронимы в бассейнах Оки и Припяти; рус. диал. уктá ‘большое кольцо для бороны, за которое привязывают повод’ и др. ¹²⁰ ~ д.-гр. ’бүкоç ‘загнутый назад зубец стрелы, кривой наконечник, крюк стрелы; завязка (укреплявшая наконечник на древке) и крючья’, ‘крюк’, лат. uncus ‘крюк’ (лат. o > u в позиции перед велярным носовым);

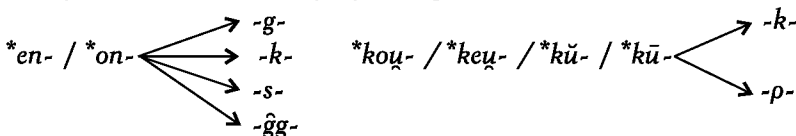

д.-инд. *añcati* 'гнет, сгибает', *añká-ḥ* м. р. 'изгиб, крюк; часть тела между грудью и бедром' ¹²¹, лит. *ánka* 'петля', 'сеть' ¹²²;

**ps-* (производные **ps-ep̃*, *ps-en-ica): укр. диал. (протезированные формы) *ýsenь*, *вúsenь* 'гусеница'; рус.-ц.-слав. *усеница*, укр. диал. *ýсениця*, (с поздними *j-*, *g-* и *v-* протезами) ст.-сл. *юсеница*, рус. *ýсеница*, укр. *ýсениця*, болг. *вѣсеница*, *гѣсеница*, слвн. *vosépnica*, *gósenica*, пол. *wąsienica*, *gąsienica* 'т. с.' ¹²³ (если только не связаны с псл. *psъ 'ус' < и.-е. **ōmsos-* 'плечо') ¹²⁴;

*ozgъ: рус. диал. *узг* 'угол, край', пол. *wązg* 'пола' ~ и.-е. **anġ-g-* ¹²⁵ (второе *-g-* квалифицируется как суффикс, хотя его словообразовательная функция неясна, в связи с чем представляется возможным рассматривать геминат *-ġġ-* (> псл. *-zg-*) как единый детерминативный комплекс, распространявший основу **an-* наравне с другими расширителями).

Общая схема гнезд с базовыми и.-е. **en-* / **on-* и **koŋ-* / **keŋ-* / **kū-* / **kū-* выглядит следующим образом:

7.4.1. Этимологическое гнездо и «заимствованная» лексика

Системный подход, лежащий в основе реконструкции этимологического гнезда, при соблюдении всех его условий позволяет четко отграничить реликтовую славянскую лексику и ранние и поздние заимствования. Сегодня это особо актуально, поскольку лингвистическая традиция прошлого века зачисляла в разряд заимствований множество исконных элементов славянского словаря. Рассмотрим несколько основывающихся на этой самой традиции примеров из «Этимологического словаря русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» (Новосибирск, 1997) А. Е. Аникина.

1. Здесь устанавливается тюркская этимология для таких слов, как: *балда́* I ‘палка’, ‘толстый конец палки, дубины’, ‘тяжелая деревянная колотушка’, ‘деревянная кувалда’ (на с. 116: «вероятно, из тюрк., но конкретный источник не ясен»), *болда́рь*, *болды́рь* ‘бугор, возвышенность, курган’ (на с. 135—136 высказываются мысль о возможности сравнения (при тюркском посредничестве) с п.-монг. *bulduru* ‘шишка, волдырь; бугор’), *болга́ч* ‘низкое место с непросохшей грязью’ (на с. 134: «из тюрк., ср. кач., саг., бельт. *балгач* ‘грязь’, туб. *balуаc* ‘земля, почва’»).

Все эти лексемы имеют славянский генезис и восходят к праславянским архетипам, иллюстрирующим *d-* и *g-*наращения и.-е. **b(h)el-* в степени редукции, т. е. к **bǫlda*, (производные) **bǫld-arǫ*, **bǫld-yrǫ* и **bǫlg-aǫь*. Дериваты на *-ar-* / *-yr-* особенно показательны в аспекте словообразовательной семантики, т. к. славянские суффиксы с опорным *г* оформляли слова со значением выпуклости. Кроме того, рус. *болды́рь* имеет буквальные соответствия в укр. *Болдир* — приток Широкой, слвн. *Boldirev* — антропоним, а также парадигматический вариант в виде украинского диалектизма *банды́ра* ‘комок, сгусток, глыба, большая куча’ (< **bǫld-yrǫ*), сравнение которого с монгольским или тюркским материалом попросту невозможно по ареальным причинам.

В связи со сказанным отсутствуют основания зачислять рус. диал. *балба́н* ‘болван’ в разряд обратных заимствований из якут. **balbān* ‘т. с.’ (к тому же реально не засвидетельствованного) < рус. *болва́н* или традиционно толковать само псл. **bǫlvantǫ* как тюркизм (с. 115—116). Лексема (*балба́н*) является частью все того же этимологического гнезда с опорным **bǫl-* плюс *b-*детерминатив — **bǫlvantǫ*. Ср. еще русск. диал. *болба́н* ‘деревянный божок, идол, которому поклонялись и приносили жертву ненцы’ как заимствованное из архаичного русского словаря в местные языки (достаточно привести параллель — пол. диал. (мазур.) *bałdan* ‘добрый божок’). Итак, имеются три основы, сформированные путём *b-*, *d-* и *v-*расширения указанного этимона. Относительно бессуффиксного **bǫlb-* ср. слвц. *blbý* ‘(о человеке) слабоумный, ненормальный, тупоумный’ < **bǫlbǫjь*¹²⁶.

Невозможность квалификации слов типа рус. *балба́н* / *болба́н* и *болва́н* как заимствований поддерживается и рус. диал. яросл. *болóбан* ‘болван’ и ц.-слав. *блаванъ* ‘столб’¹²⁷, которые воспроизводят варианты с корневым вокализмом в полной степени, т. е. псл. диал. **bolvanъ* и **bolbanъ*.

Возвращаясь к вопросу об исконно славянском характере *болгáч* ‘низкое место с непросохшей грязью’, целесообразно вспомнить названия крупных рек на восточнославянской территории — рус. *Болгач* (в системе Волги на территории бывшей Вятской губ.), блр. *Балгáч* (бас. Западной Двины), укр. *Болгачь* (приток Днепра; ср. еще *Балгач* — название озера). Они принадлежат к базовому (реликтовому) слою славянской гидронимии (речь идет о прагидрониме **Bǫl-gaǫь*; ср. еще вариант индоевропейской гидронимной основы с полной ступенью апофонии, отраженный в лтш., д.-прус. *Balga* — название нескольких рек) и, соответственно, не могут иметь иноязычный источник. К тому же трудно себе представить, чтобы в ареале, густо населенном коренным этносом, имеющим свою хорошо развитую топонимию, реализовалась гидронимия кочевых народов, тип взаимодействия которых с местным населением носил характер набегов, а не долговременного совместного проживания. В расчет не могут приниматься поздние, редкие случаи проникновения в славянские диалекты немногочисленных тюркских географических апеллятивов или возникновение тюркской микротопонимии в ареалах, например, с татарскими анклавами.

Укажем, что названный апеллятив (в говорах русского языка функционирует его парадигматический вариант, в котором значение развилось в другом направлении — *болгача* ‘невод с большим подолом’) существовал и реализовался не только в гидронимии, но и антропонимии славянских языков, в том числе и тех, которые были свободны от тюркского влияния, ср. славн. *Balgač*.

2. Пристальное внимание к материалу генетического гнезда лексем, сгруппированных вокруг и.-е. **(s)kel-* ‘гнуть, крутить; нечто выпуклое; резать’ в разных степенях огласовки, позволяет установить славянскую природу слов, обычно толкуемых как заимствованные

или неясные. В частности, диалектизмы *челба́*, *чѣлба* ‘черпак с сеткой для вычерпывания льда из проруби’, производное *челба́к* II ‘черпак’ и под. (с. 680), отнесенные к разряду слов, не имеющих этимологии, легко объясняются как рефлексы псл. *čьlba (ср. еще рус. диал. *челба* ‘поварешка, железная разливательная ложка’). Эта праформа демонстрирует *b*-расширение и.-е. *(s)*kel-* в ступени редукции вокализма *e*-ряда. В таком случае рус. *ча́лба* ‘колобок, испеченный в золе’ (с. 665: «вероятно, к *чалпа́н* II и *чалпа́н* I»), *ча́лбыш* ‘маломерный осетренок или белужка, шип, нередко меньше аршина’, *ча́лбуш* ‘молодой осетр’ (с. 665: «не имеет этимологии») закономерно квалифицировать как дериваты с суффиксами *-ыш-* / *-уш-* от одного из рефлексов основы **čьlb-*, очевидно, имевшего, кроме значения ‘черпак’, еще и ‘неровный, двояковыпуклый предмет (> колобок)’, ‘кривой, короткий предмет’. Относительно образования в пределах гнезда и.-е. *(s)*kel-* названий хлеба выпуклой формы ср. рус. диал. вят. *челпа́н* ‘пирог без начинки; большой пирог с яйцами’, волог. *чолпа́н* ‘коврига хлеба’, *чолпа́нчик* ‘коровайчик хлеба’ < *čьlrapъ. Фонетическая сторона такого толкования тоже не вызывает сомнений: корневое *a* имеет вторичный характер, являясь диалектной, проявляющейся спорадически, субституцией *e* (< *ь*) после шипящих, ср. ниже рус. диал. *челдо́н* и *чалдо́н*, *челпа́н* и *чалпа́н*.

Формирование названий домашней утвари в границах этой семьи слов продолжается укр. диал. *чалпа́* ‘большая ложка для вытаскивания из «окропа» вареников’, восходящим к *čьlpa с другим (*-p-*) расширителем. Украинский рефлекс, отражающий все ту же базовую семантику ‘изогнутый, выпуклый предмет’, особо показателен, поскольку рус. диал. *чалпа́н* ‘небольшая круглая возвышенность, отдельно стоящая горка; островок, выступающий из воды’, *челпа́н* ‘вершина холма, возвышенности’ в указанном словаре объяснены как заимствования из саамского, ср. нот. *t'šál'pp^E* ‘высокий конусообразный предмет (гора, возвышенность, камень)’. При этом констатируется недостаточная убедительность славянской этимологии (< *čьlръ ‘холм, верхушка’) и предпочтительность финно-угорской, т. к., во-первых, слова регистрируются в ареале, характерном для финно-угорских заимствований, а во-вторых, для русского нет надежных

славянских параллелей, хотя автор отмечает, что славянскую этимологию нельзя сбрасывать со счета (с. 666—667).

Думается, что украинский пример, который нельзя отнести в разряд случайных формальных совпадений, как раз и является той самой недостающей параллелью, подтверждающей славянский генезис слова, тем более, что говорить о зоне финских заимствований в украинском ареале не приходится. Что же касается семантической стороны этимологии, то переход названия предмета домашней утвари, посуды в сферу народной географической терминологии общеизвестен.

3. Следующим примером, показывающим сложную структуру гнезда, образованного вокруг славянского продолжения и.-е. **(s)kel-*, являются рус. *чалдѡн* 'коренной сибиряк, русский', *челдѡн* 'некультурный, неразвитый человек', 'глупый человек' (на с. 666 — «неясно»), которым в новгородских говорах соответствует *чалдѡн* 'голова; ленивый человек; упрямый, непослушный человек'. Эти примеры отражают *d*-детерминативацию указанного архетипа, а именно — псл. **čьl-d-* (> **čьld-onъ*). Таким образом, мы имеем дело с переносом (метафоризацией) слова с исходным значением 'изогнутый, выпуклый предмет' в разряд лексики для обозначения психических, интеллектуальных черт человека.

4. Так же и с реликтовыми славянскими лексемами, воспроизводящими редуцированный корневой вокализм *o*-ряда. Они в указанном словаре отнесены к разряду возможных тюркских заимствований. Ср.: рус. *калган* 'голова', моск., твер. *калган* 'горшок с высоким горлом' (в итоге — к тюрк. *qalqan* 'щит'; с. 248).

Но, во-первых, это слово существует в славянских языках с более широким семантическим спектром, нежели только 'горшок' или 'голова' (ср.: влад., твер. *колган* 'толстый обрубок дерева, чурбан', том. *калган* 'деревянная колодка, используемая для шитья шапок', орл. *калган* 'санки, плетеные или сделанные из решета', перм. *кулган* 'чурбан', блр. диал. *каўган* 'неумелый, нескладный человек', укр. диал. *ковган* 'кусок льда или облитой водой и замороженной «грязи», на котором дети катаются с гор' и др.). Во-вторых, оно не может быть сблизено с тюркским словом по фонетическим причинам: тюркское

корневое *a* не объясняет более пестрый (ср. выше *a-*, *o-*, *y-*огласовку) вокализм славянских лексем. Наконец, славянские слова в деривационном аспекте функционируют не изолированно, как это свойственно иноязычным элементам словаря, а имея мотивирующую основу, ср.: рус. диал. *калгá* ‘деревянная миска, чашка, блюдо’ и суффиксальные производные *калгáн* ‘деревянная миска, чашка, блюдо грубой работы’, ‘долбленный ковш’, *калгúша* ‘деревянное блюдо’. Т. е. в данном случае речь может идти о рефлесах псл. **kьlg-anь* (ср. **kьlg-uša*) < **kьlga* ‘нечто согнутое, кривое’ (с *al-*, *ol-*, *ul-*рефлексацией исходного *ьl*), омонимичных приведенному выше тюркскому слову ¹²⁸.

Полная ступень аблаута *o-*ряда реализовалась в русском ойкониме *Коломна*, который в словообразовательном отношении является прилагательным на *-ьп-* от псл. **kolm-* (*m-*детерминативация рассматриваемой основы). Производящее **kolm-* (**kolma* / **kolmъ* ~ д.-прус. *kalmus* ‘пень’) хорошо засвидетельствовано в апеллятивной лексике, ср., например, рус. диал. *колома* ‘шишка, опухоль, нарыв’, ‘столб, на который опирается колодезный журавль’, *колом* ‘укладка снопов вытянутой продолговатой формы; скирд’ и др., предполагающие исходное значение ‘предмет, объект, имеющий выпуклость, неровность’ (ср. еще производное рус. диал. *коломка* ‘веретено с пряжей’) ¹²⁹. Таким образом, это очень древний элемент славянского словаря, продолжающий псл. **Kolmьna*, которое имеет глубокие связи в славянском топонимиконе, ср.: рус. *Коломна* — название рек в бассейнах Смедвы и Осетра на Оке, *Коломна* — балка у истоков реки Вислой на Северном Донце, укр. *Коломенка* — приток Става на Горыни в бассейне Днепра (оно, как и *Kołomieński* — приток Вишни в бассейне Сана на Висле, образовано от топонима *Коломное/Коломный*, ср. еще пол. *Kłomnica* — левый приток Пилавы в бассейне Одры). Сюда же рус. *Коломно* — гидроним (локализуется на территории бывшей Тверской губернии) < **Kolmьno* ¹³⁰. Псл. **Kolm-ьna* имеет параллель **Čelm-ьna* > рус. *Челомна* — река (бас. Оки) ¹³¹.

По аналогичному структурному образцу построено и зафиксированное в «Новгородских писцовых книгах» *Моломна* — населенный пункт ¹³², восходящее к **Molm-ьna*. Здесь производящая основа представляет собой расширение на *-m-* и.-е. **mol-* ‘гнуть; нечто гиб-

кое'. Итак, и фонетически, и деривационно *Коломна* — славянская лексема. Именно эти критерии не позволяют рассматривать её в связи с фин. *kalmisto* 'могила' > 'могильник' > 'кладбище'¹³³ или половецким *коллома* 'охранение, обеспечение'¹³⁴, как это предлагают некоторые исследователи.

5. Попробуем выделить некоторые основные принципы доказательства славянской природы рассмотренных выше слов. Группа формально и семантически подобных славянских лексем не может быть квалифицирована как заимствованная из тюркских, финно-угорских и др. языков, если:

1) их звуковая форма на основе законов исторической фонетики славянских языков сводима к праформам, построенным по формуле *tylt / tylt* и *tolt* (равно как и *tyrt / tyrt* и их вариантам с полной степенью апофонии). Отсутствующее в неславянских словах, предполагаемых как прототипы заимствования, варьирование корневого гласного — дополнительное доказательство славянского происхождения этих лексем (древняя славянская диалектная черта в реализации редуцированных).

2) Они в словообразовательном отношении функционируют не изолированно, т. е. имея производящую основу (активную или восстанавливаемую этимологически).

3) Их семантика демонстрирует более широкий, разнообразный набор значений, чем семантика предполагаемого иноязычного прототипа.

Естественно, это не универсальные критерии, т. к. всегда возможно столкновение с формально идентичными и подобными семантически омонимичными единицами других языков. Однако эти принципы продиктованы более жестким принципом — принципом системы. Системы этимологического гнезда. Именно системность, комплексность подхода обеспечивает успешность этимологической экспертизы. Главное при этом помнить одно: этимологическое гнездо — не объект для спекуляций, при помощи которого можно объяснить все и по-всякому, рассчитывая обойти детали структуры.

¹ ЭССЯ М., 1978. Вып. 5. С. 40; М., 1990. Вып. 17. С. 55, 56.

² К народному языку (точнее, к грубой, вульгарной лексике определенных, далеко не лучших, слоев общества) сейчас (и это очень модно) обращаются только когда речь идет о «штамповании» словарей блатного жаргона или сленга для потехи обывателей.

³ Ср. материалы прессы последних десяти лет, где слишком часто представлено «модное» искусственное словообразование, планомерно внедряющееся людьми, речь которых весьма далека от правильной. Отсюда, например, в украинском языке столь популярные в академической среде казусы, как *пропону́ва* ‘предложение’, *бажа́льники* ‘желающие люди’ (призвано заменить *бажаючі*, кажущееся кому-то калькой с русского *желающие*), *рівнянський* ‘ровенский’ вместо исторически обусловленного и сохраненного памятниками письменности *ровенський* и т. д.

⁴ Ткаченко О. Б. Очерки теории языкового субстрата. К., 1989. С. 160.

⁵ Грамотки XVII — начала XVIII века / Под ред. С. И. Коткова. М., 1969. С. 218.

⁶ Козлова Р. М. Структура праславянского слова (праславянское слово в генетическом гнезде). Гомель, 1997. С. 290.

⁷ Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). С.-Петербург, 2001. С. 674, 676.

⁸ Подробнее см.: ЭССЯ М., 1987. Вып. 14. С. 7; 1988. Вып. 15. С. 243.

⁹ См. *Słownik prasłowiański* / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974—1979. Т. I—III.

¹⁰ Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2000. Т. 1. С. 44; *Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske*. Zagreb, 1976. S. 20.

¹¹ *Russisches geographisches Namenbuch* / Begr. von M. Vasmer. Wiesbaden, 1963. Bd I. С. 254.

¹² Шульгач В. П. [Рец. на:] Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель: ГТУ, 2000. Т. 1. 262 с. // *Студії з ономастики та етимології*. 2003. К., 2003. С. 162.

¹³ *Russisches geographisches Namenbuch*. Wiesbaden, 1965. Bd II. С. 145.

¹⁴ Казлова Р. М. Указ соч. С. 160.

¹⁵ Архив П. М. Строева. Т. I // Русская историческая библиотека. Петроград, 1915. Ст. 568; Russisches geographisches Namenbuch. Wiesbaden, 1964. Bd I. S. 630.

¹⁶ Горпинич В. О., Корнієнко І. А. Прізвища Дніпровського Припоріжжя (словник). Дніпропетровськ, 2003. С. 30.

¹⁷ Гопчевич С. Старая Сербия и Македония: Историко-этнографическое исследование / Пер. с нем. М.Г. Петрович. СПб., 1899. С. 136; Ділова і народно-розмовна мова XVIII ст. (матеріали сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України) / Підгот. до вид. В. А. Передрієнко. К., 1976. С. 374.

¹⁸ Примеры эксцерпированы из: Козлова Р. М. Структура праславянского слова. С. 124, 121, 350, 92, 141.

¹⁹ Там же. С. 112, 165, 215, 302, 347.

²⁰ Imenik mesta. Pregled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji. Beograd, 1956. С. 275.

²¹ Чернышев В. И. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. СПб., 1900. Т. LXVIII. № 3. С. 131.

²² Шило Г. Ф. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957. С. 252.

²³ Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. S. 444.

²⁴ Imenik mesta. S. 87.

²⁵ Жегуц І., Піпаш Ю. Словник гуцульського говору в Закарпатті. Мюнхен, 2001. С. 16; Матеріали до словника буковинських говірок. Чернівці, 1978. Вип. 5. С. 48.

²⁶ Горбач О. Південнобуковинська гуцульська говірка і діалектний словник села Бродина, повіту Радівці (Румунія). Мюнхен, 1997. С. 19; Корзонюк М. М. Матеріали до словника західноволинських говірок // Українська діалектна лексика: Зб. наук. праць. К., 1987. С. 99.

²⁷ Хорватський матеріал взят из: Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. S. 444, 596. Детальнее об этимологии рус. диал. *солодá* и родственных образований см.: Іліаді О. І. Слов'янські етимології. I // Студії з ономастики та етимології. 2002. К., 2002. С. 226.

²⁸ См.: ЭССЯ. М., 1974. Вып. 1. С. 7; М., 1993. Вып. 18. С. 7–8.

²⁹ ЭССЯ. М., 1983. Вып. 9. С. 167; М., 1985. Вып. 12. С. 14 (здесь архетип дан как **koverditi?*).

³⁰ Іліаді О. І. Етимологічне гніздо з коренем **ver-* у праслов'янській мові. Київ; Кіровоград, 2001. С. 41 (с літературой).

³¹ Подробнее см.: Петлева И. П. О важности учета в этимологии редких лингвистических явлений формального характера // Этимология. 1984. М., 1986. С. 198–201; Её же. К вопросу о словах с усилительным (-)to-, ((-)ta-, (-)tu-) в славянских языках // Этимология. 1978. М., 1980. С. 65–69; Её же. Ещё раз к вопросу о диалектных словах с вставным элементом -то- (/ -та- / -ту-) // Русская диалектная этимология. М-лы IV Международной научной конференции 22–24 октября 2002 г. (г. Екатеринбург). Екатеринбург, 2002. С. 19–21.

³² Об этой приставке достаточно много написано (см. работы О. Н. Трубачева, Р. М. Козловой, В. П. Шульгача). Наиболее полный на сегодняшний день список дериватов с этой морфемой с указанием истории вопроса дан в: Шульгач В. П. Проблемы праслов'янської іменної деривації (деякі похідні з префіксом *a-) // Типологія мовних значень у діхронічному та зіставному аспектах: Зб. наук. праць. Донецьк, 2002. С. 179–183.

³³ ЭССЯ. М., 1981. Вып. 8. С. 250–251.

³⁴ ЭССЯ. М., 1987. Вып. 14. С. 23–24. Подробнее см.: Němec I. O slovanské expresivní předponě *la-* // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 1979. Roč. XLVIII/2–3. S. 120–123. Р. Нахтигал предполагал для ст.-сл. ласкръдъ 'наслаждение, блаженство, сласть' исходное *laskosъrdъ, ср. ц.-сл. ласкосръдъ и ласкосръдъ 'прожорливый, обжорливый' (Нахтигал Р. Славянские языки / Пер. со словен. Н. М. Елкиной / Под ред. и с предисл. проф. С. Б. Бернштейна. М., 1963. С. 230). Однако есть основания полагать, что это просто семантически и формально близкие лексемы, не связанные этимологически. Ср., например, чеш. *pa-škrdný* 'лакомый', которое нельзя отрывать от ст.-сл. ласкръдъ 'т. с.', и которое не объясняется связью с основой **lasko-*. Касательно **oz-* см.: Трубачев О. Н. [Рец. на:] Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 1. Předložky. Koncové partikule. Tento svazek sestavil F. Korešný. Praha, 1973 // Этимология. 1974. М., 1976. С. 177.

³⁵ Примеры взяты из: Петлева И. П. Архаические префиксы в русских говорах // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 31–38; Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903. С. 73.

³⁶ Она напечатана в четвертом томе его словаря «Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen» (Göttingen, 1874).

³⁷ Трубачев О. Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003): Доклад пленарного заседания на XIII Международном съезде славистов в Любляне (Словения), 2003 г. М., 2003. С. 21, 23.

³⁸ Подробнее об этом форманте см.: Мейе А. Общеславянский язык / Пер. и примечания проф. П. С. Кузнецова. М., 1951. С. 281; ЭССЯ. М., 1985. Вып. 12. С. 173.

³⁹ См.: Козлова Р. М. Структура праславянского слова. С. 143.

⁴⁰ Там же. С. 278.

⁴¹ ЭССЯ. М., 1990. Вып. 17. С. 189–190, 197, 235–236.

⁴² ЭССЯ. М., 1994. Вып. 20. С. 136.

⁴³ Более подробно основания теории детерминативных комплексов, их типов на солидном материале изложены в: Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). К., 1998. С. 21–29.

⁴⁴ Подробнее об этимологии рус. диал. *хаут* см.: Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии. II (*желуница, хмылить, хаут, шквора, скрень*) // Этимология 1982. М., 1985. С. 42. Здесь приведена праформа *хаурѣ. Однако нам представляется более вероятной реконструкция *хоурѣ, т. к. корневое *a* в приведенных словах, по всей видимости, вторично, т. е. является следствием изменения этимологического *o* в диалектах.

⁴⁵ Два последних примера взяты из: Шульгач В. П. Етимологічна інтерпретація деяких поліських прізвищ // Полісся: Мова, культура, історія. М-ли Міжнародної конференції. К., 1996. С. 177, 179.

⁴⁶ Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1995. Вып. 10. С. 84.

⁴⁷ Меркулова В. А. Указ. соч. С. 42–43; Генеральный опис лівобережної України 1765–1769 рр. Показчик населених пунктів. К., 1959. С. 40.

⁴⁸ Шульгач В. П. Указ. соч. С. 179.

⁴⁹ Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К., 1907. Т. 1. С. 488; Шульгач В. П. Указ. соч. С. 179; Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 1992. Т. 4. С. 218. Русский пример взят из: Смирнов П. Орловский уезд в конце XVI века по писцовой книге 1594–5 г.г. Киев, 1910. С. 331.

⁵⁰ ЭССЯ. М., 1994. Вып. 21. С. 116.

⁵¹ Чабаненко В. А. Т. 4. С. 218.

⁵² Чабаненко В. А. Т. 2. С. 288, 289, 297.

⁵³ Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л., 1987. Вып. 22. С. 249.

⁵⁴ Салавей Л. М. З лексікі вёскі Навасёлкі Мядзельскага раёна // Народная словатворчасць / Рэд. Л. А. Крывіцкі, І. Я. Яшкін. Мінск, 1979. С. 9; Речник српских говора Војеводине / Ред. Д. Петровић. Нови Сад, 2003. Св. 3. С. 32.

⁵⁵ Подробнее обо всех приведенных выше словах см.: Іліа-ді О. І. Архаїчна лексика діалектів Закарпаття // Студії з ономастики та етимології. 2003. К., 2003. С. 106.

⁵⁶ Примеры взяты из Зализняка А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 206, 204, 352.

⁵⁷ Там же. С. 204.

⁵⁸ В ЭССЯ (М., 1978. Вып. 5. С. 48) псл. **dobytja* квалифицируется как образование с суффиксом *-tja* от глагола **dobyti* без объяснения функции форманта. В словаре М. Р. Фасмера для рус. *тетивá* и его инославянских параллелей восстанавливается архетип **teřiva*, приводятся соответствия из других индоевропейских языков, но словообразовательная структура (производность от причастной основы) осталась без специального комментария (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1987. Т. IV. С. 53).

⁵⁹ Матвіяс І. Варіанти української літературної мови. К., 1998. С. 101.

⁶⁰ Там же. С. 94.

⁶¹ Фасмер М. Т. I. С. 124.

⁶² ЭССЯ. М., 1994. Вып. 21. С. 112—113 (**тъпѣньје* здесь определено как дериват с суффиксом *-пъје* от глагола **тъпѣти*).

⁶³ Матвіяс І. Указ. соч. С. 94; Фасмер М. Т. II. С. 84.

⁶⁴ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. С.-Петербург, 1996. Вып. 3. С. 92.

⁶⁵ Jungmann J. Slovník česko-německý. Praha, 1836. D. II. S. 258, 259.

⁶⁶ Russisches geographisches Namenbuch. Wiesbaden, 1971. Bd V. С. 48; Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. S. 356; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1989. Т. II. С. 6; Jungmann J. Slovník česko-německý. Там же.

⁶⁷ В специальной литературе высказано мнение о том, что причастия на *-от-* представляют собой образования от атематических глаголов (см. об

этом в: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I. С. 453). Словенский пример дан по: Нахтигал Р. Указ. соч. С. 268; см. ещё об этом типе причастий на С. 139.

⁶⁸ Яўневіч М. Э лексікі вёскі Кліны // Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Мінск, 1960. С. 60; Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8. С. 323; Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. Bratislava, 1967. D. II: Morfológia. S. 443; Лисенко П. С. Словник діалектної лексики Середнього і Східного Полісся. К., 1961. С. 72.

⁶⁹ Примеры приведены по: Шульгач В. П. Українські етимології. 29—36 // Мовознавство. 1998. № 6. С. 42 (тут же см. ссылки на другие примеры из ЭССЯ).

⁷⁰ См.: Трубачев О. Н. Мысли по поводу новой книги: Leszek Moszyński. Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft (Böhlau Verlag, Köln; Weimar; Wien, 1992) // Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. С. 425.

⁷¹ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 665, 673.

⁷² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I. С. 293, 350.

⁷³ Фасмер М. Там же.

⁷⁴ Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. II. С. 1738.

⁷⁵ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. С. 1000, 1017, 1512, 1514.

⁷⁶ Фасмер М. Там же. С. 284, 330.

⁷⁷ Примеры взяты из: Фасмер М. М., 1987. Т. IV. С. 113.

⁷⁸ ЭССЯ. М., 1993. Вып. 19. С. 20; 1994. Вып. 20. С. 143—144.

⁷⁹ Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984. С. 78, 82—83.

⁸⁰ Фасмер М. М., 1986. Т. I. С. 283.

⁸¹ Там же.. М., 1986. Т. II. С. 400.

⁸² Варбот Ж. Ж. Указ. соч. С. 26.

⁸³ Там же. С. 22.

⁸⁴ Там же. С. 32, 33.

⁸⁵ ЭССЯ. М., 1989. Вып. 15. С. 124; 1991. Вып. 17. С. 92; 1993. Вып. 19. С. 29; 1994. Вып. 21. С. 98.

- ⁸⁶ Материал см.: Фасмер М. М., 1987. Т. III. С. 432–433, 461.
- ⁸⁷ Куркина Л. В. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на *ѣ* // *Этимология*. 1971. М., 1973. С. 78.
- ⁸⁸ ЭССЯ М., 1987. Вып. 13. С. 147; Куркина Л. В. Указ. соч. С. 79.
- ⁸⁹ ЭССЯ. М., 1998. Вып. 25. С. 188; 1999. Вып. 26. С. 45–46.
- ⁹⁰ См.: Казлова Р. М. Славянская гідранимія. Праславянскі фонд. Гомель, 2003. Т. III. С. 85–86.
- ⁹¹ ЭССЯ. М., 1981. Вып. 8. С. 216; М., 1983. Вып. 9. С. 137–138.
- ⁹² Материал для реконструкций дается по: Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916. С. 201 (без индоевропейских архетипов); Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1986. Т. I. С. 303.
- ⁹³ ЭССЯ. М., 1994. Вып. 21. С. 187 (см. статью *па II).
- ⁹⁴ См.: Ільїнський Г. Походження українських слів. 10. *Штани* // *Рідна мова*. 1933. Ч. 10. С. 335–336; Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. С. 146.
- ⁹⁵ *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* / Нl. red. A. Erhart. Praha, 2002. Т. 11. S. 656.
- ⁹⁶ См.: Фасмер М. Т. IV. С. 477 (с литературой и формами с корневым *a* в некоторых тюркских словах); Трубачев О. Н. Из славянско-иранских лексических отношений // *Этимология*. 1965. М., 1967. С. 40.
- ⁹⁷ Там же. Т. I. С. 306.
- ⁹⁸ Материал дан по: Фасмер М. Т. III. С. 285.
- ⁹⁹ Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / Пер. с нем. Б. А. Абрамова. Под ред. и с предисл. Н. С. Чемоданова. М., 1980. С. 59–60.
- ¹⁰⁰ Трубачев О. Н. [Рец. на:] *Словник гідронімів України*. Київ, Наукова думка, 1979. 781 стр. + 1 вкладьш (6 карт) // *Вопросы языкознания*. 1980. № 6. С. 136.
- ¹⁰¹ Шантрен П. *Историческая морфология греческого языка* / Пер. со 2-го франц. изд., прилож. и предисл. Я. М. Боровского. М., 1953. С. 238.
- ¹⁰² Трубачев О. Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации. С. 8–9.

¹⁰³ Схема этой генетической микросистемы подробно изложена в: Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. Гомель, 1997.

¹⁰⁴ Видоески Б. Географската терминологија во дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1999. С. 142; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV. С. 494.

¹⁰⁵ ЭССЯ. М., 1977. Вып. 4. С. 22 (на с. 23 приведена вариантная форма с лабиовелярным **k^her-*).

¹⁰⁶ ЭССЯ. М., 1985. Вып. 12. С. 173.

¹⁰⁷ Козлова Р. М. Структура праславянского слова. С. 370 (приведенные примеры взяты из этой же работы).

¹⁰⁸ Примеры взяты из: Откупщиков Ю. В. О принципах отбора лексических изоглосс // Ю. В. Откупщиков. Opera philologica minora (Античная литература. Языкознание). С.-Петербург, 2001. С. 136.

¹⁰⁹ Откупщиков Ю. В. Там же.

¹¹⁰ Подробнее см.: Іліаді О. І. Етимологічне гніздо з коренем **ver-* у праслов'янській мові. С. 65, 72.

¹¹¹ См.: Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). К., 1998. С. 30–33 (с литературой).

¹¹² ЭССЯ. М., 1987. Вып. 13. С. 86–87, 177, 259.

¹¹³ Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К., 1908. Т. 2. С. 238; Мичатек Л. А. Дифференциальный сербско-русский словарь. СПб., 1903. С. 660.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Жеґуц І., Піпаш Ю. Словник гуцульського говору в Закарпатті. С. 71.

¹¹⁶ Варбот Ж. Ж. Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас. 1974. М., 1976. С. 116.

¹¹⁷ Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд. С. 90; Шустер-Шевц Х. Славянские протезы в случаях зияния и их значение для славянской этимологии и исторической грамматики // Этимология. 1988–1990. М., 1993. С. 90.

¹¹⁸ Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд. С. 91 (со ссылкой на ЕСУМ).

¹¹⁹ ЭССЯ. М., 1979. Вып. 6. С. 61; Словарь русских народных говоров. Ленинград, 1977. Вып. 12. С. 274; Зубрыцькі С. З лексикі вєскі

Шклянцы // Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Мінск, 1960. С. 137.

¹²⁰ Подробнее см.: Шульгач В. П. Деякі «балтійські» гідроніми Верхньої Наддніпрянини в слов'янській перспективі. I // Slavica та Baltica в ономастиці України. К., 1999. С. 181.

¹²¹ Древнегреческо-русский словарь. Т. II. С. 1150; Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. С. 51; Шустер-Шевц Х. Указ. соч. С. 94 (со ссылкой на словарь Э. Фрэнкеля).

¹²² ЭССЯ. М., 1979. Вып. 6. С. 61.

¹²³ Шустер-Шевц Х. Указ. соч. С. 90.

¹²⁴ Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1970. М., 1972. С. 13-14.

¹²⁵ Трубачев О. Н. Дополнение к статье *узг* (со ссылкой на А. Вальде и А. Вайяна) в словаре М. Р. Фасмера, см.: Фасмер М. Там же. С. 153.

¹²⁶ Словацкий пример взят из: Коллар Д. Словацко-русский словарь. М.; Братислава, 1976. С. 30.

¹²⁷ Мельниченко Г. Г. Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961. С. 34; Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. священник магистр Г. Дьяченко. М., 1900. С. 892.

¹²⁸ Подробнее о приведенном материале см.: Илиади А. И. [Рец. на:] Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. 773 с. // Студії з ономастики та етимології. 2003. К., 2003. С. 130–157 (с историей вопроса).

¹²⁹ См.: Козлова Р. М. Польск. *kłotia* и родственные славянские формы // Rocznik Sławistyczny. T. XLVI. Cz. 1. S. 80.

¹³⁰ Козлова Р. М. Там же. С. 82; Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M. Vasmer. Berlin; Wiesbaden, 1963. Bd II. S. 416.

¹³¹ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озёр) / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1976. С. 85.

¹³² Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам. Петроград, 1915. С. 165.

¹³³ Ткаченко О. Б. Очерки теории языкового субстрата. К., 1989. С. 112 (со ссылкой на Г. П. Смолицкую).

¹³⁴ Версия В. Г. Фоменко, справедливо подвергнутая критике в специальной литературе (см. Козлова Р. М. Там же. С. 82).

8. ЛИНГВО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТИМОЛОГИИ

Сбор материала для этимологического исследования каждой конкретной лексемы в качестве одного из обязательных условий предполагает изучение территории, на которой функционирует слово. Речь идет о: 1) специальном предварительном изучении местных фонетических особенностей ареалов для прогнозирования возможных путей изменения звуковой стороны лексем, без чего анализ многих из них становится практически невозможен; 2) накоплении данных о распространении изучаемого слова. Важность дистрибуции типов диалектных изменений слова не требует здесь специального комментария, поскольку об этом было сказано выше (см. раздел 6). На учете географии анализируемых лексем остановимся подробнее (хотябы потому, что определение того, какими путями слово переходило на новые территории, и как при этом эволюционировала его структура и семантика, это уже история слова).

При анализе конкретного слова для начала нужно соблюсти следующую последовательность действий.

1. Установить круг его буквальных соответствий в контактных диалектах в границах одного языка.

2. Затем следует проверка на предмет наличия аналогичных форм в других, отдаленных, говорах и, наконец, в говорах соседних и отдаленных славянских языков.

3. Следующий шаг — выход за рамки славянского с целью поиска этимологически тождественных основ в других индоевропейских языках, что в дальнейшем позволит точно сказать, какова хронология исследуемого слова — индоевропейская (при наличии точных неславянских структурных аналогий, поскольку это квалифицирует их как рефлексы индоевропейского архетипа) или только славянская (при наличии исключительно славянского материала, если, конечно, речь не идет о сохранении в праславянском узких индоевропейских диалектизмов, существовавших только в тех диалектах, которые позднее стали основой праславянского).

Таким образом составляется общая картина распространения слова. Если в ходе дальнейшего анализа устанавливается славянская (глубже — индоевропейская) этимология лексемы, то в зависимости от ареальных характеристик она квалифицируется как общая праславянская или диалектная; в случае относительно поздней хронологии возникновения она также определяется либо как общая инновация, независимо возникшая в разных славянских языках в исторический период, либо как локальный диалектный конструкт. Если же этимологический анализ вскрывает её заимствованный характер, т. е. она не этимологизируется на славянской почве, то география лексемы позволяет выйти на источник заимствования. В частности, если слово распространено в ареале, на территории которого славяне контактировали с неславянскими этносами, то естественно, что все внимание сосредотачивается на словаре этих этносов. Позднее оно могло проникнуть на смежные славянские территории, жители которых непосредственно не общались с чуждым им в языковом отношении населением. В этом случае «просачивание» лексемы в границы новых ареалов зависит от важности обозначаемой ею реалии.

Вот пример с установлением этимологии слова для обозначения мёда, хмельного напитка из мёда.

1. Эта лексема бытует во всех славянских диалектах и словарях литературных языков во всех своих формальных и семантических ипостасях (болг. *мед*, *мет*, макед. *мед*, диал. *met*, *midó(t)*, схв. *мѣд*, диал. *мѣд*, слвн. *têd*, диал. *tóeť*, чеш. *med*, слвц. *med*, диал. *täd*,

mad, miad, в.-луж. диал. *měd, mjód*, н.-луж. *tjod*, полаб. *med*, пол. *miód*, диал. *mpiód, mpiút*, словин. *tiód*, рус. *мёд*, укр. *мед*, диал. *мід*, блр. *мёд*, диал. *мед*).

2. Древность её в славянских языках надёжно подтверждается памятниками письменности (ст.-сл. *медъ*, ст.-пол. *miód*, д.-рус. *медъ*), что позволяет говорить о праславянской форме **medъ*.

3. Эта последняя имеет формально-семантические тождества в лит. *medùs* 'мёд', лтш. *medus*, д.-прусс. *meddo* 'т. с.', нем. *Met* (д.-в.-нем. *metu*) 'напиток из мёда', д.-ирл. *mid* 'т. с.', гр. *μέθυ* 'хмельной напиток', д.-инд. *mádhu* 'мед; сладкий опьяняющий напиток', авест. *maди-* 'вино', осет. *myd/mud* 'мед', тох. В *mit* 'мед' и др., что свидетельствует в пользу индоевропейской хронологии лексемы, продолжающей и.-е. **medhu-*, имевшее адъективный характер ~ **mad* 'бурлить, переливаться' (ср. подверженность меда ферментации, брожению). Итак, индоевропейская природа реликтового названия мёда в славянском установлена. Но как быть с формально близкими неиндоевропейскими названиями (фин.-угор. **mete-*, **mede-*, д.-кит. *miēt*)?

4. Эти формы не находят этимологического объяснения в рамках тех языков, в которых они зафиксированы, поэтому считаются древними заимствованиями из индоевропейского (ср. старые контакты носителей индоевропейских диалектов с представителями финно-угорского этноса; древнекитайское слово отражает индоевропейскую диалектную форму типа тох. В *mit*)¹.

Для более сложных в словообразовательном отношении слов критерий славянское / неславянское подразумевает ряд следующих признаков: а) если каждый элемент структуры лексемы без натяжек объясняется с помощью ресурсов славянского (наличие собственно славянской, связанной прозрачными деривационными связями с однокоренными словами, производящей основы, славянский формант, типичность славянской словообразовательной модели), эта лексема с полным правом признается автохтонной славянской; б) если лексема не имеет живой или с достаточной степенью надёжности восстанавливаемой славянской производящей основы, как и однокоренных образований (т. е. она структурно изоли-

рована), или оформлена при помощи неславянского аффикса, есть все основания считать её субстратной или заимствованной. Последнее обычно подтверждается данными языков, имевших контакты со славянским, в которых, как правило, подобные слова имеют живую (активную) словообразовательную базу и существуют в хорошо развитой, разветвленной деривационной парадигме ².

Прямо противоположный пример. Славянская лексема, закрепленная за одним из видов сверла для работы по дереву, распространена в западнославянских языках, а из южнославянских только в словенском (слвн. *nabôzec*, диал. *nabúzac*, *nabúzæc*, чеш. *nebozec*, диал. *nebozíz*, слвц. *nabožiec*, в.-луж. *njeboz*, н.-луж. *njabozac*, пол. диал. *niebozas*). Её форма имеет достаточно архаичный вид, и это дает основания для констатации праславянской древности с реконструкцией диалектного архетипа **nabozězъ* (с **nobožězъ*), но этимологической развязке на славянской почве она не поддается. Отсюда проистекает вполне закономерный вывод об инфильтрации слова из неславянского источника. Указанные языки функционируют в ареале древних интенсивных контактов славян с представителями германских этносов, поэтому логично направить поиски формы, заимствованной в славянский, в плоскость германской лексики. И действительно, языки германской группы располагают такими формами (д.-в.-нем. *nabagēr*, д.-сакс. *nabugēr*, нем. *Naber*, *Näber* 'сверло'), восходящими к образованному в прагерманском прототипу **naba-gaiza* 'копье втулки', т. е. орудие сверления деревянной колесной втулки (ступицы) ³. При проникновении в праславянские диалекты он усвоился в соответствии с действующими в них фонетическими нормами, а именно: 1) дифтонг *ai* по закону открытого слога подвергся монофтонгизации в *ě*; 2) звук *g* перед *ě* дифтонгического происхождения по правилу второй палатализации перешел в *z*. Замена первичного начального *po-* на *pa-* и *pe-* вызвано действием ранней аналогии образований с префиксами *pa-* и *pe-*, так же как и субституция конечного сегмента *-ězъ* звукосочетанием *-ac / -ec* под влиянием деминутивов на *-ьсь*.

Возможно, приведенные иллюстрации этимологического анализа выглядят несколько схематичными. Однако наличие схемы в ис-

следованиях по сравнительно-историческому языкознанию и этимологии это необходимость, хотя бы потому, что схема, будучи обязательным процедурным моментом, позволяет наметить последовательность и адекватность (для конкретной ситуации) действий при работе со структурой и семантикой слова. Методика любого типа исследований строится на отработанной поколениями ученых процедурной схеме.

В общих чертах методика этимологического анализа лексики, которая предварительно квалифицируется как заимствованная, сводится к трем основным принципам ⁴.

1. Принцип самобытности. Обязывает исследователя искать этимологическое объяснение прежде всего среди собственных ресурсов данного языка, учитывая и реликтовые (древнейшие) элементы, и возможные инновации. Если какое-либо слово с одинаковой степенью вероятности может быть проэтимологизировано и как исконное, и как заимствованное, причём ни то, ни другое объяснение не имеет превосходства в доказательствах, этимолог поступает правильно отдавая предпочтение первому объяснению, не умалчивая о втором.

2. Принцип конечного источника. Если в смежных языках наблюдается наличие общих, но этимологически изолированных слов, то судить о направлении распространения этих слов можно лишь после выяснения конечного источника, т. е. языка, для которого это слово является исконным.

3. Принцип неединичности заимствующего языка. Заимствование какого-либо слова чаще всего производится не только одним единственным языком, а целой группой языков, находящихся в сходных условиях. Поэтому нужно быть осторожным в том случае, если какое-то слово, считающееся заимствованным, не имеет подобных себе соответствий-заимствований в языках соответствующего ареала.

8.1. Взаимодействие славянских языков с неславянскими

8.1.1. Заимствования

Для установления генезиса заимствованных элементов славянского словаря необходимо иметь представление о контактах славян с другими народами в разных ареалах разного времени. Эти контакты засвидетельствованы и подтверждены не только авторами средневековых исторических хроник, руководств по географии, дорожников или археологическими данными, но и лингвистически, т. е. рядом достаточно обоснованных этимологий. Выявив определенную группу чужеродных элементов славянской лексики и определив их иноязычный источник, авторы этих этимологических версий очертили круг старого языкового взаимодействия, наметив тем самым ориентиры, на которые следует обращать внимание в поисках неславянского идиома, из которого пришло то или иное слово. Начнем с древнейших заимствований, т. е. лексем, попавших в славянский словарь в праславянскую эпоху.

1. К таковым, преимущественно, относятся заимствования из германского, иранского, провинциальной (колониальной) латыни и кельтского, характеризовавшие интенсивное взаимодействие славян с носителями перечисленных языков в дописьменный период. Ср. примеры:

псл. **bl'udo* 'блюдо' < гот. *biuþs*, ген. *biudis* 'стол', д.-в.-нем. *biutta* 'дежа, квашня', 'улей' и т. п.; **mъtъ (?)* (: серб.-ц.-слав. *мѣтъ* 'род меры', ст.-чеш. *met*, ген. *mta*, *mtu* 'мера сыпучих веществ') < д.-в.-нем. *mutti* 'мера зерна' ~ лат. *modius* 'т. с.'; **myto* I (: ст.-сл. *мыто* 'подарок, взятка', ст.-слав. *myto* 'таможенный сбор, пошлина', д.-рус. *мыто* 'плата, вознаграждение, мзда' и др.) < д.-в.-нем. **mīta* и другие (ср. ещё слав. *сърку*, *-ъве*, *роръ*, *pila*, *тупъ* и под.), проникшие в славянский из древнесаксонского языка, франкских и баварских диалектов древневерхненемецкого языка в III—IV вв. н. э. ⁵ Зона контактов славян с германским населением не ограничивалась территорией древней Баварии и Саксонии: существуют данные о взаимодействии этих народов в бассейне реки Майн, а также о воз-

возможности кратковременных контактов с готами, появившимися в Крыму и сопредельных районах в начале нашей эры.

Псл. *тець / *тьсь 'мечь' (как и прагерманское *tēkja 'т. с.') < кельт. *тесс-* 'сверкать, блестеть' (подразумевается использованная при изготовлении меча техника пламеобработки, ср. нем. *Brand* 'меч', буквально — 'пламенный'); *копь 'копь, лошадь' < кельт. **kanko-* / **konko-* 'скакун' (при заимствовании славяне реинтерпретировали его как деминутив на *-k-*, образовав новое слово с основой **kon-*);

псл. *медь 'медь': согласно наиболее вероятной из гипотез, происходит от названия страны *Мидии* (иранская этимология), в состав которой входили после VII в. до н. э. важнейшие меднорудные районы Закавказья — ближайший для славян из очагов медной металлургии (название страны перенесено на название металла, импортируемого из нее, что подтверждается типологически, ср. лат. *сиргит* 'медь' от названия острова *Кипр*) и др., ср. славяно-иранские изоглоссы, некоторые из которых, по мнению О. Н. Трубочева, сформировались на основе славянских заимствований из иранского;

псл. **бан'а* 'баня, купальня; купол' (< *banja) < народнолатинского **bānea, balnia* (plur. от лат. *balneum, balineum* 'баня, купальня'); псл. *мъстъ (: ст.-сл. мъстъ mustum, болг. мъст 'свежий виноградный сок', слвн. *mest* 'виноградное сусло', ст.-чеш. *mest*, в.-луж. *mošt*, д.-рус. мъстъ 'т. с.') < лат. *mūstum* и т. п. ⁶

Ареалы контактов праславян с носителями иранской речи, как показывают данные этимологического анализа местной топонимии, лежат в плоскости, очерченной бассейнами рек Днепр, Днестр, Дон, Южный Буг, определенное количество лексических соответствий иранскому наблюдается в польском языке, что сигнализирует об обособленных контактах предков поляков с иранцами. Старые латинизмы попали в диалекты праславянского, вероятно, во времена многочисленных миграций славян по территории, на которой располагались римские колонии (Далмация, Истр, Фракия, Иллирия, Дакия, Паннония). Заимствования из древних кельтских диалектов представлены небольшой группой; общение славян с кельтами имело место в карпатском ареале, в бассейне Вислы и на территории современной Германии (т. е. там же, где осуществлялись германо-кельтские контакты).

2. Среди заимствований позднего времени (исторической эпохи самостоятельного развития отдельных славянских идиомов) фигурирует лексика самых разных языков.

В южнославянском ареале:

а) лексика германского происхождения, просочившаяся в говоры сербско-хорватского и словенского языков как вследствие их древнего тесного соседства с германскими диалектами Австрии, так и вследствие позднейшего вхождения анклавов славянской речи этого региона в состав Австро-Венгерской империи;

б) унгаризмы (венгерские элементы), попавшие в диалекты Сербии и Хорватии, Словении после прихода в Подунавье племен угров, основавших здесь своё государство, позднее ставшее частью Австро-Венгрии, в состав которой вошла значительная часть территории распространения западной подгруппы южнославянских языков ⁷;

в) романизмы, в основном, сосредоточенные в говорах сербского (Далмация и прилегающие острова Адриатического моря, остров Крк, р-н Дубровника, Истра), болгарского и македонского языков; это как субстратная лексика, перенятая южными славянами из речи населения колоний Рима, говоривших на местных вариантах народной латыни, так и более поздняя румынская лексика; в хорватских говорах и словенском регистрируются многочисленные заимствования из сопредельного итальянского (ср., например, хорв. диал. *školi* < итал. *scoglio*; *gète*, *gètā* 'доколенницы из шерсти' < итал. *ghette*; *verđinela* 'девица, девочка' < итал. *verginella*; *salàsat*, *-ām* 'пускать кровь (кому-то)' < итал. *salassare* и др., некоторые из которых подверглись топонимизации в славянской речи, как итал. (венетское) *quadron* 'большой четырехугол' > хорв. *Kvadrún* — местное географическое название; итал. *torrione* > *Torijun* — местность выше Коменного на пути к Црквице) ⁸;

г) турцизмы, волна которых хлынула в сербские, боснийские, болгарские и македонские диалекты после экспансии на Балканы и соседние регионы турок, завоевавших эти славянские народы и создавших здесь Османскую империю (схв. *konačiti*, *konakovati*, XVIII в. 'переночевать' (плюс целое гнездо производных) < тур. *kònak* 'место ночлега; квартира'; болг. *кондисвам*, *конушитисвам*,

схв. *koništisati(se)*, praes. *-išēm* 'быть в соседских, дружеских отношениях', (Босния) *konuslisati* < тур. *kop-uş-tak* 'приобрести соседа, войти в дружбу')⁹;

д) элементы греческого словаря, проникавшие в указанные языки в разное время на протяжении всего периода их контактов с говорами греческого;

е) албанизмы, непосредственно заимствовавшиеся в сербские говоры Черногории, косово-метохийские, призренские, диалекты Македонии (далее мигрировали в болгарские) разного времени.

Большей частью эти заимствования объединяются в такие тематические группы, как «домашнее хозяйство», «кулинария», «социальные отношения», «административные термины», «географическая терминология», отдельные из них проникали в различные терминологические системы славянских языков. Сведения о них можно найти в любом из этимологических словарей упомянутых идиомов.

В западнославянском ареале:

а) элементы немецкого словаря, инфильтрировавшиеся в словацкие, чешские, польские, кашубские диалекты из соседних австрийских и германских территорий, а также в языки лужицких сербов, полабских славян, в условиях тесных длительных контактов с немецким населением попавших под сильное влияние его речи;

б) балтизмы, характерные для польско-литовского пограничья, представлены литовскими и древнепрусскими лексемами;

в) венгерская лексика в словацком ареале;

г) восточнороманские элементы содержат диалекты польского, чешского и словацкого языков.

В восточнославянском ареале:

а) древнескандинавские (древнесеверногерманские) заимствования древнерусского периода VIII—IX вв. н. э., отображающие старые торговые и политические отношения славян с германцами, ведение совместных боевых действий (использование наемных варяжских дружин в военных походах древних русов), ср.: *варягъ* < д.-сканд. **váringr* (< *vár* 'верность, порука, обет', т. е. 'союзники, чле-

ны корпорации'), *тичигъ* 'управляющий, казначей князя' < д.-исл. *þjópp* 'слуга'; *яведникъ, яветъникъ, лветникъ* 'должностное лицо, судья' < д.-сканд. *embÆtti* 'служба, должность'; *стод* 'идол' < д.-сканд. ж. *stod* 'столб, колонна' и др.¹⁰ В период правления Петра I из северной группы германских языков, а также из немецкого в русский словарь попали термины кораблестроения, названия частей оснастки, морского промысла.

б) Балтизмы (литуанизмы) фиксируются в говорах белорусского языка, откуда они в дальнейшем попадали в контактные русские и украинские идиомы; в этом же ареале функционируют и старые заимствования из балтийских языков, проникшие в восточнославянский в древнерусскую эпоху.

в) Тюркизмы — относительно поздний многочисленный класс заимствований в восточнославянских языках, попавший практически во все наречия русского, украинского и белорусского (терминология коневодства, некоторые названия холодного оружия, цветообозначения, кулинарные термины, географическая терминология). Наибольшее их количество регистрируется в русских говорах. Это лексемы татарского (район инфильтрации — вся территория течения Волги и смежных ареалов) и других тюркских языков (в том числе и ныне исчезнувших, субстратных, так называемых палеоазиатских) Сибири, Алтая, Урала, заимствованные в говоры русских переселенцев в период колонизации этих территорий. Здесь же функционирует большое число заимствований из языков других семей, ср., например, рус. сиб. *замба* 'мука из жареных хлебных зёрен, добавка в чай' < бур. *замбаа* 'т. с.'; якут. *заб* 'лодка, челн' ~ эвенк. *заб* 'лодка-берестянка' и т. п.¹¹ В украинском данная группа заимствований представлена элементами крымскотатарского. Самый архаичный слой тюркской лексики в восточнославянском относится к древнерусской эпохе.

г) Заимствования из западнофинской подгруппы финской ветви финно-угорской языковой семьи имеют старую хронологию. Ареал их распространения — исторические Новгородская и Псковская земли, район Мещеры, территория современной Карелии и прилегающих областей, достаточно давно освоенных русским этносом (ср. такой географический термин как диал. *ра́да* 'болотистое низменное

место, иногда покрытое хвойным лесом, зарослью', распространенный в новгородских, сибирских, олонедцких и архангельских говорах и заимствованный из источника вроде карел. *geädä*, фин. *räätä* 'елово-сосновый лес' и др. ¹²).

д) Венгерские, румынские и молдавские лексические элементы имеют привязку к украинскому языковому ареалу, будучи распространены в Закарпатье (унгаризмы, румынские элементы), говорах Буковины, Коломые, Вижницы (румынизмы, молдаванизмы, иногда достаточно старые, ср., например (в грамоте 1490 г.), обозначение племянницы в украинских говорах Буковины *нэп'йт* < молд. *непóт* 'племянник, внук'; о его исконном романском характере говорит то, что оно продолжает латинскую форму аккузатива *peros* (accus. *perotem*) 'внук, племянник' ¹³), говорах Одесской и Винницкой областей (заимствования из молдавского). В диалекты Закарпатья в разное время попадали слова из других индоевропейских и неиндоевропейских языков, что было связано с активными этническими передвижениями внутри карпато-балканского ареала ¹⁴.

Таким образом, ареалами с наиболее интенсивными и достаточно длительными контактами славян с носителями языков других групп индоевропейской и неиндоевропейской семей являются Карпаты, Балканы и азиатская часть бывшего СССР. Для обозначения языковой ситуации в первых двух регионах существуют термины «балканский языковой союз» и «карпатский языковой союз». В рамках последнего функционируют лексемы-карпатизмы, т. е. ряд слов, которые за границами карпатской зоны не регистрируются (если не считать диалектных ареалов, прилегающих к территории Карпат, а также мигрирующих заимствований из языков этого ареала). К ним относятся как славянские, так и неславянские (усвоены и славянским) лексемы, бытующие только в языках карпатского ареала (пастушеская терминология, терминология обработки молока, терминология горного ландшафта, лесосплава, лесного дела, лексика обрядов, терминология родства) ¹⁵.

Помимо заимствований, проникавших в славянские диалекты из других языков путем непосредственных контактов, славянский словарь исторической эпохи позднего времени постоянно пополнялся за

счет книжных заимствований из средневековой латыни, итальянского, испанского, французского, немецкого, английского и нидерландского (голландского). Кроме инфильтраций из неславянского в славянский, в разные периоды развития отдельных славянских языков осуществлялись заимствования внутри славянской диалектной зоны, ср.: укр. *lánva* 'прут или веревка, которыми штельвага прикрепляется к оси' < пол. *łanwa* 'штельвага'; укр. *máйтки* 'женские панталонны', блр. *máйткі* 'мужские штаны' < пол. *máйткі* 'трусы, панталоны; мужские штаны; матросские штаны' (< *máйтек* 'матрос'); блр. *брóніць* 'охранять, запрещать', ст.-блр. *бронити* 'охранять, оборонять' < пол. *bronić*; в.-луж. *měškać so* 'медлить, мешкать', н.-луж. стар. *měškaś* 'мешать, препятствовать' < чеш. *měškati* 'задерживать, мешать, медлить'; слвц. диал. *kučka* 'домик' — из украинского (ср. *č* вместо *s* < *tj*, а также исключительно восточнословацкий ареал распространения, контактный с украинскими говорами)¹⁶ и многие другие.

Поиски источника заимствования иногда выводят на передаточные «цепочки», т. е. на ряд языков, через посредничество которых какое-либо слово проникало в славянский словарь. К примеру, заимствование из албанского не всегда осуществлялось непосредственно по схеме «албанский > славянский»: масса лексем попала в славянский (карпатские диалекты) из албанского через восточнороманские языки (молдавский, румынский), ср. слав. ⁺*Zama* (: пол. *dziama*, укр. *дзяма*) < рум. *ze(a)ta*, молд. *замэ* < алб. *dhjatë* 'жир, сало'; слав. *urda* (: укр. *урда*, *вурда*, а также в польском, чешском, словацком, болгарском) < рум. *urda*, молд. *урдэ* < р.-алб. **urda* и др.¹⁷ В русские новгородские говоры слово *дáвись* 'одногодок' пришло из иранского (осет. *dalis/dalys* 'годовалый барашек' < ир. **dāriša-*) через коми **davis* (со свойственным севернопермяцкому переходом *l > v*; осетино-пермские лексические связи — явление доказанное)¹⁸. В украинский словарь германизмы, преимущественно, попадали опосредовано через польский язык. Аналогично и с заимствованиями в праславянские диалекты: в частности, некоторые из латинских лексем вошли сюда через посредство германского (ср. псл. **kotylъ* 'котёл' < гот. **katils* или **katilus* < лат. *cafillus* 'блюдо, миска')¹⁹.

Особо стоит отметить такой вид заимствований как кальки — поморфемный перевод какого-либо иностранного слова или возникновение у исконного слова нового, переносного значения под влиянием иноязычной лексемы: рус. *земледелие* — буквальный перевод лат. *agricultura*; *местоимение* — лат. *pro potest* 'вместо имени', *восприятие* — нем. *Auffassung*; ст.-сл. *въноушити* 'внушить', буквально передающее с.-гр. *ἐνωτίζειν* (глагол, образованный на основе конструкции «предлог + имя», членится на *ἐν* 'в' и *οὔς*, *ὠτός* 'ухо') и др.²⁰ Большое количество калек имеется в лужицких языках, подвергшихся сильному влиянию немецкого: *gnilc*, *gnilej*, *gnilica* = нем. *Faulpelz*; *górejbraś* = нем. *aufnehmen*; *hobejs* = нем. *begehen* и др.²¹

3. Обратные заимствования представляют собой инфильтрацию в славянские диалекты слов из неславянских языков, где эти лексемы сами в свою очередь ранее были заимствованы из славянского. В частности, например, своеобразие контактов сербохорватского с венгерским заключается именно в таком специфическом явлении, как обратные заимствования в сербохорватские диалекты венгерских слов славянского происхождения. Т. е. славянские лексемы, переоформившись в венгерской речи по законам чужой артикуляции, уже в новом фонетическом облике и с несколько измененным значением были вторично заимствованы в сербохорватский язык, ср.: *akov* 'ведро', *astal* 'стол', *balvan* 'идол', *bereg* 'болото', *bolond* 'сумасшедший', *čorda* 'стадо', *kormanj* 'руль, кормило', *cikla* 'свекла' и др., причем это массовое явление. В. Э. Орел подчеркивает, что в сходных ситуациях тесных языковых контактов (например, албано-южнославянского взаимодействия) не обнаруживается ничего подобного, что говорит о какой-то тонкой специфической черте местных славяно-венгерских языковых отношений, восходящей к древнему периоду²². Эта точка зрения нуждается в некотором уточнении. В частности, аналогичное явление имеет место в диалектном взаимодействии молдавского и славянского языков. При этом отдельные слова молдавского языка, будучи ранее заимствованы из древних диалектов славян, ассимилированных пришлым романским населением (речь может идти и о направлении «болгарский» > «романский»), на

территории Буковины были усвоены носителями контактных украинских говоров, ср. молд. *sérák* ‘бедняк, неимущий; бедняга’ (< болг. *сирак* < ст.-сл. *сиракъ*) > укр. диал. *сарáка*; молд. *гражд* ‘конюшня’ (< болг. *гражд*) > укр. диал. *гра́жда* ‘конюшня’ и др.²³

Взаимодействие славянского с неславянским заключается не только в системе разнонаправленных заимствований из одного языка в другой. Близкие длительные отношения носителей различных идиомов на территории одного ареала приводили и к выработке общего для них лексического слоя, основанного на генетически близком строительном морфемном материале и сходных словообразовательных моделях. Ср.: псл. диал. **ni že edinъ / *ni že edьnъ* (: ст.-чеш. *nižádný* ‘ни один, никто’, пол. *niżadny* ‘ни один, никакой’ и др.), ареал которых (запад славянского мира) и способ усиления (частица **že* присоединена к сочетанию **ni edinъ / *ni edьnъ*) говорит о локальной инновации в условиях германо-славянской интерференции, ср. также усиленные энклитикой франк. *nig-ein*, д.-сакс. *nig-ēn* и др.²⁴; псл. **relva* (: рус. *полóва* ‘мякина’, ст.-сл. *рlуг. плáвы*) ~ ир. **rawa-* (: осет. *р’aræ, р’arwæ* ‘кожица, чешуя’) — скифо-славянская изолекса (и др.; см. далее)²⁵; псл. **veselъ* ‘веселый’ ~ лтш. *vęšels* ‘здоровый; целый, невредимый’, иллир. *Veselia Felicetas* — личное имя (Далмация) и т. п.²⁶

Совокупность такого рода схождения дает материал для восстановления целых пучков реликтовых изоглосс, наиболее старыми из которых выступают славяно-италийские изолексы, отражающие контакты славян с древнеиталийскими племенами: псл. **gospodь* ~ лат. *hospes/hospitis*, псл. **gověti* ~ лат. *favēre* (социально-религиозная терминология); псл. **strojiti* ~ лат. *struere* (если из **stroj-и-*; сфера домостроительства); псл. **pala voda* ~ лат. *pal-ūdes* (равнинная среда обитания с половодьями и заболачиванием); псл. **rojьto* (: рус. *поймо* ‘горсть колосьев’) ~ лат. *рōtum* ‘плод, фрукт’ (< **po-етот* ‘снятое, сорванное’); псл. **věniti* ~ лат. *uenīre*, псл. **věno dati* ~ иепит *dare, uendere*, псл. **věno* ~ лат. *uenit* и др.²⁷

8.1.2. Субстрат

Осваивая новые территории, славянские племена неизбежно сталкивались с местным населением, и если в ходе взаимодействия последнее ассимилировалось пришлым славянским этносом, остатки языка автохтонов входили в словарь языка-победителя на правах субстратной лексики, в основном состоящей из топонимии (географических названий). Поскольку многие из исчезнувших языков не имели своих систем письменности и не оставили после себя текстов, по которым можно было бы судить о их структуре и генетической принадлежности, единственное, что позволяет составить о них представление, это их ономастика, зафиксированная в письменных памятниках других народов либо же сохраненная в словаре этноса, вытеснившего или ассимилировавшего автохтонов.

Лингвисту, только начинающему практику в области славянской этимологии, на первых порах нужно знать хотябы общие сведения о языковой принадлежности и локализации субстрата в славянском ареале.

1. Для южнославянского засвидетельствован значительный слой греческого и романского ономастического субстрата. Граница области его распространения проходила приблизительно по центральной части Албании, начиная от Драча (гр. Δυρράχιον) и через Метохию, область Ниша, Софии (*Serdica*) сквозь современную Болгарию.

Греческий субстратный ингредиент остался только в Адриатическом приморье, но славянами он усвоен через романское посредство, т. е. в славянскую речь он попал уже в романской огласовке, т. к. до прихода славян здесь обосновались носители провинциальной латыни: серб. *Split* < *Splěť* < лат. **Spel(e)tu-m* < гр. Ἀσπλάθον; *Hvar* (современная форма — *For*) < ром. *Fara* < гр. Φάρος и др. Романский (латинский) ономастический субстрат широко распространен в западной подгруппе южнославянских языков (особенно на побережье Адриатики и близлежащих островах) и болгарском, ср.: слвн. *Oglej* < б.-ром. *Aquileia*, *Čedad* < ром. *Civitate-m* (итал. *Cividale*); схв. *Cavtat* < *Civitem*, *Polud* — местность возле Сплита = *palude-m*, на остро-

вах — *Kimr* = *campri-m*, *Košljun* = *castellione-m*, *Сумоморе* = *sancta Maria*; болг. *Лом* < лат. *Almus* и др.

Еще одной отличительной чертой южнославянского выступает наличие фракийского и иллирийского субстрата в топонимии: серб. *Тамиша* < фрак. *Τιμήσης*, *Ниша* < фрак. *Naissus*; болг. *Пловдив* < фрак. *Pulprideva*; слвн. *Venečija* < *Venezia* < иллир. *Venetia*; серб. *Тиват* < иллир. *Теуџиџ*, *Улиць* < иллир. *Облκίνιον* и др. Фракийский субстрат вообще сыграл выдающуюся роль в формировании балканского языкового союза. Относительно многочисленной иллирийской ономастики трудно сказать, в каких случаях древние славяне унаследовали её непосредственно от иллирийского населения, прийдя на его территорию, а когда через романское посредство²⁸.

2. Для западнославянского отмечается кельтский субстрат на территории современной Чехии, Южной Польши. В частности, к нему относится как само старое название Чехии *Bohemia*, так и название ряда рек, гор (ср. ороним *Pieniny* ~ кельт. *penpos* 'голова'). Присутствие кельтов в указанном ареале связано с миграцией галлов на восток от Карпат вследствие экспансии Римской империи, о чем уже давно говорили историки и археологи, кроме того, славяне во времена своих передвижений, отступая к северу на Вислу, увлекли с собой и кельтов²⁹.

3. Субстрат в восточнославянском это *indoarica* в Северном Причерноморье, а также в смежных ареалах и финский субстрат в северных русских диалектах. Первый представляет собой остатки одной из ранних форм диалектов индоарийского языка, находившегося на стадии, приближенной к праиндоиранскому состоянию и засвидетельствованной по древнегреческим документам. Часть этой реликтовой топонимии дошла до нашего времени в тюркской (татарской) огласовке: *Оу́кроу́х* — река на восточном побережье Черного моря < индоар. **kṛka-* / **kṛśa-* 'горло, горловина'; *Манаготра* — река в Крыму < индоар. **mana-gotra-* 'род Манаса'?, *Μαράβιος* < индоар. **mar-ab-* 'мертвая река/вода' и т. п.³⁰

Второй сохранился в виде апеллятивных заимствований в говоры русских переселенцев, а также в виде географических названий, ср.:

Бело́зеро — озеро к востоку от Новгорода, являющееся калькой субстратного вепс. *Väuktaŗ*, фин. *Valkea Järvi* (буквально — ‘белое озеро’); *Воло́гда* — город и река < вепс. *Väüged* (< *valkeða), фин. *valkea* ‘белый’ и т. п. (т. е. ‘белый город’); *Се́рдоболь* — город у Ладожского озера < фин. *Sortavala* (формальные смещения возникли из-за сближения ойконима с прилагательным *сердобольный*) и др.³¹

8.1.3. Славянский лексический ингредиент в неславянских языках

1. Славянские заимствования и субстрат (о последнем см. далее) в других языках, во-первых, позволяют восстановить утраченные элементы славянского словаря: то, что по каким-либо причинам вышло из употребления или было потеряно в славянском, сохранялось в консервирующей среде заимствующего языка в виде лексических «окаменелостей». Ценность их тем выше, что они сохраняют чужое слово в той форме, какую оно имело в момент заимствования, т. е. фактически отражают определенные фонетические черты того или иного периода в развитии славянского. При снятии фонетических, словообразовательных и грамматических наслоений заимствующей среды мы получаем первоначальный облик славянской лексемы.

Во-вторых, они дают возможность составить представление о степени культурного влияния славянского на контактные языки и в итоге о его роли в языковой ситуации в древней Европе, на Балканах и сопредельных территориях, затронутых славянскими передвижениями.

Примеры для реконструкции исчезнувших славянских слов по данным заимствований предоставляют иранский (ср. осет. *р’æпæз* ‘тесло’ (топорик с лезвием, перпендикулярным к топоричу) < несохранившегося слав. *ро-пожь или *ро-поза ~ рус. *ножь*, *за-ноза* и т. п.)³², албанский, ср. албанские славизмы: *dobë* ‘слабый’ < слав. *dobъ (в южнославянском не засвидетельствовано, а свойственно восточнославянскому, ср. рус. диал. *добой*, *доб* ‘хороший, хорош’), *gamis* ‘лять’ < слав. *gamiti (только в восточнославянском, ср. с другим тематическим вокализмом рус. диал. курск. *гаметь* ‘громко лаять

(о собаках)'), *triskĕ* 'кусок дерева, стружки' < псл. *trěska (основное значение 'щепка'), не засвидетельствованное в южнославянском, но распространенное в западно- и восточнославянском и др.³³ Однако вопрос в данном случае не только в том, чтобы на основе заимствований восстановить вышедшую из употребления архаическую часть славянского словаря. Действительно, среди этих славизмов есть те, что были инфильтрированы в албанский из древних южнославянских диалектов, в которых позднее были утрачены (если были утрачены, т. к. новые лексикографические источники могут восполнить пробелы в представлении о составе южнославянского диалектного словаря). Но ведь вопрос может быть поставлен и по-другому: часть этих слов могла быть заимствована в раннепраславянский период не из диалектов, ставших основой южнославянских языков, а из говоров, послуживших основой для формирования западно- и восточнославянских. Т. е. эти заимствования отражают очень древний уровень славяно-албанских контактов, имевших место во времена передвижений славян в границах Балканского полуострова. Исследования в этой области открывают широкую перспективу для воссоздания праславянской диалектной карты.

Примерами, когда заимствования из славянских диалектов в неславянских языках консервируют древнейший облик славянских форм, являются лексемы, попавшие в греческий во времена экспансии славян на Балканы: *γκριντέλλι* < *grĕdelb (ткаческий термин), *γρεντά* < *grĕda 'гряда' (топографический термин), *σάλμα* < *solma 'солома' и т. п.³⁴ Как видим, наличие в записанных греческим алфавитом словах сочетаний графем *-ιντέ-* / *-εντ-* говорит об отражении ими праславянского носового *ę* со следующим за ним *d*, а за комбинацией *-άλ-* стоит дOMETATEЗНОЕ состояние типа *tolĭ*, свойственное раннепраславянскому.

2. От лингвистической традиции конца XIX начала XX вв. в наследство современной славянской этимологии досталась своеобразная методическая установка видеть в мало-мальски структурно темных словах заимствования из любых неславянских языков или же опять-таки неславянский субстрат. Этим индоевропейское языкоз-

вание обязано старым концепциям, отрицавшим самобытность славянского и провозглашавшим его как результат развития какой-то ветви балтийского или как продукт «скрещення» иранского с разными языками. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, исходя из тезиса о «неполноценности» славянского и «отсутствия» каких-то заметных следов его влияния на другие языки, исследователи путем этимологического анализа пытались отыскать доказательства этим концепциям. Отсюда и соответствующие выводы о природе того или иного слова. И хотя теперь эти идеи стали историей, и попытки вернуться к ним предпринимаются редко, все же стремление на основе поверхностного (а иногда и просто некомпетентного) анализа объяснить непонятное исследователю славянское слово как неславянское имеют место. То же и в случае со старыми этимологиями: часто довольно хорошо обоснованные новые версии славянского генезиса лексем, ранее считавшихся заимствованными, встречаются резкую, не подтвержденную конкретными доказательствами критику или же просто игнорируются. Более того, часто материал, к которому при этом апеллируют, сам славянского происхождения. Аналогично и со славянскими заимствованиями в неславянских языках: ссылаясь на «незначительность» влияния славян на другие народы, некоторые авторы отрицают славянские заимствования в других языках. И дело даже не в том, что «ревнители» старых этимологий не допускают возможности проникновения славянских лексем в неславянские идиомы: для них заимствования существуют вообще, в теории, но на практике (кроме явных случаев) всегда предпочтительнее обойти утверждение о славянском характере того или иного слова. Увы, такая позиция часто воспринимается как *argumentum ad hominem* и создает у лингвистов, делающих только первые шаги в этимологии, подспудное стремление действовать аналогичным образом, не задумываясь о системе доказательств.

Роль, сыгранная славянскими языками в становлении этно-лингвистической ситуации Европы, карпато-балканского ареала, Волжско-Окского междуречья, на Дону значительна. Выдающийся хорватский этимолог П. Скок в одной из своих последних работ подчеркнул, что «славяне внесли изменение в словарный состав малых

восточных народов от Балтики на севере и до Греции на юге почти в той же мере, как и франки на западе. Если франки изменили западноевропейскую лексику, то о славянах можно сказать, что они изменили восточноевропейскую лексику почти в том же объеме»³⁵. Достаточно привести лишь некоторые данные, чтобы представить себе весь масштаб влияния славянских диалектов на их окружение.

а) На Балканах степень воздействия славянского на местные языки определяется, например, значительным пластом заимствований из него (и из диалектов провинциальной латыни) в албанский. Кроме влияния на словарь албанского языка, славянский внёс определённый вклад в развитие албанского словообразования, ср.: влияние славянской модели с суффиксом *-ina* на албанскую модель с элементом *-n-*; модели с формантом *-ьka* на алб. **-ka-s* (> н.-алб. *-k*) и **-a-ka-s* (> н.-алб. *-ak*)³⁶.

Славянская лексика проникла в греческие диалекты (ср. приведенные выше примеры, а также *πλούκι* < слав. **plugъ* 'плуг'; *ροῦντο* < слав. **ruda* 'руда'; *κόσα* < слав. **kosa* 'коса'; *σίτα* < слав. **sito* 'сито' и т. п.), фулланские говоры Треста и собственно Фурлании (: *zmoch* < слав. **stokъ* 'сливки'; *sciba* < слав. **šiba*; *graja* 'ограда' < кайк., чак. *graja*, с.-шток. *graђa*; *pustòl(e)* 'необработанная земля' < слав. **rustota*; *supela* 'разновидность свирели' из источника типа слвн. *sopela*, схв. *copile* и т. п.; *matavilz* < слав. **motovilce* 'мотовило'; *calusa* 'лужа, озеро, болото' < схв. *kaľuža*; *smola* < слав. **smola* 'смола'; *cische* 'шишки', ср. схв. (у В.С. Караджича) *plug. шишке* и др.)³⁷.

Особо следует остановиться на румынском. Известный румынский ученый XX в., профессор Бухарестского университета Ал. Росетти считал, что «история славянского языка на территории Румынии — одна из существенных глав истории румынского языка». С его точки зрения, валахи и молдаване сформировались на основе различных этнических элементов, среди которых славянскому принадлежит одно из первых мест. Современные Валахия и Молдавия были территорией, изначально заселенной славянами, которые через стадию двуязычия постепенно перешли на романский (румынский) язык, привнеся в него многочисленные особенности своего родного языка³⁸. Ойконимия Румынии в значительной степени основывает-

ся на субстратной славянской топонимии, фонетически приспособленной к особенностям языка, усвоившего её романского населения: *Crasna* (< *Красна), *Criva* (< *Крива), *Drănic* (< *Дъраникъ), *Doba* (< *Доба), *Dobra* (< *Добра), *Dobrana* (< *Добрана), *Brezoi* (< *Бреза), *Negotir* (< *Негомир < *Нѣгомиръ), *Țîmpa* (< *Тъмьна) и множество других³⁹.

Славянский субстрат румынского языка представляет собой солидное количество славянских лексем для обозначения реалий самых различных сфер материальной культуры. В румынском словаре потому множество славянских терминов пчеловодства, земледелия, наименований злаков, что сами валахи, пастухи и охотники, не имели собственных языковых средств для обозначения круга соответствующих понятий в силу специфики своего жизненного уклада. Славянские названия для частей пахотных орудий и отдельных элементов сельского труда, т. е. «второстепенная терминология» (*padina* 'нижняя часть копны', *grindei* 'дышло плуга', *grinda* 'балка', *pla(plaz)* 'полоз у плуга', *razor* 'крайняя межа' и др.), при романских (латинских) наименованиях целого орудия или названия производственного процесса (*a ara (arare)*, *a samana (seminare)*, *par (parus)*, *perene (peru)* и т. п.) указывают на чрезвычайно глубокие корни славянства к северу от Дуная: наименования деталей всегда консервативнее и отражают больше старины, поскольку заимствовать у коренного населения важнейшую культурную терминологию для наименования главнейших орудий аграрной сферы всегда проще.

Влияние славянских диалектов (позднее ассимилированных) на румынский язык распространялось и на его словообразовательную систему (ср. вошедшие в румынский славянские суффиксы *-ън-ик-* (*sentelnic, statornic*), *-ьц-* (*-eț*), *-иц-* (*-ița*), *-ък-* (*-ca*), приставка *раз-* (*ros-*) и др.), а также на семантику исконно румынских (латинских) слов, которые под воздействием славянской лексики расширяли или сужали свое значение⁴⁰.

б) В карпатском и паннонском ареалах славянский оказал сильное воздействие на венгерский, проявившееся во многочисленных заимствованиях названий даже таких простых реалий, терминов родства и абстрактных понятий, как: *vedro* > венг. [*veder*] > *vödör*; слав. *čěvi*

› венг. [čew] › [čej̃], совр. *cső* ‘труба’; слав. *milostь* › ст.-венг. *miloszt* › *malaszt* ‘милость’; слав. *malina* › ст.-венг. *málna* ‘малина’; слав. *cer* › венг. *cser* ‘дуб’; слав. *svoboda/sloboda* › венг. *szabad* ‘свободный’; слав. *brat* › венг. *barát* ‘друг’; слав. *sreda* › венг. *szerda* ‘среда’⁴¹; слав. *gaty* › венг. *gát* ‘плотина, барьер’; слав. *gači* (< псл. *gatji ‘штаны’) › венг. *gatyá* ‘подштанники’, ‘полотняные брюки венгерских крестьян’; слав. *borona / brana* › венг. *borona* ‘борона’; слав. *za-vor* › венг. *zá-vár* ‘запор, засов, затвор’ и многие другие, пронизавшие все семантические сферы венгерского словарного состава⁴². Кроме того, в венгерском отмечаются не только очевидные лексические заимствования из славянского, но и венгерские кальки со славянских слов типа венг. *dolog* ‘работа’, которое приобрело значение ‘вещь, предмет’ под влиянием лексемы вроде болг. *работа* ‘работа’, ‘вещь’ и др.⁴³ Все это свидетельствует о чрезвычайно мощном культурном влиянии славянских языков карпато-балканского ареала на диалекты пришлого венгерского этноса.

в) Лингвистические и археологические данные показывают, что древние восточные славяне (в первую очередь вятичи) были на Дону уже в VI–VII вв. Где-то с середины VII в. начались маргинальные древневенгерско-восточнославянские языковые отношения, продолжавшиеся до конца IX в. Т. е. речь идет о периферийном языковом взаимодействии славян с угорскими племенами, которое надолго определило контакты этих народов на территории Карпат и Паннонии. Результатом этих контактов стали многочисленные лексические заимствования из славянского в древневенгерский в области терминологии земледелия, рыболовецкого промысла и др., ср., например, венг. *lésza* при д.-рус. *лѣса* ‘леска’, венг. *kotec* при д.-рус. *котѣць* ‘часть ставной рыболовной мережи’, венг. *zsir* ~ *sir* при д.-рус. *жиръ* ‘жир’ и т. п.⁴⁴

г) Ситуация, схожая с воздействием славянского на венгерский, наблюдается и в случае с контактами русскоязычного населения с представителями западнофинской группы языков, конкретнее — с карельским. Заимствования как отражение культурного влияния наилучшим образом и, очевидно, наиболее полно представлены в фольклоре, в частности, в загадках, которые концентрируют информа-

цию о быте этносов. Даже поверхностная выборка русских лексем из текстов карельских народных загадок отображает картину воздействия русского на язык карелов. Здесь приводится лишь небольшая часть из длинного их списка: карел. *tuatinča* 'матица', *rappi* 'поп', *sata* 'сто', *čelovannikka* 'целовальник', *kabakka* 'кабак', *stola* 'стол', *suapkan* 'шапка', *škammi* 'скамья', *posteli* 'постель', *samoviara* 'самовар', *kauha* 'ковш', *kesseli* 'кошель', *jäiččä* 'яйцо', *suola* 'соль', *kiisseli* 'кисель', *melliččä* 'мельница', *siрпи/čirppi(i)* 'серп', *kuota* 'кума', *harakka* 'сорока', *pruašnikka* 'праздник', *si'oklu* 'стекло', *päčči* 'печь', *luzikat* 'ложки', *tahtas* 'тесто', (диал.) *värtin* 'веретено, прясло' и др.⁴⁵

Общение славян (правильнее было бы сказать прото- и праславян) с финно-угорским этносом имело место и в гораздо более раннюю эпоху. Дело в том, что, по данным археологии, финно-угорские племена вошли в соприкосновение с индоевропейским населением в области Волжско-Окского междуречья и восточнее его в VI тысячелетии до н. э. Часть этого населения составляли носители праславянских диалектов на их ранней стадии развития. Впоследствии, до V в. н. э. славянский элемент этой территории был полностью ассимилирован (мерянизирован) пришлым финно-угорским потоком, поэтому V в. н. э. является наиболее поздним возможным временем сохранения праславянского языка в указанном ареале. Праславянский лексический субстрат языков финской группы представлен такими единицами, как: псл. **sedmь*, **sedmъjь* (: мар. *шым(ыт)*, коми *Э, П сизим* и т. п. 'семь'), **dъbъ* 'дуб (*Quercus*)' (: фин., карел., ижор., вод., эст. *tamm*, морд. *Э, М тумо*, мар. *Г тум* и др.), псл. **ezero* (: фин., карел., ижор. *järvі*, эст. *järv*, мар. *ер*, мар. *Г йяр* и др., восходящие к **jāyera(-ā)* как отражение псл. **ezero*) и др.⁴⁶

д) Германский тоже имеет в своем словаре определенный процент славянских слов, инфильтрировавшихся в разное время. Прежде всего, это заимствования древнейшего периода контактов славянских племен с германскими, ср. д.-исл. *soðull*, д.-англ. *sadol*, *sædel*, англ. *saddle*, д.-в.-нем. *satul*, нем. *Sattel*, швед., дат. *sadel* < псл. **sědlo*. Множество заимствований проникло в древнейший период развития шведского языка: швед. *torg* 'рынок, площадь' < слав. *tъrgъ*; *gräns* 'граница' < слав. *granь*; *lodja* 'ладья, барка' < слав. *ladьja*

(< псл. *oldьja); *prām* ‘паром’ < слав. *promъ* (< псл. *portъ); *lave* ‘широкая скамья, лавка, полати’ < слав. *lav(ъk)a*; *tolk* ‘переводчик, толмач’ < слав. *tolkъ*; возможно, *plog* ‘плуг’ < слав. *plugъ*; некоторые лексемы попали в готский словарь: гот. *plinsjan* < слав. *plęsati (: ст.-сл. *плѣсати*, рус. *плѣсать*); *dulgs* < слав. *dъlgъjъ ‘долгий’; *siponeis* < слав. *ъранъ (вариант к *ъранъ) — титул; *plats* ‘заплата’ < слав. *platъ и др.⁴⁷ Завершая этот краткий обзор славянских элементов германского словаря, приведем слова С. Б. Бернштейна, утверждавшего, что «не сохранились те германские языки (восточногерманские), которые оказали наибольшее влияние на праславянский и которые, в этом не может быть никакого сомнения, сами содержали многочисленные славянские заимствования»⁴⁸.

8.2. Понятие диалектного членения праславянского языка

Исследования в области славянской этимологии теснейшим образом связаны с учением о диалектной дифференциации праславянского языка. Как и любой другой, язык славян дописьменной эпохи имел развитую диалектную структуру со сложной системой отношений между говорами, которая при снятии поздних фонетических инноваций и словообразовательных наращений архаичных основ просвечивает в лексико-грамматических каркасах письменно засвидетельствованных славянских языков. Если носители языка разбросаны на относительно большой территории, то с течением времени формируются территориальные разновидности этого языка (= диалекты), степень близости между которыми зависит от тесноты и регулярности культурных контактов⁴⁹. Длительные контакты славян в границах одного или нескольких смежных ареалов неизбежно должны были привести к формированию локальных диалектных групп (со своими специфическими чертами), распадавшихся после начала миграции какой-то части их носителей на другие территории, где язык переселенцев смешивался с языком местного славянского населения. Так, через сотни лет в разных уголках славянского мира в виде изолированных вкраплений всплывают следы старого диалектного соот-

ношения. Распад (славянских) диалектных образований происходил не только из-за переселения некоторых племен за пределы их первоначального местоположения, но и вследствие смешения их с волной нового славянского и неславянского элемента, изменявшего языковую ситуацию в конкретном ареале. Таким образом диалектная структура праславянского языка менялась неоднократно, поэтому нельзя реконструировать диалектное состояние для какой-то определенной эпохи. Можно лишь говорить об остатках диалектных связей и (в некоторых случаях) территории контактов для отдельных периодов праславянского.

Ключом к восстановлению приблизительных, общих контуров диалектной карты праславянского является инвентаризация сепаратных изоглосс (преимущественно, изолекс). В масштабах славянской зоны они объединяют отдельные, ареально разобщенные славянские языки, т. е. не имеющие общих границ и не имевшие контактов в историческую эпоху. Наличие в них общих элементов (при отсутствии чего-то подобного в других славянских языках) по ареальным причинам не может объясняться как результат заимствования⁵⁰. Поэтому вполне логичен вывод о том, что предки носителей тех языков, которые демонстрируют такие изоглоссы, в древности проживали на одной территории, принадлежа к одной диалектной группе (или контактирующим говорам).

Очень важным моментом при определении древней диалектной дифференциации славянского выступают архаичные изолексы, связывающие отдельные славянские языки с неславянскими (иранскими, балтийскими, кельтскими, италийскими). Если в каком-то одном или нескольких из славянских языков существует ряд древних лексем, имеющих близкие соответствия только вне славянского ареала, это может говорить о контактах части праславянских племен с неславянским языковым ингредиентом, части, а не всего славянства. Подобное состояние говорит о значительной раздробленности славянского ареала, поскольку в противном случае такие параллели присутствовали бы во всех славянских языках. Под лексическими соответствиями подразумевается общее славянско-несла-

вянское инновационное развитие или близость, основанная на древнем заимствовании из одного языка в другой⁵¹.

1. Южнославянский ареал так же, как и другие, помимо признаков, общих для всех славянских языков, имеет достаточно черт, обособивших его от остальных. Однако диалектные отношения праславянской эпохи были гораздо сложнее, о чем говорят некоторые детали, противопоставляющие внешние связи языков и диалектов в рамках самой южнославянской зоны. Так, внутри южнославянского выделяются узкие (эксклюзивные) болгаро-балтийские изоглоссы, т. е. другие языки этой группы ими не затронуты (: болг. *джуна* 'губа' ~ лит. *žaiūnos* 'жабры', болг. *драскам* 'царапать' ~ лит. *draskyti* 'царапать', 'рвать', болг. *гръздав* 'бугристый, шероховатый' ~ лит. *gruzdūs* 'рыхлый, ломкий' и др.)⁵². Ср. ещё обойденное этимологической лексикографией второй половины XX в. соответствие болг. *мламосъ*, *млямосъ* 'болезнь; название разных детских болезней, чаще всего болезнь, поражающая маленьких детей при перегревании на солнце, запаривании, а также, когда грудной ребенок сосал «горячее» молоко у больной матери' (< псл. *molm-osъ) ~ лит. *malmū*, *melmū* 'почечный камень', лтш. *melmeņi* 'крестец, бедро', усмотренное еще Э. Бернекером. Сюда же и болг. диал. *мр'ѣга* 'утренние и вечерние испарения в хорошую погоду' ~ лтш. *mērga* 'изморось'⁵³. И, наоборот, имеется ряд изолированных сербохорватско-балтийских изолексов (иногда со словенскими и другими параллелями), ср.: схв. диал. *глада* 'пастушеская хижина из дерева, крытая корой' ~ лтш. *gālds* 'доска, стол'; *стѹга* 'полюй ствол дерева для хранения зерна' ~ лит. *stulgas* 'округлый, овальный'; схв. *птѹић* 'птенец', слвн. *ptič* 'птица' (рус.-ц.-слав. пѣтѹишть 'птенец, детеныш') ~ лит. *putytis* 'цыпленок'; схв. *вѹчић*, слвн. *vōlčič* ~ лит. *vilkytis* 'волчонок' и др.

Наконец, в южнославянском присутствуют лексемы, связывающие сербохорватский, словенский и болгарский языки с балтийскими, ср., например, схв. (стар.) *стѹбор*, слвн. *steber* 'столб', болг. *стѹбор* 'решетка, забор' ~ лит. *stābaras* 'сухой сук' и др.⁵⁴ Ради полноты списка точек зрения по данному вопросу сле-

дует отметить, что в одной из последних своих крупных работ О. Н. Трубачев, поддерживавший ранее идею о непосредственном содействии восточной части древнеюжнославянских и балтийских диалектов, изменил своё мнение, выдвинув тезис о вторичном отражении (заимствовании) соответствующих элементов субстратной фракийской лексики. Он говорит о контактной близости дакофракийского и балтийского без участия славянского ⁵⁵.

Теперь ср. сербохорватско-лужицкие изоглоссы (иногда с участием украинского): серб. *tjěрати* 'гнать' ~ в-луж. *ćěric*, н.-луж. *šěriš* 'т. с.' ⁵⁶ при укр. диал. (территория Закарпатья) *kip'ati* 'гнать', *kip'ati* 'быстро гнать', *kip'ati* 'т. с.' ⁵⁷ < псл. диал. **těr'ati* / **těriti* (как **děliti* / **děl'ati* > укр. *dil'iti* и *po-dil'iti*). Наличие анлаутного заднеязычного в украинских эквивалентах объясняется местным фонетическим процессом субституции этимологического *t*- звуком *k*'- перед *i* < псл. *ě*, ср. диал. *kisn'ij* 'тесный', *kisto* 'тесто' ⁵⁸ < **těsknъ*, **těsto*.

Словенско-западнославянские изоглоссы. Этот тип соответствий интересен, в первую очередь, архаичными сепаратными словенско-словацкими изолексами (слвн. диал. *prečsek* 'нож для деревьев' ~ слвц. диал. *prétos* 'бревно под воротами амбара' ⁵⁹, слвн. *pleh* ~ слвц. *pleh* 'край юбки' (см. ниже) и т. п.). Кроме них, существует совокупность параллелей, связывающих словенский не только со среднесловацкими говорами, но и с диалектами других западнославянских языков ⁶⁰.

Замечательной особенностью некоторых из словенских диалектов (говоры Резии, Толмина, Зильской долины) является функционирование в них приставки *vu-* (зильск. *videlati*, резьян. *viležaj* 'восход; весна') при типичном, общем для южных славян (исключение — северно- и западночакавские говоры сербохорватского, где имеет место ограниченное употребление *vu-*, что может объясняться как результат многократного смешения славянских диалектов, составивших основу современных южнославянских языков) его корреляте *iz-*. Последнее связывает словенский с чешским и словацким, для которых нормой является как раз употребление префикса *vu-* ⁶¹.

Помимо указанных лексических и словообразовательных черт, объединяющих отдельные словенские говоры с языками западнославянской зоны, есть и фонетические, и основная — сохранение праславянского сочетания *dl* в диалектах словенского (при том, что в южнославянских языках оно повсеместно рано подверглось упрощению в *l*): слвн. диал. *bídle, vídle; mēčídle, učídle* ‘луг, поросший мхом’ (при общеупотребительном *močilo / močila*), *Močidlo* — ойконим; каринт. *kriđuo* ‘крыло’ (литературное *krilo*) < псл. **krydlo*; стар. *Du(d)lieb* — местность в западной Каринтии < **dudlěbъ* ⁶². По словам М. Л. Гринберга, консервация сочетаний *tl, dl* в словенских северо-западных диалектах — архаическое явление, относящееся ко времени, когда словенские племена еще не утратили контакта с западными славянами, т. е. до венгерского вторжения ⁶³. Т. е. сохранность указанной фонетической особенности в древнесловенских говорах поддерживалась тесным общением их носителей с носителями западнославянских диалектов, в которых она была нормой. После того же, как между ними вошел венгерский «клин», это общение прекратилось, и слова с *tl, dl* были вытеснены на периферию словенского ареала, заменившись лексикой, демонстрирующей общее для южнославянского упрощение в *l*. Еще одна особенность, указывающая на реликтовые диалектные связи словенского и западнославянского — наличие в тех же словенских говорах лексем с сочетанием *tlot* (< *tolt*) вместо ожидаемого южнославянского *tlat*: слвн. диал. *bwó:ta* ‘луг, поросший мхом’ при параллельном употреблении типично южнославянского *bwá:ta* ‘т. с.’ (< псл. **bolto*) ⁶⁴.

Такая же ситуация обнаруживается в диалектных рефлексах форм с начальным псл. **ort-*, ср. слвн. *rôbota* (наряду с нормативным *râbota*). Прав Х. Шустер-Шевц, полагающий, что это старые параллельные образования южнославянского. Точка зрения, в соответствии с которой формы с *o* — результат позднейшего западнославянского влияния, а сами эти лексемы занесены на Балканы и смежные славянские ареалы учениками Кирилла и Мефодия, не выдерживает проверки, во всяком случае, относительно словенского. Дело в том, что на него не распространялось сколько-нибудь существенное влияние со стороны моравского церковнославянского языка:

христианство, с которым к словенцам пришла письменная (литературная) культура, выступило здесь в своей латиноязычной ипостаси. Фрейзингенские отрывки (латинский манускрипт), представляющие собой фрагмент службы, переведенной с моравского церковнославянского языка на древнесловенский и несущие в себе некоторые западнославянские фонетические вкрапления, не могут говорить о регулярности проникновения моравских (западных) элементов на -о- в местную речь в древности: это следы попытки приобщить население к православию, а не хорошо поставленная церковная политика, при которой источником определенной лексики, грамматических конструкций и фонетических элементов действительно выступает профессиональная литература и проповеди. К тому же в архаичных диалектах болгарского тоже имеют место формы с о, никак не объяснимые моравским влиянием, ср. родоп. *локет* 'локоть', *lòkijǎ, lǔkijǎ* 'т. с.', *Лом* (не ожидаемое **Лам!*) — название реки, возникшее из псл. *Олтъ (фонетическая адаптация субстратного гидронима, фигурирующего в документах как лат. *Almus*, гр. *Αλμος*)⁶⁵. Это, вероятно, обусловлено тем, что в процессе формирования болгарского этноса и языка участвовали славянские племена, в речи которых *olt* реализовалось как *lot*.

2. Западнославянский ареал также неоднороден. Составляющие его языки сформировались на основе разных праславянских диалектов (или диалектных групп), перемешавшихся вследствие многочисленных миграций их носителей внутри собственно славянской зоны.

Серболужицкие языки в ряде случаев обнаруживают соответствия южнославянским и диалектам словацкого, а не соседним польскому и чешскому, ср. некоторые из них: а) соотношение -е- и -о- в формах дательного и местного падежей в корневых личном и возвратном местоимениях этих языков (в.-луж. *tebi, sebi*, н.-луж. *tebje, sebje*, ст.-сл. *теѣѣ, сеѣѣ*, слвц. диал. *tebe, sebe* при пол. *tobie, sobie*, чеш. *tobě, sobě*)⁶⁶; б) упрощение групп *tl, dl* в западных говорах нижнелужицкого и среднесловацкого диалекте (н.-луж. диал. *buliś* 'жить' при *bydliś, wity* 'вилы' при *widty*, слвц.

диал. *šilo, salo, tylo* при сохранении *dl* в причастиях *viedla, radla*); в) реализация в диалектах верхнелужицкого формулы *tort* как *trat* (а не только как нормативное *trot*): в.-луж. (*š*)*kraholc* ‘ястреб’ наряду с н.-луж. *krogul* ‘т. с.’; ср. ещё д.-луж. *Podegradiz*, 1313 г. (Дёбельн) и *Podegrodici*, 1151 г. (Тюрингия) — топонимы ⁶⁷ (< *Podъgordьсь) и др.

Древние связи серболужицкого и южнославянского проявляются и на уровне словообразования, ср. такую верхнелужицко-словенскую изоморфу, как в.-луж. *-ny(ć)* и слвн. *-ni(ti)* — глагольный формант (ср. в.-луж. *wjadnyć* ~ слвн. *veniti*, в.-луж. *hinyć* ~ слвн. *giniti* и др., сводимые к *vednǫti, *gybnǫti лишь условно), продолжающий особое псл. диал. *-nyti* < *-nǫ-* ⁶⁸ (однако не весь словенский ареал охвачен формами с *-ni(ti)*): в говорах Резии, восточной Штирии, Прекмурья функционируют глаголы с показателем *-no-*, ср. *zdinot, povzdignoti* ⁶⁹. Также и в лексическом отношении, ср. узкую верхнелужицко-словенскую изолексу: в.-луж. *zelić* < *zolić* ‘проклинать, ругаться’ наряду со слвн. диал. *zoliti* ‘т. с.’ ⁷⁰ (однако наличие в украинских диалектах *золіти* ‘грызть голову (о сварливой жене)’, а также деривата *назóла* ‘надоедливый, докучливый человек’ ⁷¹, имеющего явно отглагольный характер, несколько расширяет древний ареал псл. *(*na*)*zoliti*).

В качестве иллюстрации тезиса о древних сепаратных изоглоссах между лужицкими и другими славянскими языками ср., с одной стороны, н.-луж. *шова*, в.-луж. *шовка* ‘бабушка’ и, с другой, рус. диал. *вова* ‘страшное существо’, волог. *вова* ‘фантастическое существо, которым пугают детей, бука’ (относительно семантики ср. производные от псл. *baba, имеющие аналогичные значения), которые восходят к псл. диал. *ova ~ лат. *ava* ‘бабка’ (< и.-е. *ǫcā) ⁷².

В свое время О. Н. Трубачев обосновал точку зрения, согласно которой древние серболужицкие диалекты первоначально находились за границами западнославянского языкового пространства, о чем говорит отсутствие у них характерных для польского (в большей степени), чешского и словацкого лексических изоглосс, связывающих эти языки с иранскими ⁷³. Т. е. праславянские диалектные группировки, ставшие основой серболужицких языков, первоначально размещались вне ареала, на территории которого имели место древ-

ние контакты группы славянских племен (в будущем — поляков и чехов) с ираноязычным населением. Таким образом, многочисленные черты, относящие лужицкий к западнославянскому языковому типу, появились гораздо позднее вследствие теснейшего взаимодействия языков в западнославянском ареале и, возможно, возникновения в этой зоне древнего языкового союза.

Различия существуют и в границах самого лужицкого ареала. В частности, в нижнелужицком регистрируется ряд древних лексем, не имеющих параллелей не только в других славянских языках, но и в близкородственном верхнелужицком, ср., например, *sćęgor* ‘мачта’ < *stęgorъ при более распространенных *stežerъ / *stožerъ; *psiski* ‘поспешный, светливый; отвесный, крутой’ < *prěskъjъ при общеславянском *prěsknъjъ; *pulaś, pulaši* ‘приводить в движение, гнать’ < *pułati и др.⁷⁴ Кроме того, имеется круг архаичных лексем, объединяющих только нижнелужицкий с украинским и белорусским, а верхнелужицкий выпадает из этих соответствий: н.-луж. *róraś* ‘приводить в движение, приглашать, побуждать’ ~ укр. *póрати* ‘обрабатывать, убирать, ухаживать’; н.-луж. *wępkach* ‘на улице, снаружи’ ~ блр. *wónках* ‘вне, снаружи’, ст.-блр. *wонкахъ* и др.⁷⁵

Черты, ставящие польский язык в обособленное положение в западнославянской зоне, заключаются в том, что польский словарь, помимо древних диалектизмов, свойственных только ему, имеет узкий круг архаичной лексики, связывающий его с иранскими языками (polono-iranica). Лишь некоторые из таких лексем ограниченно функционируют в соседних чешском и (реже) словацком языках, что, с точки зрения О. Н. Трубочева, говорит о периферийности позиции чешского в отношении западнославянско-иранских лексических соответствий⁷⁶. Ниже приводятся несколько изоглосс указанного типа:

пол. *baczyć* ‘видеть, смотреть, замечать, наблюдать’ (укр. *бáчити* ‘видеть’, блр. *бáчыць* ‘т. с.’, слвц. диал. *báčiti se* заимствованы из польского) < псл. *ob-ačiti ‘видеть, смотреть, наблюдать, размышлять, быть осмотрительным’ ~ ир. **abi-āxšaya-* ‘видеть, наблюдать, оберегать, помнить’ (ср. авест. *raes. aiwya-xšaya-* ‘наблюдать’, ‘оберегать, блюсти’ и др.);

пол. *pan* ‘господин, хозяин, владелец’, чеш. *pán* ‘т. с.’, д.-чеш. *hrán*, словц. *pán* ‘господин, хозяин, барин’ (восточнославянское *pan* заимствовано из польского, в.-луж. *pan* — из чешского) < *gъpanъ ~ ир. **gu-rāna-*;

пол. *dbać* ‘стараться, заботиться, обращать внимание, уповать’, чеш. *dbáti* ‘заботиться, стараться, обращать внимание’, словц. *dbať* ‘заботиться о чем-либо, обращать внимание’ (укр. *дба́ти* ‘заботиться’ из польского) < *dъbati ~ авест. *dəbaēš* ‘враждовать, оскорблять, обижать’ и др. ⁷⁷

Существуют изоглоссы, связывающие словацкий (говоры, занимающие центральное положение) язык с южнославянскими (и в некоторых случаях с лужицкими) диалектами. В частности, это упрощение групп *tl, dl* (с.-словц. *omelo, šilo*), дательный и местный падежи местоимений *tebě, sebě* (при западнославянских *tobě, sobě*), реализация начальных сочетаний *ort-, olt-* > *rat-, lat-* (словц. *rázvora* при чеш. *rozvora*) и др., а также круг лексических соответствий (с.-словц. *stuža* ~ схв. чак. *stuža* ‘ремень’ < *sъtopg-ja при чеш. *stouha*, пол. *wstęga* < *vъztopga; словц. *pleh* ~ слвн. *pleh* ‘край юбки’; словц. *trčul’a* ‘зеленое растение *Herminium*’ ~ схв. *trčúľak* ‘висюлька, кисточка’ и др.).

Так же дело обстоит и с чешским, оперирующим небольшим количеством изолекс, которые имеют параллели только в южнославянском ареале: чеш. *Soudol* — топоним ~ схв. *Sudoľe*, слвн. (производное) *sčdolica* ‘небольшое углубление’, болг. *Сѣдоля* — топоним; чеш. *vitra* ‘жгут, прут’ ~ слвн. диал. *vitra* ‘прутья для плетения’, схв. диал. *vitra* ‘прутья для плетения решета’ и т. п. ⁷⁸

3. Восточнославянский ареал имеет свои специфические архаичные изоглоссы. Например, новгородский и псковский диалекты древнерусского языка, являвшиеся ветвями одного севернокривичского наречия, имели множество черт, роднящих их с западнославянскими языками, что обеспечивает их особый статус в восточнославянском континууме. К основным из них относятся: а) переход *y (ы)* > *и (у)* после губных согласных: д.-новг. *вѣдѣро* — ген. pl. к *выдра*, *Вудрино*, *Вудрицы* — топонимы, псков. *вудра́* ‘выдра’ ⁷⁹ (ср. аналогичную замену в провербе *vy-* > *vi-* в верхнелужицком); б) сохране-

ние праславянских *kv*, *gv* в позиции перед рефлексами *ě*, *i*, *ь* в севернокривичском: *квѣтъ* — ‘цвет’, *гвѣзда* — ‘звезда’ (ср. аналогичные рефлексы в западнославянских языках); в) отсутствие в древнепсковском упрощения групп *tl*, *dl* > *l*, эволюционировавших здесь в *kl*, *gl* (такое же развитие этих сочетаний наблюдается в польских и кашубских диалектах; в кашубском вообще рефлекс *dl* только как *gl*): *въсьглан* — ‘сели’, *сүстрѣкли* — ‘встретили’, *ѣгла*, *егль* — ‘ель’, *мочигло* — ‘болото’ и др. (наряду со стандартным изменением *tl*, *dl* > *l* в восточноновгородских говорах и наличием обоих типов рефлексов в древненовгородском койне).

В памятниках древненовгородской и древнепсковской письменности хватает архаичных, восходящих к позднепраславянскому периоду, явлений, принципиально отграничивающих эти идиомы от других древнерусских диалектов, о чем можно прочесть в не раз упомянутой книге А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект». Однако севернокривичский диалект имел ещё и одну грамматическую особенность, обособливающую его не только в масштабах восточной подгруппы славянских языков, но и в масштабах славянского вообще. Речь идет об особом, архаичном даже по меркам праславянского, окончании *-e* формы именительного падежа существительных мужского рода склонения на *-ō* (враче, коне, Иване, Дмитре и др.). Эта реликтовая флексия представлена только в указанном наречии. Все вышеперечисленное говорит о том, что «севернокривичский диалект и стандартный древнерусский сводятся к единому источнику не на правосточнославянском уровне, а на праславянском»⁸⁰, что, вероятно, следует понимать как квалификацию севернокривичского как продолжения особого праславянского диалектного формирования, вторично влившееся в правосточнославянский во времена образования древнерусских диалектов, как это было в случае с лужицким в отношении других западнославянских языков.

В украинских диалектах Карпат функционирует значительное число лексических элементов, для которых находятся параллели только в южнославянском (реже — в западнославянском) ареале. Белорусский, русский и некарпатские украинские говоры не имеют ничего подобного. В основном, это народная географическая номен-

клатура, терминология доения и обработки молочных продуктов, кулинарная терминология, терминология родства, пастушеская терминология плюс некоторые глаголы, наречия и предлоги: укр. *пересліп* ~ слвц. *príslop*, чеш. диал. *říslop*, д.-серб. (XIV в.) *prъslopъ* — общее название горной седловины; укр. *подіна* ~ схв. *пѡдина* — обозначение ровного места на склоне горы; укр. *суканіця*, слвц. *sukanica*, (с другим формантом) схв. *суканац* — название еды из кусочков теста; укр. *скáпати* ‘чахнуть, умирать’ ~ слвц. *škarati*, болг. *скáпа се*, схв. *скāпати* ‘т. с.’ и др. Это следствие древнего взаимодействия карпато-славянских диалектов ⁸¹.

К древним, очевидно, восходящим к позднепраславянскому периоду, диалектным различиям внутри восточнославянской зоны принадлежит более продвинутое фонетическое состояние презентных основ *мѡю*, *крѡю*, *вѡю*, *рѡю* в русском языке при архаичном — в украинском и белорусском, ср.: укр. *мію*, *крію*, *вію*, *рію*, блр. *мѡю*, *крѡю*, *рѡю* (< *myjo, *myti; *kryjo, *kryti; *vujjo, *vuti; *ryjo, *ryti). Однако и здесь ситуация не так однозначна, т. к. на территории некоторых русских диалектов (смоленских, брянских и в речи переселенцев, обосновавшихся в р-не современного Новосибирска) употребляется ограниченный круг лексем с *uj*: *помѡйница* ‘помойное ведро, лохань’, *помѡйня* ‘т. с.’, ср. укр. *Помѡйница* — река в бассейне Тиссы ⁸². В украинских же говорах Полесья, наоборот, фиксируются редкие случаи закрепления инновационного *oj*, ср.: *кроторѡй* ‘свежая куча вырытой кротом земли’ < *krъto-ryjъ, ср. ещё на территории Одесской области *вимѡйна* ‘небольшой ров, вымытый водой’ при *водоміи* ‘степной овраг’ ⁸³ < *vuj-ina, *vodo-myjъ.

К примерам старых узких изолексов, связывающих только два языка восточнославянской зоны, относятся случаи вроде псл. диал. *kъldovati, которое, кроме русского (ср. *колдовать* ‘заниматься колдовством’), регистрируется в изолированном от русской диалектной зоны буковинском говоре украинского языка, ср. *калдувати* ‘колдовать, заниматься колдовством’ ⁸⁴ (при распространенном нормативном *чаклувати* ‘т. с.’).

Ко всему прочему, чертой, размежевывающей восточнославянскую диалектную зону, является и наличие лексических параллелей между белорусским, украинским с одной стороны и нижнелужицким с другой, в то время как русский материал в кругу этих соответствий не представлен (см. выше). Более узким типом изоглосс выступают лексемы, связывающие только украинский с сербохорватским и лужицким (см. выше).

Существует круг лексем, которые функционируют в словаре только одного из славянских языков (они не представлены даже в соседних близкородственных), имея соответствия в одном или нескольких языках индоевропейской семьи. Причем эти соответствия не являются продуктом взаимодействия праславянского с другими языками. Они свидетельствуют о сохранении реликтовых узких диалектизмов, сформированных в ходе контактов в масштабах праиндоевропейского какой-то части раннепраславянских (протославянских) диалектов с носителями диалектов, позднее ставших основой других индоевропейских языков. Например, такое привычное носителям русского языка слово как *дрын* (< *drynъ), по существу, представляет собой индоевропейский архаизм **drūno-* < и.-е. **drū-* 'дерево' ~ д.-инд. *drupa-* 'лук', перс. *durūna* 'лук; радуга'⁸⁵. Далее ср.: блр. диал. *nétauць* 'бить, колотить' < *petati ~ лат. *petō, -ere* 'набрасываться, стремиться, желать'; блр. диал. *паши́ак* 'род червей, находящихся у лошадей в заднепроходной кишке' < *postjakъ ~ и.-е. **post(i)-* 'после, сзади', ср. лит. *paščiūkai* 'жидкое пиво, брага'⁸⁶ (т. е. первоначально *'отходы, подонки, остающиеся после приготовления пива'); н.-луж. диал. *řeso* (ср. р.) 'толпа, шайка' < *řeso 'толпа' ~ прагерм. **reise-/reiza-*, **raisa-* (ср. д.-в.-нем. *reisa* 'отправление, выход')⁸⁷. Аналогичные примеры есть и в других славянских языках.

Все приведенные выше материалы лишь в общих чертах показывают сложность праславянской диалектной карты, фрагментарно отраженной в письменно засвидетельствованных славянских языках, формирование которых происходило путем многократного смешения праславянских диалектов в разное время на разных территориях.

¹ ЭССЯ. М., 1993. Вып. 18. С. 68–72.

² Эти постулаты в достаточной степени иллюстрируются материалом, приведенным в работе Р. М. Козловой «Некоторые аспекты методики выявления балтизмов в славянских языках» // *Balto-słowiańskie związki językowe*. Wrocław, 1999. S. 215–227.

³ ЭССЯ. М., 1994. Вып. 21. С. 216 (на с. 215 см. карту распространения этих форм).

⁴ Подробнее см.: Киш Л. О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов // *Этимология*. 1967. М., 1969. С. 68–70.

⁵ ЭССЯ. М., 1975. Вып. 2. С. 134; М., 1994. Вып. 21. С. 18, 81–82; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 98. Из литературы см. ещё Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // *Балто-славянские исследования*. 1982. М., 1983. С. 227–263. Впрочем, интерпретация украинского ономастического материала здесь как германского (с. 245) на сегодняшний день не выдерживает критики, поскольку имеются более убедительные его славянские этимологии.

⁶ ЭССЯ. М., 1974. Вып. 1. С. 151; М., 1993. Вып. 18. С. 38–42, 144–146; М., 1994. Вып. 21. С. 12; Трубачев О. Н. Из славянско-иранских лексических отношений // *Этимология*. 1965. М., 1967 (с подробным разбором литературы по данной проблематике); Его же. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. С. 47.

⁷ См. многочисленный (в большинстве своем датированный) материал, собранный в: Hadrovics L. *Ungarische Elemente im Serbokroatischen*. Budapest, 1985.

⁸ Musić S. *Romanizmi u severo-zapadnoj Boki Kotorskoj*. Beograd, 1972. S. 46, 47, 143, 147, 221.

⁹ Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb, 1971. Knj. I. S. 100-101.

¹⁰ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. I. С. 276; 1987. Т. III. С. 764; Т. IV. С. 63, 538. Из работ, посвященных старым заимствованиям в восточнославянских языках (и вообще контактам восточнославянского) см. ещё: Булыка А. М. *Даўнія запазычанні беларускай мовы*. Мінск, 1972; в славянском ареале вообще – Лаучюте Ю. А. *Словарь балтизмов в славянских языках*. Л., 1982; Вержбовский А. А. *Белорусско-литовские лексические взаимосвязи*. Вильнюс, 1961.

¹¹ Подробнее см.: Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. С. 214, 216 (с литературой), а также материал словаря М. Р. Фасмера.

¹² Там же. С. 483; Список литературы о взаимодействии восточнославянских диалектов с прибалтийско-финскими языками см. в: Шилов А. Л. Прибалтийско-финская лексика и восточнославянское языкознание // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 25–28.

¹³ Прокопенко В. А. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины // Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Кишинев, 1961. С. 72–73.

¹⁴ См.: Прокопенко В. А. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины; Лизанец П. Н. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Будапешт, 1976; Лизанец П. М. Атлас лексичних мадяризмів та їх відповідників в українських говорах Закарпатської області УРСР. Ужгород, 1976. Относительно списка работ по карпатской проблематике см.: Можеева И. Е. Аннотированный библиографический указатель по проблемам карпатского языкознания // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972; (продолжение) // Лексика в ОҚДА / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1989. Вып. 1. С. 164–169.

¹⁵ Подробнее см., например: Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология (её генезис и распространение в языках карпатского ареала). М., 1974 (см. и другие публикации этой исследовательницы в соавторстве с С. Б. Бернштейном); Голомб З. Генетички врски меѓу карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскиот елемент во ова подрачје // Македонски јазик. Скопје, 1959. Год. X. Кн. 1–2. С. 19–50. См. ещё материалы и статьи, помещенные в: Лексика в ОҚДА / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1989. Вып. 1.

¹⁶ Етимологічний словник української мови: В 7 т. / За ред. О. С. Мельничука. К., 1989. Т. 3. С. 190, 364; Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Ред. В. У. Мартынаў. Мінск, 1978. Т. 1. С. 380; ЭССЯ. М., 1993. Вып. 18. С. 218; 1985. Вып. 12. С. 70. О внутриславянских языковых контактах см.: Дзэндзелівський Й. О. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. К., 1969.

¹⁷ Орел В. Э. К границам этимологического изучения карпатской лексики // Лексика в ОҚДА / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1989. Вып. 1. С. 100, 101, 103.

¹⁸ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. I. С. 342; Трубачев О. Н. [Рец. на:] В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. II: L—R. Л., 1973. 448 с. // Вопросы языкознания. 1975. № 1. С. 131.

¹⁹ Фасмер М. Т. II. С. 351.

²⁰ Фасмер М. Т. I. С. 329.

²¹ Подробнее см.: Трубачев О. Н. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 158.

²² См.: Орел В. Э. [Рец. на:] Hadrovics L. Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985. 591 s. // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 151.

²³ См.: Прокопенко В. А. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. С. 73.

²⁴ См.: Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 28—33; ЭССЯ. М., 1999. Вып. 25. С. 108—109.

²⁵ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1973. Т. II. С. 249; Трубачев О. Н. [Рец. на:] В. И. Абаев Историко-этимологический словарь осетинского языка. С. 132.

²⁶ Фасмер М. Т. I. С. 303.

²⁷ Трубачев О. Н. Древние славяне на Дунае (южный фланг). Лингвистические наблюдения // Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. С. 356; ЭССЯ. М., 1999. Вып. 25. С. 76 (автор статьи *nevěsta, в которой приводятся лексические тождества с основой **věp-*, О. Н. Трубачев).

²⁸ Примеры даны по: Поповић Ј. Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955. С. 18, 24, 25. Относительно романского ономастического субстрата в сербохорватском см.: Skok P. Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. Toponomastička ispitivanja. Zagreb, 1950. См. ещё основные работы по палеобалканским языкам, в значительной степени восстанавливаемым на ономастическом материале: Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958; Егo же. Траките и техният език. София, 1977; Дечев Д. Характеристика на тракийския език. София, 1952; Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978.

²⁹ См.: Мачинский Д. А. Кельты на землях к востоку от Карпат // Кельты и кельтские языки. М., 1974. С. 31–41; Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. С. 46.

³⁰ См.: Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 248, 254, 255. Библиографию по вопросам финского лексического субстрата в русских диалектах см. в: Шилов А. Л. Прибалтийско-финская лексика и восточнославянское языкознание. С. 25–28.

³¹ Фасмер М. Т. I. С. 148, 340; Т. III. С. 605.

³² Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1973. Т. II. С. 249.

³³ Трубачев О. Н. Из лексических комментариев к поискам прародины славян // Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. С. 453–460 (материал взят из этимологического словаря албанского языка В.Э. Орла). Относительно древних заимствований из южнославянского в албанский см. ещё: Десницкая А. В. Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963; Орел В. Э. Лексика неславянских языков Балкан как источник праславянской реконструкции. Славянские заимствования в албанский и восточнороманский // Этимология. 1984. М., 1986. С. 181–186; Его же. Балканские этимологии. 14–28 // Этимология. 1983. М., 1985. С. 133–145 и некоторые другие статьи этой серии.

³⁴ Поповић Ј. Историја српскохрватског језика. С. 48.

³⁵ Скок П. Об этимологическом слове хорватского, или сербского языка // Вопросы языкознания. 1959. № 5. С. 97.

³⁶ Калужская И. А. [Рец. на:] Vladimir Orel. A Concise Historical Grammar of the Albanian Language. Reconstruction of Proto-Albanian. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 332 p. // Этимология. 2000–2002. М., 2003. С. 256; Десницкая А. В. Древние балкано-балтийские соответствия и албанский язык // Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков. Изд. второе, испр. / Отв. ред. В. П. Нерознак. М., 2004. С. 201.

³⁷ Поповић Ј. Указ. соч. С. 38, 48.

³⁸ Бернштейн С. Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1: Язык валахских грамот XIV–XV веков. М.; Л., 1948. С. 99.

³⁹ Dicționarul toponimic al României / Sub red. Dr. G. Bolocan. Craiova, 1993. Vol. 1 (A-B). S. 90, 91, 92, 93. См. ещё: Поповић Ј. Указ. соч.

С. 42, 43, 44; Петрович Э. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики // *Romanoslavica*. București, 1958. Т. I. С. 9–26.

⁴⁰ Бернштейн С. Б. Указ. соч. С. 91–99. Относительно заимствованной из славянского лексики других тематических групп в румынском и молдавском см.: Михаилэ Г. Названия родства и термины обращения славянского происхождения в румынском языке // *Romanoslavica*. București, 1958. Т. I. С. 52–62; Сергиевский М. В. Молдаво-славянские этюды. М., 1959 (глава II «Славянские элементы молдавской речи как материал для истории языка»).

⁴¹ См.: Майтинская К. Е. Венгерский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. С. 358, 359, 379. Касательно славянского лексического корпуса венгерского словаря см. ещё: Kniezsa I. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. Budapest, 1955–1974. К. I–II; Хелимский Е. А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988. М., 1988. С. 347–368; Его же. Ранняя славянская христианская терминология в венгерском языке // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации (Братислава, сентябрь 1993 г.). М., 1993. С. 46–64 (весьма древний и многочисленный слой).

⁴² Майтинская К. Е. Венгерский язык. С. 410.

⁴³ Примеры см.: Поповић Ј. Указ. соч. С. 42.

⁴⁴ Подробнее см.: Рот А. М. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest, 1973. С. 220, 221, 235.

⁴⁵ Выборка из: Карельские народные загадки / Подг. изд. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1982.

⁴⁶ Подробнее см.: Ткаченко О. Б. Очерки теории языкового субстрата. К., 1989. С. 119–127. О славизмах в финском словаре см. ещё: Шилов А. Л. Указ. соч. С. 7–25.

⁴⁷ Материалы даны по: Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык. М., 1955. С. 267; Маслова-Лашанская С. С. [Примечания] // Вессен Э. Скандинавские языки / Пер. со второго шведского изд. и прим. С. С. Масловой-Лашанской. Под ред. и с предисл. проф. С. Д. Кацнельсона. М., 1949. С. 163; Первольф И. Славяне, их взаим-

ные отношения и связи. Очерк истории славян до XVIII в. Варшава, 1886. Т. I. С. 5.

⁴⁸ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 96. Относительно славянских заимствований в немецком см.: Опельбаум Е. В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. К., 1971.

⁴⁹ Идея о диалектном членении праязыковых ареалов не нова (как следует из писем Г. А. Ильинского к академику Б. М. Ляпунову, он предполагал дать обширный очерк о диалектах праславянского языка в рукописи ко второму изданию «Праславянской грамматики»; см.: Журавлев В. К. Из неопубликованной «Праславянской грамматики» Г. А. Ильинского // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 123; далее: Ф. Шпехт в одной из своих работ об индоевропейцах выделяет самостоятельный параграф о слоях индоевропейских говоров, см.: F. Specht Sprachliches zur Urheimat der Indogermanen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1939. Bd 66. S. 1–74; ср. ещё более раннюю работу, принадлежащую перу А. Мейе «Les dialectes indoeuropéens» Paris, 1908), но активное развитие в индоевропейском языкознании она получила в трудах исследователей второй половины прошлого века, ср. публикацию первой крупной теоретической работы в этой области: В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. Л. Ю. Брауде и В. М. Павлова. Ред. и предисл. проф. А. В. Десницкой. М., 1964 (ср. ещё обширный очерк диалектных особенностей индоевропейского языка в книге Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / С предисл. Р. О. Якобсона». Тбилиси, 1984. Т. I; см. раздел «Ареальные структуры общеиндоевропейского языка»). Одними из первых в послевоенной славистике понятие праславянского дилектизма и диалекта применили Й. Попович во втором издании «Истории сербско-хорватского языка» (Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960. S. 25, 33, 537–540 и др.; здесь значительное внимание уделено лексическим соответствиям между диалектами внутри сербохорватского ареала) и С. Б. Бернштейн в «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961; ср. параграф «Древнейшие праславянские диалекты» на с. 66–75 и далее об изоглоссных характеристиках праславянского; ср. также параграф «Аблаут в диалектах праславянского языка» в его следующей книге «Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования.

Именные основы» М., 1974. С. 45—48). По словам О. Н. Трубачева, понятие диалектного членения праязыка вкупе с открытием принципа волнового распространения инноваций принадлежит к важнейшим достижениям в области индоевропейского языкознания.

⁵⁰ Разумеется, речь не идет о таких случаях, как наличие бегемизмов в хорватском литературном языке, появившихся вследствие влияния древнечешского языка на хорватскую глаголическую письменность в XIV в.

⁵¹ Трубачев О. Н. Из славянско-иранских лексических отношений // *Этимология*. 1965. М., 1967. С. 77. Из последних крупных работ по этой же проблематике (с обзором уже обсуждавшихся в литературе изоглосс, связывающих, с одной стороны, славян, иранцев и балтов и, с другой стороны, балтийские и иранские языки) см. V. Cvetko-Orešnik. *Zu neueren iranisch-baltoslawischen Isoglossen-Vorschlägen* // *Linguistica XXIII*. Ljubljana, 1983. S. 175—256 (преимущественно, с опорой на исследования В. И. Абаева и О. Н. Трубачева).

⁵² Подробнее см.: Бернштейн С. Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. С. 74—75 (на основе списка, составленного В. М. Илличем-Свитычем); Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (проблемы и задачи) // *Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)*. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 190—191.

⁵³ Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1924. Bd II. S. 73 (перевод болгарских слов дан по: Геров Н. *Речник на българският язык с тълкувание речни-ты на български и на руски*. Пловдив, 1899. Т. II. С. 75); ЭССЯ. М., 1993. Вып. 18. С. 98.

⁵⁴ См.: Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (проблемы и задачи). С. 191—192 (со ссылками на Й. Поповича, Э. Френкеля, Р. Траутмана). О нескольких сербохорватско-балтийских изоглоссах см.: Откупщиков Ю. В. *Диалектный материал и этимология* // *Этимология*. 1984. М., 1986. С. 195. См. также работы Ф. Безлая «*Einige slovenische und baltische lexische Parallelen*» // *Linguistica*. Ljubljana, 1966—1968. S. 63—81 и «*Eseji o slovenskem jeziku*» (Ljubljana, 1967; раздел «Балтийско-словенские параллели»).

⁵⁵ Трубачев О. Н. Древние славяне на Дунае (южный фланг). *Лингвистические наблюдения* // Трубачев О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. М., 2003. С. 355—356.

⁵⁶ Там же. С. 189.

⁵⁷ Чучка П. П. Українські говірки околиці Ужгорода (фонетика і морфологія): Дис. ... канд. філол. наук. Ужгород, 1958 (машинопис). С. 322; Верхратський І. Знадоби для пізнання угро-руських говорів. Словарець // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1899. Т. XXX. С. 225; Лизанець П. М. Українські південнокарпатські говірки Затисся Виноградівського району Закарпатської області: Дис. ... канд. філол. наук. Ужгород, 1957. Т. II (машинопис). С. 37.

⁵⁸ Лизанець П. М. Указ. соч. С. 37.

⁵⁹ Куркина Л. В. Словенско-западнославянские лексические связи // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1978. М., 1980. С. 334. О словенско-западнославянских и словенско-восточнославянских изоглоссах см. ещё: Bezlaj F. Eseji o slovenskem jeziku. S. 132–156; Куркина Л. В. Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология. 1970. М., 1972. С. 91–102.

⁶⁰ См.: Куркина Л. В. Словенско-западнославянские лексические связи. Там же и след.

⁶¹ Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992. С. 24–25.

⁶² Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika. II. Konzonzantizem. Ljubljana, 1924. S. 196; Kronsteiner O. Die slowenischen Namen Kärntens (= Österreichische Namen forschung. Sonderreihe 1). Wien, 1982. S. 75, 109; Moszyński L. Przyczyny rozkładu prasłowiańskiego systemu językowego // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1965. Т. 5. S. 78; ЭССЯ. М., 1978. Вып. 5. С. 147.

⁶³ Куркина Л. В. [Рец. на:] M. L. Greenberg. A Historical phonology of the Slovene language. Universitätsverlag Carl Winter. Heidelberg, 2000. 199 p. // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 144.

⁶⁴ Kronsteiner O. Die slowenischen Namen Kärntens. S. 71.

⁶⁵ Детальнее см.: Шустер-Шевц Х. Славянская метатеза плавных и процесс дезинтеграции праславянского // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 79; Ван-Вейк Н. История старославянского языка / Пер. с нем. В. В. Бородич. Под ред. и с предисл. Н. А. Кондрашова. М., 1957. С. 88.

⁶⁶ Шустер-Шевц Х. Язык лужицких сербов и его место в семье славянских языков // Вопросы языкознания. 1976. № 6. С. 76 (70–86). Из литературы, в которой специально рассматриваются вопросы диалектно-го членения праславянской языковой области и описываются ареально ограниченные в древности лексемы см.: Шустер-Шевц Г. Возникновение за-

паднославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 33—50; Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики (с солидным списком профильной литературы и историей изучения вопроса); Экерт Р. Праславянские диалектизмы среди именных основ на *-ī* // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. М., 1971. С. 486—496; Кравчук Р. В. Дифференциация праславянских культурных диалектов по данным словообразования (фрагменты славянского словообразования). Минск, 1983; Ето же. К праславянским *nomina qualitatis*. Диалектные зоны праславянского с различной валентностью формантов *-ostь*, *-ьstvo* (*-ьstvьje*) относительно разных типов производящих основ // Этимология. 1984. М., 1986. С. 102—107; Boryś W. Problematyka prastowiańskich dialektizmów leksykalnych. Izoleksy południowostowiańskie i zachodnio-południowostowiańskie // Etnogeneza i topogeneza słowian. Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Komisję Sławistyczną przy Oddziale PAN w Poznaniu w dniach 8-9. XII. 1978. Warszawa; Poznań, 1980. S. 75—87 (к сожалению, эта работа оказалась для нас недоступной).

⁶⁷ Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка. С. 13; Шустер-Шевц Х. Славянская метатеза плавных и процесс дезинтеграции праславянского. С. 81.

⁶⁸ Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (проблемы и результаты) // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 374.

⁶⁹ Куркина Л. В. Указ. соч. С. 20 (сноска 11).

⁷⁰ Шустер-Шевц Х. Указ. соч. С. 77.

⁷¹ Словарь української мови / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. К., 1908. Т. 2. С. 178; Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 1992. Т. II. С. 317.

⁷² См.: Трубачев О. Н. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 171; Орел В. Э. [Рец. на:] Етимологічний словник української мови. Т. I. А—Г. Київ, 1982 // Этимология. 1983. М., 1985. С. 183.

⁷³ Там же. С. 376.

⁷⁴ Подробнее см.: Трубачев О. Н. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков; См. ещё: Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (проблемы и результаты). С. 186—187.

⁷⁵ См.: Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (проблемы и результаты). С. 188–189.

⁷⁶ Трубачев О. Н. Из славянско-иранских лексических отношений. С. 77.

⁷⁷ Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 44–47, 55–57, 73–75.

⁷⁸ Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка. С. 23–24, 110, 131, 173, 192 (на с. 24 дан архетип *stǫg-ja).

⁷⁹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 59.

⁸⁰ Там же. С. 38, 40, 85, 130–132, 46.

⁸¹ См.: Гиндин Л. А., Калужская И. А. Реконструкция карпатского регионального компонента позднепраславянского лексического фонда // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М., 1991. С. 30, 31, 33, 34. См. работу этих же авторов, выполненную в русле той же темы, «Роль Карпат в этногенезе славян позднепраславянского периода в свете историко-филологических и лингвистических данных» в: Славистические исследования. Доклады к XI Международному съезду славистов (Братислава, 30.VIII.–8.IX. 1993 года). М., 1992. С. 48–57. См. также Иллич-Свитыч В. М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян (географический ландшафт) // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1960. Т. XIX. Вып. 3. С. 222 и след.

⁸² Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. С.-Петербург, 1995. Вып. 29. С. 235; Словник гідронімів України / Ред. колегія: А. П. Непокупний, О. С. Стрижак, К. К. Цілуйко. К., 1979. С. 437.

⁸³ ЭССЯ. М., 1987. Вып. 13. С. 56; Марусенко Т. А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье (лингвистика, археология, топонимика). М., 1968. С. 221, 222.

⁸⁴ Там же. С. 185.

⁸⁵ ЭССЯ. М., 1978. Вып. 5. С. 145 (укр. диал. *дрін* 'т. с.' встречается только в одном районе Житомирской области).

⁸⁶ Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (проблемы и результаты). С. 182.

⁸⁷ Подробнее см.: Трубачев О. Н. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. С. 169.

9. ЭТИМОЛОГИЯ И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

В ходе работы над этимологической проблематикой, специалисты нередко решают сложные задачи, суть которых заключается в том, что зачастую невозможно объяснить смысловые связи слов, источник и направление их заимствования при помощи только собственно языкового материала. В подобных случаях необходимо обращение к данным таких дисциплин, как этнография, археология, история. Подход к семантической стороне этимологизации предполагает не только умение ориентироваться в данных лексических систем задействованных в исследовании языков, но и знание реалий культурного круга, а также эпохи, в которую они существовали. Это вполне закономерно, т. к. слова отражают наиболее характерные функциональные признаки, свойства обозначаемых ими предметов. Поэтому, располагая данными о ремеслах, типах хозяйствования и социальных отношениях, издревле присущих носителям конкретной группы языков, практически всегда можно подтвердить собственно лингвистические выводы нелингвистическими и наоборот. Об этом в предисловии к своей «Истории немецкого языка» писал Я. Гримм: «Я хотел не только строить дома, но и жить в них; мне представлялась заслуживающей внимания попытка [...] извлечь пользу для истории из исследования языка»¹.

По существу, перекрещивание интересов этимологии, этнографии, истории, археологии затрагивает давно поднятую в лингвистике проблему «слов и вещей», т. е. познания сущности реалій путем изучения их названий. Так, опираясь на этнографический материал, немецкий языковед Р. Мерингер пришел к выводу, что одним из наиболее распространенных типов стены у многих народов была плетеная стена, плетень. Последнее позволило ему обосновать происхождение нем. *Wand* 'стена' связью с глаголом *winden* 'извивать, плести'. Такая этимология находит подтверждение в д.-рус. *оплотъ* 'ограда, стена', рус. *плетень* ~ *плести*, лит. *siena* 'стена' ~ *sieti* 'связывать', монг. *хэрэм* 'стена' ~ *хэрэх* 'сплестать' и др. ² Языковой материал дает дополнительные аргументы в пользу правильности выводов этнографического исследования.

Внимание к специфике использования некоторых русских рыболовецких снарядов в комплексе с семантическими аналогиями позволяет скорректировать сформулированную ранее в специальной литературе этимологию рус. диал. *важан* 'род рыболовной снасти, мережа до 14 сажень'. В частности, оно определяется как заимствование из хант. **wašət* (= **wažət*) 'важан' ³. Его славянское происхождение представляется более вероятным, во-первых, потому, что это слово имеет все признаки субстантивированного архаичного славянского причастия **vadžanъ(jь)* < **vadžati* 'водить' (имперфектив к **vaditi*) ~ **voditi* (тем более, что хантыйские слова реально не засвидетельствованы). Во-вторых, этнографический материал говорит, что длинные рыбацьи снасти используются таким образом, чтобы захватить рыбу протаскивая утяжеленную грузилами сеть по дну. Так что вполне приемлемо объяснение семантики номинации как 'бредень, волок, сеть, которую волокут, «ведут» (по дну водоема вдоль берега)', что подтверждается типологией мотивов номинации рыбацких снастей ср.: общеизвестное рус. *бредень* 'длинная рыбацкая сеть' ~ *брести*, *бреду*, *волок* 'рыболовная снасть — плавная сеть в виде четырехугольного продолговатого сетного мешка — мережи' < псл. **volkъ* < **velki'i* 'волочить' и др.

В древнерусском языке слово *скотъ* имело не только привычное современному русскому употреблению значение 'скот, домашние ро-

гатые животные', но и 'деньги, имущество'. И это не свидетельство омонимии, поскольку понятия 'скот' и 'деньги, имущество' этимологически связаны между собой во многих языках, ср.: д.-фриз. *sket* 'скот', 'деньги', лат. *pecu* 'скот', но производное — *pecunia* 'деньги, имущество', д.-англ. *feoh* 'скот; имущество, деньги'⁴. Взаимоотношения этих понятий (соответственно, и значений) восходят к эпохе, когда товарооборот осуществлялся за счет меновой торговли. В ее условиях товаром, за который можно было «купить», обменять все остальное, был рогатый скот. Т. е. скот выполнял роль товара-эталона, того, чем позднее стали деньги. Отсюда и употребление слов с семантикой 'скот' для обозначения денег. Понятно, что такой вывод возможен при условии привлечения данных древнейшей истории, дающей представление об отношениях людей прошедших эпох. Без этого обосновать семантическую сторону этимологии было бы затруднительно.

Замечателен своей иллюстративностью взаимодействия этимологии с историей пример с истолкованием генезиса славянского названия железа. Дело в том, что праславянское название металла *žel-ězo производно на славянской почве от названия животной железы *žel-ěza, восходящего к и.-е. **ghel-ēg-* (выступает в различных названиях шишек, желваков, камешков). Первоначально (до знакомства славян с этим металлом) слово использовалось для обозначения внутреннего органа животных и человека (ср. у В. И. Даля: *железа́* 'лубочек, зернистый снаряд, через который проходят сосуды для выработки каких-либо соков') и только позднее, когда в культурную жизнь вошел новый тип обрабатываемого материала, появляется новое употребление известного слова. Возникает вполне закономерный вопрос о том, каковы основания переноса анатомического термина в сферу кузнечного дела. Без ответа на него генетическая связь лексем *железо* и *железа* (а значит — и славянская этимология слова *железо*) остается неясной. На помощь здесь приходят данные об истории древних промыслов и ремесел, которые говорят, что железо в том виде, в котором им заинтересовались славяне, это болотный железняк, который по внешнему виду представляет собой плотные тяжелые землистые комья красно-рыжего оттенка. Так что

образ комка, клубка (ср. выше определение железы, а также однокоренное *желвак*) был использован для фигурального обозначения железа⁵.

В исследовании природы значения ‘счёт, число’ у псл. **brojъ* (: болг. *брой* ‘число; номер’, серб.-ц.-слав. *врон* ‘numerus’, славн. *broj* ‘число’) первым шагом является определение производящего слова, а именно — глагола **briti* ‘резать’⁶. Кажущееся отсутствие логической связи между понятиями ‘резать’ и ‘число, счёт’ легко устраняется, если обратиться к материалу других индоевропейских языков, в частности — к латыни. Поиск первоосновы столь важного культурного феномена, как счетная операция (и далее — понятия выражения мнения, суждения), и здесь действительно приводит к уже не раз упомянутой многофункциональной (в аспекте генерирования вторичных значений) семантике ‘рубить; резать’, ср. лат. *puto* ‘судить, считать, полагать’ и ‘резать, рубить’. В латинском языке этот глагол развил свое счетное значение на базе терминологического, употребляемого в сельском быту, где *puto* функционировало для обозначения операций подрезания кустов, виноградной лозы. Соответственно, понятия ‘считать’, ‘производить исчисления’ должны толковаться как ‘выполнять счёт, последовательно отсекал проверенные элементы’⁷.

В славянском находим схожую ситуацию, которая позволяет квалифицировать операцию счёта как первоначальное нанесение зарубок, надрезов, царапин на деревянную, каменную или влажную глиняную поверхность с целью обозначить прошедшие дни или полученную при меновой торговле прибыль.

Данные исторической этнографии предоставляют возможность выяснить характер зависимости значения ‘красный’ от ‘червь’, ср.: д.-рус. *червонныи* ‘красный, золотой’ (укр. *червоний* ‘красный’) ~ *чървь* (ж. р.) ‘красная краска’, (м. р.) ‘червь’, схв. *црв* ‘червь’⁸. Они имеют аналогии в армян. *кармир* ‘красный’ (заключает в себе индо-иранское *kṛmī* ‘червь’; к нему же сводятся тюрк. *qərtəz*, араб. *qirmizī* ‘красная краска’), франц. *vermeil* ‘алый’ ~ лат. *vermis* ‘червь’. Эта зависимость объясняется тем, что в древности красная краска добывалась из высушенных и растертых в порошок гусениц одного насекомого

(червец, по-французски — *cochenille*, откуда название краски «кошениль») ⁹.

Таким же образом при обращении к этнографическим материалам, и в частности к практике народной медицины, вскрывается причина сосуществования в д.-рус. зелье значений 'трава', 'яд', 'лекарство'. Такой семантический синкретизм обусловлен использованием народным целительством многих видов трав в качестве ядов и лекарств, что опять же подтверждается неславянскими соответствиями: осет. *xos* 'сено', 'лекарство', перс. *dārū* 'лекарство' < д.-иран. *zar-* 'зелень' и др. ¹⁰

Имея представление о географии древних торговых путей, по которым вместе с товарами как их обозначения на новые территории проникали заимствования, можно избежать ошибок определяя направление передвижения слов. Так, невнимание к истории торговых отношений привело Ф. Миклошича к утверждению того, что слово *шёлк* «русские заимствовали непосредственно у скандинавов, вероятно, у шведов» (ср. совпадения с северногерманскими словами: д.-сев. *silki*, дат., швед. *silke*, д.-англ. *sioloc*, с.-англ. *selk*). Между тем, в расчет не принимался факт распространения шелка и его названия с востока, из Китая, а значит, германцы никак не могли познакомиться с ним раньше восточных славян. Поэтому более приемлемой является точка зрения О. Шрадера, согласно которой северные германцы переняли название шёлка у русских, а не наоборот ¹¹, хотя в словаре М. Р. Фасмера отстаивается противоположная позиция ¹².

Знание специфики, истории религии вообще и распространения христианства на славянские земли в частности поможет доказать, что слово *верить* у славян, несмотря на употребление его (ср.: схв. *vjěriti*, пол. *wierzyć* и др.) как названия отношения человека к сверхъестественному и связанного с ним комплекса представлений, первоначально не было термином религиозной сферы. В диалектах праславянского его функцию (помимо **gověti*) выполнял глагол **čьiti* 'читать, почитать' (: схв. *čiti* 'почитать', н.-луж. *ćić* 'читать', пол. *czcić* 'воздавать почести, окружать почетом, чтить', д.-рус. *чѣтити* 'почитать, уважать') ¹³. Признание его как архаичного обозначения про-

цесса переживания человеком религиозного чувства основывается на древнейшей индоевропейской идеологии молчаливого почитания божества, при котором отношение к сакральному выражалось в хранении почтительного молчания без упоминания вслух сверхъестественных сил или обращения к ним, чтобы не вызвать их действие. Об этом говорят и параллели вроде рус. *помянуть*, *помянуть* (усопшего), укр. *помина́ти* ‘т. с.’ (фактически — ‘молчаливо воздать хвалу’ как отголосок древнего культа поклонения предкам), функционально близких псл. *gověti — ‘хранить почтительное молчание’ и его этимологическому и терминологическому (среди названий видов религиозного почитания) соответствию в лат. *favēre* ‘быть милостивым; хранить молчание’¹⁴.

Сама природа значения ‘читать’ в разных языках наталкивает на мысль о принадлежности слов с подобной семантикой к реликтовой религиозной терминологии, т. к. ‘читать’ восходит к ‘страшиться’, ‘испытывать страх, боязнь’, которые хорошо согласуются с первобытными представлениями об обожествляемой всемогущей неперсонифицированной стихии, часто беспощадной к человеку. Ср., например, новогреческие лексемы *τίμα*, *οὐβόμα* ‘читать’. Первая из них, наряду с д.-гр. *τίμαω* ‘читать, окружать почестями; почитать, уважать’, продолжает и.-е. **k^hi-* ‘уважать, почитать’ ~ со сформированным на базе его апофонического варианта (**k^hei-*) д.-инд. *śāyati*, *śāyatāna* ‘испытывать страх, боязнь; уважать, почитать’¹⁵. Семантическая история второго также основывается на переходе ‘страшиться, бояться, не осмеливаться’ > ‘читать’. Оба этапа развития его значения хорошо сохранены памятниками древнегреческого языка. Ср.: д.-гр. *οὐβόμα*, имевшее в разное время значения ‘совеститься, испытывать стыд’, ‘не осмеливаться, страшиться’ с одной стороны и ‘читать, почитать’ с другой¹⁶. Итак, функционирование псл. *čьiti в качестве одного из первоначальных славянских обозначений состояния религиозного почитания можно считать доказанным потому, что его история отражает характер первобытной религии, что подтверждается и другими индоевропейскими языками, чей лексикон также сохранил следы древнейшей религиозной традиции.

В отличие от *ъbiti, обозначавшего примитивную (а потому и очень древнюю), лишенную религиозных постулатов, форму почтительного отношения человека к божеству (скорее, к обожествляемой стихии), славянское *věriti, производное от *věra, характеризовало сложную, теологически обоснованную и окруженную суммой обрядов систему догм. Оно обозначало веру как сознание божественного закона (ср. такое значение д.-рус. *вѣра* в словаре И. И. Срезневского¹⁷). Сложность (а значит — инновационность) обозначаемого понятия, появившегося у славян вследствие распространения христианства, основанного на принципе беспрекословного принятия на веру его догм, и поставленная на философскую основу религиозная концепция веры — все это говорит о том, что значения *věra 'религиозный закон' и *věriti как 'исповедовать веру' у этих слов появились относительно поздно. Видимо, речь идет о приобретении первоначально религиозно немаркированными *věra, *věriti новых значений в старославянских переводах греческой канонической литературы, где эти слова были использованы как эквиваленты соответствующих гр. *πιστεύειν* 'веровать', *πίστις* 'вера', входивших в терминологический аппарат религиозного учения. В диалектах западных славян это произошло под влиянием латыни как языка конфессиональной сферы (т. е. под влиянием *fidēs* 'вера').

Все перечисленные выше примеры хорошо обобщаются тезисом А. А. Белецкого, который гласит: «этимологическое исследование тогда становится наиболее ценным и плодотворным, когда оно является одновременно также историческим исследованием»¹⁸.

¹ Цит. по: Бернштейн С. И. А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка // А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 6.

² Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. М., 1986. С. 78.

³ См.: Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997. С. 153.

⁴ Откупщиков Ю. В. Указ. соч. С. 77.

⁵ Подробнее с критикой версии о заимствовании слова см.: Труба-
чев О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические ис-
следования*. М., 2003. С. 124–129.

⁶ ЭССЯ. М., 1976. Вып. 3. С. 39.

⁷ Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов:*
Пер. с франц. / *Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова*. М., 1995. С. 113.

⁸ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* / Пер. с
нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1987. Т. IV. С. 335.

⁹ [Абаев В. И.] *О принципах этимологического исследования //*
Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских
языков. М., 1956. С. 306.

¹⁰ [Абаев В. И.] Там же.

¹¹ [Абаев В. И.] *Указ. соч.* С. 303.

¹² Фасмер М. Там же. С. 423–424.

¹³ ЭССЯ. М., 1977. Вып. 4. С. 177.

¹⁴ Трубачев О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян.*
С. 201.

¹⁵ Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg,
1969. L. 20. S. 901, 906–907.

¹⁶ *Древнегреческо-русский словарь* / Сост. И. Х. Дворецкий. М.,
1958. Т. II. С. 1466.

¹⁷ Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского*
языка. М., 1989. Т. I. С. 490.

¹⁸ Белецкий А. А. *Принципы этимологических исследований (на*
материале греческого языка). К., 1950. С. 52.

10. ЭТИМОЛОГИЯ И ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

Любое этимологическое исследование основывается, преимущественно, на диалектном материале, сохраняющем то, что было вытеснено из словарей литературных языков, составленных из определенного количества общих для носителей всех наречий конкретного идиома лексем. А вытеснено было колоссальное количество реликтовых, ареально ограниченных слов, их производных, не соответствующих критериям литературной нормы, в известной мере, искусственной. То же касается и семантики диалектных лексем, имеющей черты глубокой архаики, которая отсутствует в «выхолощенной» все той же нормой литературной семантике. Поэтому логично, что литературный (официальный) язык с его ориентацией на обслуживание общения, в основном, жителей городов не пользуется терминологическим аппаратом, который в говорах обслуживает старинные промыслы, традиционные занятия, остатки старых социальных отношений. В его лексическом каркасе просто нет места названиям неактуальных реалий и отношений, имеющим архаичную или узкую территориальную специфику, таким как, например, многочисленные народные географические или зоологические термины, названиям болезней, предметов домашнего хозяйства, кухонной утвари и др.

Этот «неудобный норме» лексический слой представляет огромный интерес и практически бездонный (каждый новый словарь диалектизмов вводит в оборот очередной ряд интересных слов) источник

для этимологии в качестве основы для реконструкции праславянских диалектов как реальной исторической величины, части праславянской культуры (о диалектном членении праславянского см. выше). Тому примером вся практика этимологической лексикографии. В частности, в словаре русского литературного языка мы не найдем слова *мышь* 'изгиб реки', которое функционирует только на территории вологодских говоров и воспроизводит узлокальное псл. *myšь, интересное своей связью с *mysь 'мыс'. В собраниях литературной украинской лексики отсутствует такая лексема, как лемк. *мишовій* м. р. 'зоол. крапивник *Troglodytes parvulus*' (< псл. диал. *myše-vějь ~ *myšь), а нормативные словари сербско-хорватского языка не полагают ресурсами для восстановления древней территориально ограниченной предложно-падежной формы *na ro-vir-icę (степень продления редукции относительно *vьrр, *verti), в то время как данные говоров предоставляют материал, свидетельствующий о бытовании в древности такого элемента, ср. диал. *наповірице* 'вдвоем'¹. Ср. еще: славн. диал. *obkérziti* 'подготовить землю под пашню (о целине), поднять целину' < псл. диал. *obkьrziti (при том, что производящее *kьrziti зафиксировано только в русском и украинском!); рус. диал. *нерéта*, укр. диал. *нерета* 'рыболовный снаряд из прутьев — морда, верша' < псл. диал. *nerta — производное с формантом *-ta* от **nerti ~ лит. *nérti* 'вязать, плести'² (этот рыбацкий снаряд сплетен, связан из прутьев, ниток), которые также восстанавливаются только на основе диалектных данных (в том числе исторических). Это всего лишь несколько иллюстраций не самых сложных, хотя и не менее актуальных для восстановления праславянского словаря, случаев, когда использование ресурсов диалектной речи обеспечивает собрание воедино разбросанных по различным уголкам славянского мира древних лексических элементов. И таких элементов не одна сотня.

Диалектный словарь служит не только собранием необходимого для этимологических исследований лексического материала. Он в значительной мере отображает систему фонетических изменений, зачастую очень древних, действующих в рамках одного говора или группы диалектов. Кроме того, словарь практически любого наре-

чия — вместилище примеров функционирования архаичных словообразовательных моделей, издревле присисущих определенному ареалу и нигде более не встречающихся или же утраченных. Не все из этих моделей праславянские, многие из них возникли в ранний период исторической эпохи, что не снижает ценности построенных по ним слов, т. к. этимология не ограничивается анализом праславянской лексики, ставя перед собой цель генетической квалификации вообще той части словаря, которая требует восстановления и объяснения структурных связей. Знание типов звуковых трансформаций в условиях диалектной речи облегчает изучение истории лексического состава каждой конкретной территории. Собственно, предварительная оценка структуры слова начинается с анализа его фонетической стороны, часто искаженной действием того или иного звукового процесса, о чем уже было сказано выше. Будучи ознакомленным с фонетическими и словообразовательными явлениями, имеющими место в одной группе диалектов, в некоторых случаях можно предсказать историю развития словаря другой группы. Поэтому не будет преувеличением сказать, что залог успеха этимологического исследования во многом зависит от прочтения исследователем диалектного словаря (словарь нужно читать!), т. е. его фронтального обследования, дающего намного более эффективные и масштабные результаты, чем просто одиночная выборка слов, внешне совпадающих с анализируемым.

---

¹ ЭССЯ. М., 1994. Вып. 21. С. 67 (статья *тушь III), 60, 196; 2000. Вып. 27. С. 224.

² ЭССЯ. М., 1999. Вып. 25. С. 11–13.

11. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Ономастический материал в этимологических исследованиях славянской лексики играет важную роль. В свете данных современной науки его значение едва ли можно переоценить. Во-первых, ономастикон сохраняет значительную часть лексики (зачастую ареально ограниченной), утраченной в апеллятивном словаре. Во-вторых, он важен для изучения древнейших судеб славянства.

1. Относительно первого: речь идет не только о реконструкции на базе совокупности онимов отдельных элементов лексики, давно вышедшей из употребления. Опираясь на ономастический материал, возможно восстановление целых словообразовательных гнезд. Например, современным славянским языкам не знакомо слово **glebezd* 'штраф, стоимость', 'тропа', 'изогнутый предмет'. Не фиксируют его и памятники письменности. Однако в старорусском антропонимиконе под 1585 г. упоминается имя *Глебезд*, засвидетельствованное и в основах русских названий населенных пунктов. Это последнее продолжает праславянское диалектное имя ***glebezď* — суффиксальное производное от основы **gleb-*, вариантной к по вокализму относительно **glob-*, представленному в **globa* (: славн. *globa* 'штраф', н.-луж. *głoba* 'стоимость, ценность', рус. диал. *глоба* 'тропа' и т. п.)¹. Значит, приведенное личное имя позволяет не только с уверенностью

восстановить вышедшее из употребления слово, но и констатировать его диалектную специфику.

Имя средневекового мадьярского князя, принявшего крещение в Царьграде, *Болозудъ*² представляет собой адаптацию славянского имени **Бълзудъ* (древние угры славянскими именами называли своих правителей³; кстати, тот факт, что князь принял крещение по православному обряду, может указывать на то, что речь идет о славянском князе, находившемся в вассальной зависимости от венгров). Слово восходит к псл. диал. **Bълzo-udъ*, не отмеченному в славянских языках (метатеза — известное средство освоения группы согласных в славянских словах в речи мадьярского населения). Оно сформировано на базе рано утраченного апеллятива **bълzo-udъ*, первая часть которого тождественна основе **bълz-* со значением 'толстый, выпуклый, неровный предмет' (: укр. диал. *бевзь* 'неповоротливый, медлительный человек')⁴, а вторая равняется соматическому термину **udъ* (: ст.-сл. *оудъ* 'член', болг. *уд*, слвн. *úd*, чеш., слвц. *úd* 'т. с.', пол. *ud* 'ляжка' и др.)⁵. Т. е. имя обозначало человека с толстой, неровной частью тела (рукой или ногой, учитывая, что термином «член» в древности называли любую подвижную, гнущуюся часть человеческого тела). Как структурную параллель ср. слвн. диал. стар. *mrtvoûd*, *-ûda* 'апоплексический удар'⁶ < псл. диал. **mъrtvo-udъ* (вероятно, одно из направлений развития первоначальной семантики типа 'болезнь, недуг, вызывающий омертвление, паралич членов тела') ~ **mъrtvъjъ* 'мертвый'.

В словенском отсутствует слово **ločilo* 'нечто изогнутое' (< псл. **ločidlo*), из других славянских языков оно присутствует только в болгарском, сербохорватском, словинском (: болг. *лжчило* 'выделение овец из стада', схв. диал. *лұчило* 'перекресток, распутье', словин. *lōčēdlo* 'часть конской упряжи, повода')⁷. Но древнесловенский ономастический материал показывает, что такое слово первоначально не было чуждо и словенскому ареалу, ср. название населенного пункта *Ločilo*⁸, просто оно рано вышло из употребления в сфере апеллятива.

Также и с целыми гнездами слов. Возьмем парадигму с основой **lub-* (~ **lubitī(sę)*, **lubъjъ*):

**l'ub-akъ* (: чеш. *Libák*, XVI в. — личное имя⁹ < *Libák вследствие действующего в западнославянской группе перехода 'и > i');

**l'ub-anъ* (: серб. шток. *Ljuban* — антропоним);

**l'ub-olv* (: рус. Люболева, XVI в. — речка в бывшем Московском уезде¹⁰ < *Люболь — личное имя);

**l'ub-onъ* (masc.), ген. -*on'a* (: ст.-рус. *Любонь*, 1603 г. — название деревни)¹¹;

**l'ub-or-ьсь* (: словц. *L'uboreč* — топоним¹² < **L'uborec* — личное имя);

**l'ub-ot-унь* (: словц. *L'ubotiňa* — топоним¹³; грамматическое переоформление производного с формантом -*унь* по аналогии с дериватами на -*in-*);

**l'ub-okъ(jь)* (: д.-рус. Любоково, 1422 г. — топоним¹⁴ < *Любокъ — антропонимизация адъектива **l'ub-okъ(jь)*, ср.: *vys-okъjь, *glōb-okъjь);

**l'ubo-krъja* (: серб. *Л'убокъѣ* — топоним¹⁵; второй компонент сложения равняется псл. *krъja 'дом');

**l'ubo-tajъ* (: укр. *Люботаївка* — ойконим в Одесской обл.¹⁶ < *Люботаєве / *Люботаїв — топоним < *Люботай — антропоним; второй компонент имени соотносим с **tajiti(se)*);

**per-l'ubъ* (: укр. *Перелюба*, 1765—1769 гг. — название населенного пункта¹⁷ < *Перелюба село < *Перелюб — личное имя) и др.¹⁸

2. Топонимия позволяет проследить историю славянских передвижений в древности, узнать о присутствии славян на тех территориях, где они ныне не живут. В частности, тот факт, что племена славян в VI—VII (и до X) вв. проникали в Италию и достаточно долго жили там, подтверждается богатой топонимией славянского происхождения: *Lancenigo* (< *Ločъnikъ ~ слвн. *Ločnik*), *Lonca* (< *Lōka ~ слвн. *Loka*), река *Sardizza* ~ слвн. *Sredica*, *Prodolone* (< **Pro-dol-*; *Pro-dol-ьна?), *Casarsca* (= *Kozarъsko), реки *Brodiz* (< *Brodica), *Bellizza* (< *Bělica), *Velicona* (< *Veličъna) и др. Также и с вопросом о присутствии славянского компонента в Дакии (в византийских документах — Σκλαβινία) до его румынизации; аналогично и со славянами Албании: *Berrat* (< *Bělъ gordъ), *Korça* (< *Gorica), *Lënga*

(< *Lorka) и др. Многие из этих топонимов отмечены еще греческими документами, так что хронология пребывания славян в этой части Балканского полуострова значительно углубляется¹⁹. Имеется солидный материал по славянскому субстрату современных Молдавии и Румынии, где романское население ассимилировало славян, унаследовав от них большую часть современных географических названий. Начаты исследования в области славянского ономастического субстрата Балтики, побережья Майна²⁰.

Спецификой анализа ономастического материала является обязательное обращение к истории того или иного онима в памятниках письменности. Иначе говоря, прежде чем делать выводы касательно его структуры и соотношения с апеллятивным материалом и другими ономастическими единицами, нужно, если состояние письменных источников это позволяет, посмотреть, как, в какой форме оним фиксировался в документах разного времени. Это необходимое условие, поскольку очень часто современная форма слова может не совпадать с исторической (истинной, первоначальной), измененной с течением времени под влиянием разных обстоятельств (народная этимология, выход из употребления опорного апеллятива с последующим затемнением структуры, что также открывает путь этимологической аттракции). Разумеется, анализ вторичной формы как исконной приведет к ложным выводам о генезисе слова. Например, в польском гидрониме *Pilica*, который в таком виде появляется в документах в 1660—1661 гг. («nad *Pilica*»), может быть условно выделен формант *-ica*, что автоматически приведет и к констатации гипотетического корня *Pil-*, а в дальнейшем и к сопоставлению с формально близкими апеллятивами. Однако, если обратиться к письменным источникам, мы увидим, что первоначальный облик слова — *Pelza*, 1136 г., изменившийся на протяжении столетий (ср. более поздние формы: *Pylitia*, 1227 г., *Pilciam*, 1228 г., *Pilca*, 1228 г.)²¹, что просто необходимо учесть при анализе во избежание курьезов.

Анализ современных украинских ойконимов Полтавской области *Півстин* и *Снітін* возможен только с оглядкой на их исторические формы, хорошо засвидетельствованные в староукраинских доку-

ментах, т. е. для первого это древнейший облик *Полѣкостѣнь* (и далее: *Полокѣстень*, *Полствинѣ*, *Повствинѣ*, *Повстень*), а для второго — *Кѣснятинѣ* (*Кснятинѣ* с последующими трансформациями: *Сѣкнятин*, *Сокнятин*, *Снятин*, *Снѣтинѣ*, *Снетин*)²². То же и в случаях типа современных серб. *Цијевна* (местное название), которое в древнесербских памятниках отмечено как *Цѣмьва*, продолжающее дославянское *Kívva*, и *Вионица* (топоним), записанное в средневековых памятниках как *Винница*²³. Исходить нужно из наиболее старой и, чаще всего, правильной формы, которую непосредственно и соотносят с внешне подобной апеллятивной и проприальной лексикой. Но при этом не стоит исключать возможности графического искажения слова в его наиболее древней фиксации при воспроизведении правильной его формы в более поздних памятниках.

И ещё один нюанс: при работе с гидронимиком (по возможности) никогда не бывает лишним проверить, в какой форме тот или иной потамоним (название реки или другого проточного гидрообъекта) функционирует на других отрезках течения реки или потока: всегда существует риск принять вторичную форму за исходную. Собранные же воедино все формы одного названия обеспечивают правильную оценку первоначальной структуры. Например, левый рукав *Клязьмы* на территории от верховьев до реки *Вори* имеет название *Скауба*, само по себе мало о чем говорящее, но если собрать другие названия этой же реки, известные в русских говорах на всем протяжении её течения (*Скалба*, *Сколба*), нетрудно будет определить этимологическую форму, а именно — *Сколба* < псл. *Skьlba. Вариант же *Скауба* — всего лишь поздняя модификация исконного слова с переходом *л* > *ѣ*, свойственным рефлексам формулы *tylt* (см. выше).

11.1. Народная этимология в ономастике. Этимологические словари онимной лексики

1. Так же, как и в сфере апеллятивной лексики, в ономастическом корпусе протекает процесс народной этимологии. В общих чертах его механизм дублирует механизм этимологической аттракции

нарицательных имен. Например, название русского города *Сёрдоболь* у Ладожского озера возникло из фин. *Sortavala* из-за сближения последнего с прилагательным *сердобольный*²⁴ в речи русского этноса, колонизировавшего эту местность. Так новое славянское население пыталось осмыслить чужое для него слово, связав его с формально и семантически понятными (и главное, фонетически близкими) ему элементами родного языка.

Процесс народноэтимологического переосмысления касался и компонентов, принадлежащих к собственно славянскому ономастikonу. Ср. рус. *Дорогощь* (ойконим), происхождение которого объясняют, апеллируя к легенде о наличии в старину в местности возле населенного пункта трактира, где продавали дорогие щипы (якобы от сочетания «дороги щипы») ²⁵. Понятно, что такое толкование не имеет ничего общего с реальностью: слово образовано от антропонима-композиата **Дорогость* (синкопированная форма от **Дорогогость* < псл. **Dorgo-gostь*) при помощи посессивного форманта *-jь* (очень старая модель). Здесь, как и в других примерах этого разряда, мы имеем дело со стремлением носителей языка объяснить и понять ставшее структурно непрозрачным (из-за выхода из употребления мотивирующего антропонима) название с помощью имеющихся в их распоряжении средств.

Нечто подобное наблюдаем и в слвц. *Bratislava* — название столицы Словакии, в основе которого лежит антропоним типа **Peroslavь* или **Perdъslavь*²⁶. Первоначальная форма была искажена из-за установления в сознании говорящих структурных псевдосвязей со словом *brat* 'брат'. По такому же пути шла эволюция словенского географического названия *Mokronog*: это поздняя форма, возникшая в результате развития **Ma-krom-ъп-ovo* (основа ~ ст.-сл. *у-кромьнъ*, рус. *укромный*, чеш. *sou-kromý*)²⁷. Вероятно, одной из причин забвения исконного облика был выход из употребления архаичной модели с префиксом *ma-* 'как, как-то'. Вторая причина — уже следствие первой: слово с непрозрачной для носителя языка словообразовательной структурой на определенном этапе начинает рассматриваться среди понятных ему лексем, созвучных с «темной» и, таким образом, переоформляется. В данном случае это были словенские

рефлексы псл. **tokrъ(jь)* и *poга, часто выступающие как составные элементы сложных слов.

2. **Этимологические словари ономастической лексики преимущественно строятся по такому принципу.** В начале дефиниции приводится оним, требующий этимологического комментария. После этого идет историческая часть, где перечислены все зафиксированные в документах разного времени формы этой лексемы. В следующей за этим этимологической части собраны версии относительно происхождения и структуры исследуемой единицы со ссылками на литературу, если таковая имеется. Современная ономастическая наука располагает большим количеством словарей, объясняющих происхождение славянского ономастикона, особенно много их принадлежит перу болгарских и польских ученых. Составление списка этих научных словарей (кроме них, имеется ещё масса научно-популярных изданий) не входит в цели настоящего очерка, поэтому ограничимся перечислением наиболее известных и крупных из них — тех, к чьему материалу наиболее часто обращаются и без чего немислимо современное полноценное исследование. К классическим работам этого жанра принадлежат следующие.

Этимологические словари топонимов.

I. Восточнославянские:

Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. / Відп. ред. О. С. Стрижак. К., 1985 (объясняет происхождение старых восточнославянских топонимов территории современной Украины и содержит богатый материал письменных памятников).

Чабаненко В. А. Великий Луг Запорозький: Історико-топонімічний словник. Запоріжжя, 1999.

Шульгач В. П. Ойконімія Волині: Етимологічний словник-довідник. К., 2001.

В этот перечень следует включить исследования Э. Штибера по этимологии топонимии украинских лемковских говоров (Stieber Z. *Toponomastyka Łemkowszczyzny. Cz. I: Nazwy miejscowości. Łódź, 1948; Cz. II: Nazwy terenowe. Łódź, 1949*) и С. Храбца по ономастике гуцульских (Hrabec S. *Nazwy geograficzne Huculszczyzny.*

Kraków, 1950), немногим отличающиеся от словарей. Подобным же образом построена работа: Худаш М. Л., Демчук М. О. Походження українських карпатських і прикарпатських назв населених пунктів (відантропонімі утворення). К., 1991.

II. Южнославянские:

Пјанка В. Топономастиката на Охридско-Преспанскиот базен. Скопје, 1970.

Bezljaj F. Slovenska vodna imena. Ljubljana, 1956—1961. Т. 1—2.

К числу исследований, построенных по принципу этимологического словаря принадлежат и:

Заимов Й. Местните имена в Пирдопско. София, 1959.

Заимов Й. Местните имена в Панагюрско. София, 1977.

Ковачев Н. П. Местните названия в Габровско. София, 1965.

Ковачев Н. П. Топонимията на Троянско. София, 1969.

Попов К. Местните имена в Разложко. София, 1979.

Саламбашев А. Местните имена в Смолянско. София, 1976.

Христов Г. Местните имена в Маданско. София, 1964.

Существуют капитальные авторитетные работы несловарного типа Э. Дикенманна и И. Дуриданова, которые необходимо иметь в виду при исследовании как южнославянской гидронимии, так и славянской гидронимии вообще:

Dickenmann E. Studien zur Hydronymie des Savesystems. Heidelberg, 1966. Bd I-II.

Duridanov I. Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle. Köln; Wien, 1975.

Нельзя не ввести в этот список и оригинальную работу белорусской исследовательницы Р. М. Козловой о генезисе разных типов ономастических единиц в славянских языках (Казлова Р. М. Беларуска і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2000—2003. Т. 1—3 (третий том — «Славянская гідранімія. Праславянскі фонд»).

III. Западнославянские:

Hosák L., Šrámek R. Místní jména na Moravě a ve Slezsku. Praha, 1979—1980. Т. I—II.

Profous A., Svoboda J. Místní jmená v Čechách: Jejich vznik, původní význam a změny. Praha, 1947—1957. D. I—IV; 1960. D. V. Napsali J. Svoboda, V. Šmilauer a další.

Kamińska M. Nazwy miejscowe województwa Sandomierskiego. Wrocław etc. 1964—1965. T. I—II.

Słownik etymologiczny nazw geograficznych Śląska / Pod red. St. Rosponda i H. Borka. Warszawa-Wrocław, 1970—1988. T. I—IV.

Rospond St. Słownik etymologiczny miast i gmin PRL. Wrocław etc., 1984.

Nazwy miejscowe Polski. Historia. Pochodzenie. Zmiany / Pod red. K. Rymuta. Kraków, 2001. T. I—IV.

Этимологические словари антропонимов.

Бірыла М. В. Беларуска антрапанімія. 2: Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск, 1969.

Скрипник Л. Г., Дзятківська Н. П. Власні імена людей / За ред. В. М. Русанівського. К., 1996 (последнее издание; словарь научно-популярного типа).

Заимов Й. Български именник. София, 1988 (здесь приводятся краткие объяснения генезиса антропонимов).

Rymut K. Nazwiska polaków: Słownik historyczno-etymologiczny. Kraków, 1999—2001. T. I—II.

Słownik etymologiczno-motywacyjny staropolskich nazw osobowych. Cz. 1: Odapelatywne nazwy osobowe / Pod red. A. Cieślukowej, M. Malec, K. Rymuta. Kraków, 2000.

Большой материал собран и в монографических разработках по этимологии личных имен чешских ученых:

Beněš J. O českých příjmeních. Praha, 1962.

Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.

11.2. *Этимологический анализ топонимии*

Как показывает практика многочисленных работ по ономастике, исследователи далеко не всегда могут правильно установить этимологию, казалось бы, даже относительно простых, словообразовательно

прозрачных онимов. Чаще всего, такие этимологии ограничиваются простым сопоставлением однокоренных единиц (причем в одну кучу без разбора мешаются генетически разные элементы). Дальше этого дело не идет. Между тем, этимология ономастической лексики предполагает не обычное сравнение фонетически подобных слов, а, в первую очередь, установление словообразовательной базы и выделение форманта, что делает необходимым знание деривационных моделей, по которым строятся онимы, валентности формантов и типов производящих основ (ср. тезис Ю. В. Откупщикова «пока не показано как, по какой модели образовано имя, мы не вправе говорить о том, что оно получило этимологическое объяснение») ²⁸. Ниже приводятся основные словообразовательные типы, по которым оформляется славянская ономастика.

11.2.1. Словообразовательные модели гидронимов.

1. Гидронимизация апеллятивов (чаще всего, народных терминов географической номенклатуры и прилагательных на *-n-*, *-ov-*, *-at-* и некоторых других):

укр. *Боркút* (поток в Закарпатье) возникло лексико-семантическим способом на основе диалектного апеллятива *боркút* 'минеральный источник' ²⁹; *Това* — озеро на территории бывшего Земплинского комитата (Закарпатье) < диал. *тóва* 'большое болото; нетеча' ³⁰;

пол. *Dłubna* — название притока Вислы ³¹, возникшее вследствие онимизации адъектива на *-n-* ~ *dlubać* 'долбить, выдалбливать', ср. аналогичное субстантивированное образование, употребляемое в сфере украинской народной географической терминологии — *дóвбня* 'яма, выбоина на дороге', 'искусственно вырытая яма; выбоина'; *Brzeźno* — название озера < *brzeźno* < *brzeza* 'берёза' ³²; укр. *Бúковий* — поток (Закарпатье) ³³ < *буковий* 'относящийся к дереву *бук*' и др.

Указанный класс мотивирующей апеллятивной лексики достаточно полно представлен в современных диалектных словарях общего (нетематического) типа и словарях народной (диалектной) географической терминологии.

Собственно, на определении мотивирующего апеллятива ономастическая (гидронимическая) этимология и заканчивается. Поскольку задачей любой этимологии является восстановление генетических связей и мотивов номинации, найденный идентичный топониму апеллятив-мотиватор, послуживший точкой отсчета в истории той или иной тополексемы, будет тем самым компонентом, установление связи с которым позволит обрисовать как структурную первооснову онима, так и первоначальную черту, легшую в основу мотивации. Генетическая интерпретация опорного термина географической номенклатуры — это уже апеллятивная этимология.

Также и с гидронимами, образованными от других топонимов или от личных имен. Их этимологизация предполагает всего лишь установление производящей топоосновы (далее — это уже этимология производящего топонима) или основы мотивирующего антропонима. См. ниже структурные типы оттопонимных и антропонимных гидронимов.

Этимологический анализ мотивирующего апеллятива целесообразен и потому оправдан только в том случае, если последний в апеллятивном словаре не сохранился: его восстанавливают с помощью гидронима, в основе которого он «законсервирован». Структура этого апеллятива этимологически затемнена, его связи с родственными формами разрушены, что не позволяет удовлетворительно истолковать мотивацию гидронима. Т. е. констатации того, какое слово является опорным для онима, явно недостаточно, поскольку она не позволяет объяснить, нюансы номинации. Возьмем сербский гидроним *Skorobotusha* — поток, южный приток реки Врмош на албанско-сербском пограничье, где наличествует значительный албанский языковой ингредиент³⁴. Это название не имеет, насколько нам известно, опоры в южнославянской апеллятивной лексике и соответствий в ономастиконе. Однако гидроним отвечает структурно-типологическим признакам славянских языков, и поэтому может быть объяснен как славянский. В частности, его целесообразно рассматривать как сложение основ имени **skora* ‘корка, шкура, кожа’ и глагола **botati(se)* (: схв. *boṭati* ‘ударять, бить’, слвн. *búti* ‘толкать, бить’). Типологической параллелью сербскому

гидрониму выступает укр. *Mixídpa* — река (бас. Серета) < *Měxu-dьra, где первая часть тождественна *měxъ ‘мех’, а вторая — *dьrati ‘драть, рвать’, т. е. ‘дерущая, рвущая мехи’. В принципе, не исключена реконструкция *Skorpota / *Skorpotъ (препозитивный компонент в форме винительного падежа), если допустить искажение славянской лексемы в условиях иноязычного окружения.

Это объяснение представляется тем более вероятным, что в старорусских памятниках находим точное соответствие сербской форме — *Скоро-ботъ. Это личное имя, сохраненное в составе ойконима *Скороботово*. Гипотетический антропоним, судя по его морфемным составляющим, потенциально мог обозначать лицо по роду деятельности — что-то вроде *кожемяки*, вообще того, кто выделывает кожу, шкуру. Итак, кроме одинаковой формы основы, сербский гидроним и старый русский антропоним имели близкую мотивацию — ‘та, что раздирает меха, кожу; тот, кто рвет кожу’. Формант *-usha* свидетельствует о словообразовательной адаптации славянского названия в речи местного албанского населения, где суффикс *-ush(e)* выполняет деминутивную функцию³⁵. Таким образом, мы не только восстанавливаем происхождение и первоначальную форму указанной лексемы (вне зависимости от версии), но и находим её место в славянской словообразовательной системе.

2. Оттопонимные:

а) образуются при помощи присоединения деминутивных и релятивного формантов *-ьсь*, *-ica*, *-ьka*, *-ькь*, *-ьскъ(jь)* к топоосновам разных разрядов (в том числе и к основам гидронимов):

хорв. *Ћrnoterac* — название потока (р-н Загреб) ³⁶ < *Ћrnoter — ойконим < *Ћrnotьr-jь (производное с посессивным формантом *-jь* от антропонима *Ћrnotьrъ с позднейшим отвердением конечного *-r*, скрывшим следы присоединения *-j-*); укр. *Донецъ*, *Ингулецъ* — названия рек, произведенные от потапонимов *Дон*, *Ингул* (формальная деминутивность в названиях гидрообъектов не всегда указывает на размер одного в отношении другого; она может говорить о более позднем освоении носителями языка побережья новой

реки, после их переселения с территорий, примыкающих к большому водному источнику, в названии которого отсутствует уменьшительный формант, ср. пример с отнюдь не маленьким (относительно *Дона*) *Донцом*); хорв. *Уна* и *Унац* — реки;

укр. *Золотоношка* — река, течение которой смежно с территорией города *Золотоноша* (Черкасская обл.); *Ўманка* — река, протекающая в р-не города *Ўмань*; слвн. *Tolminka* — река < *Tolmin* — город; болг. *Сирбинка* — название реки, протекающей возле населенного пункта *Сирбино*, ср. рус. *Сербинка* — гидроним в бывшей Казанской губернии < *Сербино; ст.-рус. *Жуковка*, *Дятловка*, XVI в. — названия рек в бывшем Каширском уезде ³⁷ < *Дятлово*, *Жуково* — ойконимы (они широко распространены на территории России) ³⁸;

рус. *Вандица* — река в Белозерье близости села *Ванда* ³⁹; слвн. *Ljubljanica* — река < *Ljubljana* — город и др.

укр. *Білінський* (*Білінський Потік*) — поток (бас. Тисы) < *Білин* — населенный пункт (Раховский р-н, Закарпатье), с территорией которого смежно течение потока;

б) образуются путем трансонимизации, т. е. путем переноса названия с контактного географического объекта на гидрообъект (переход онима из одного топонимического класса в другой): укр. *Бóтар* ([*Б'óтар'*]; в 20 гг. XX ст. — *Батар*, *Ботарь*) — речка, л. Тисы л. Дуная ⁴⁰. Это лексико-семантическое производное от *Батар* — бывшее название села *Братове* на территории Виноградовского района, в границах которого слиянием потоков *Хустик* и *Залим* образуется речка *Бóтар* (*Батар*). Первичность ойконима в паре «ойконим-гидроним» не вызывает сомнений: название населенного пункта в венгерских памятниках фиксируется уже с XIII ст., ср.: *Batár*, 1216 г. ⁴¹, вариант *Bothar*, 1216 г. ⁴² и др.

3. Отантропонимные:

а) произведенные при помощи присоединения к основам личных имен (двусловных композит, гипокористикам от композит, именам с формантами *-сь*, *-ica*) индивидуально-посессивного форманта *-jь* (архаичная модель);

б) произведенные путем присоединения к антропоосновам посессивных суффиксов *-ov-* и *-in-*: укр. *Балашків* — поток в Закарпатье, название которого образовано от антропонима *Балашко (деминутивная форма на *-к-* от распространенного в украинских диалектах личного имени *Балаш*) при помощи посессивного форманта *-iv* (< *-ov* в закрытом слоге); далее ср. название потока *Бáлдин* (*Балдiнський*; р-н г. Рахов), произведенное от широко представленного в украинской антропонимии личного имени *Балда* путем присоединения к его основе притяжательного суффикса *-ин-* (вариант названия *Балдiнський* — дериват на *-ський* от утраченного микропонима *Балдин или *Балдине) и др.

4. Лексикализация предложно-падежной формы: н.-луж. *Na-bloto, Zabłoto* — топонимы ⁴³, укр. *Зарудá* — поток (бас. Днестра) ⁴⁴ < *Руда < укр. диал. *руда* ‘мокрая заболоченная низина’, ‘места, заливаемые весенней водой’, ‘заросшее озеро’ ⁴⁵ (впрочем, для некоторых из топонимов такого типа производящими могут быть и соответствующие апеллятивы с префиксами *на-*, *за-*);

5. Лексикализация предложно-падежной формы, в которой существительным является название гидрообъекта или населенного пункта, с параллельным присоединением форманта *-ский*: укр. *Зарáйський* — поток (п. Золотой Липы п. Днестра), смежный с выселком *Рай* (г. Бережаны Тернопольской обл.); *Засерéтський* — название притока реки *Серет* ⁴⁶;

6. Переход в статус гидронимов словоформ с пространственным значением: укр. *За Сосно́ю* — ручей в бассейне Дона; *За Фóсою* — название балки в Хмельницкой области; *З Бiкова* — поток ⁴⁷ и др.

11.2.2. Словообразовательные модели ойконимов

Все перечисленные ниже словообразовательные модели свойственны практически всем классам топонимической лексики.

1. Ойконимизация апеллятивов (чаще всего, народных терминов географической номенклатуры и прилагательных на *-п-*, *-ov-*, *-(ov)at-* и др.):

укр. *Ўмань* — название украинского города, мотивированное географическим апеллятивом типа диал. бойк. *ўмань* 'большой участок поля' 48;

рус., укр., блр. *Дубовое, Дубове* — деревни, села в бывших Костромской, Херсонской и Гродненской губерниях (см. ниже) < *дубовое / дубове* и под.; укр. *Камишувате* — населенный пункт в Кировоградской области < *камишувате* ~ *камиш* 'камыш' и т. п.;

слвц. *Rudno* 49 — ойконим, образованный на основе адъектива (форма среднего рода) *rudno* (< *ruđa* 'руда'); точно также и в случаях с такими ойконимами, как рус. *Грибно* (< *грибно* < *гриб*), *Грудно* (< *грудно* < *груда* 'куча'), укр. *Коросне* < *Коростьно < *коростьно ~ укр. диал. *кóрост* 'корни и т. д. на поле' 50.

Также и при анализе оронимов (названий позитивных форм рельефа — гор, скал, скальных гряд, горных хребтов), ср. хорв. *С^орта* — название скалы с большой дырой на острове Вргада, лексико-семантическим способом образованное от схв. *gârta* 'углубление' или какой-то его местной семантической разновидности 51.

Как и в случае с этимологизацией гидронимии, генетическая интерпретация ойконимического (и вообще топонимического) материала равняется определению опорного топографического термина. Этимология оттопонимного или отантропонимного ойконима исчерпывает себя на этапе определения производящей топо- или антропоосновы.

2. Отгидронимные. Образуются путем присоединения к основе гидронима суффикса относительности *-ьsk-* или деминутивных формантов *-ьсь, -ica, -ѣка, -ѣкъ*: рус. *Сердобск* — название населенного пункта (в бывшей Саратовской губ.) на правом берегу реки *Сердобы* 52; *Гжатск* — город на реке *Гжать* 53; ст.-рус. *Боровеск, Боровск* — город, ср. название реки *Боровая* (оба названия упоминаются в одном источнике); блр. *Чачэрск (Чечерск)* — город, ср. название реки *Чечера* в бассейне Сожи; д.-рус. *Полотъскъ (Полотескъ)* — город, расположенный в месте впадения реки *Полотв* в Западную Двину; *Серпенскъ (Серпѣискъ)* — город на реке *Серпя* (приток

Угри); Пронескъ — город в Рязанской земле < Проня — река (правый приток Оки)⁵⁴ и др.

3. От других типов топонимов:

рус. *Мелынка*, XVI в. (Корчаковский стан Орловского уезда)⁵⁵ < *Мелынь* (ср. название деревни в бывшей Тульской губ. *Мелынь*)⁵⁶; рус., укр., блр. *Дубовка* — населенные пункты в бывших Смоленской, Харьковской и Минской губерниях, названия которых восходят к прилагательному *дубовый / дубовий*, ср.: рус., укр., блр. *Дубовое, Дубове* — деревни, села в бывших Костромской, Херсонской и Гродненской губерниях; серб., хорв. *Dubovac* — ойконимы, образованные присоединением суффикса *-ас-* (< *-ьсь*) от таких названий, как *Dubovo* в Сербии, Черногория⁵⁷ (при условии, что ойконимы на *-овка* и *-овас* по происхождению не являются диалектными апеллятивами вроде *дубовка, dubovac* < *дубовый, dubov*) и др.

слвц. *Rudinská*⁵⁸ < **Rudin(-a, -o)* — топоним, блр. *Djatlouck* — населенный пункт в районе Слонима < *Дятлово* (ср. вариант названия — *Дятлово*); д.-серб. *Изъворско*, 1292 г. — селение < **Изъворь*⁵⁹ и т. п.

Формантами здесь также выступают *-ск-* или деминутивный суффикс, указывающие:

а) на положение одного географического объекта, обозначенного тем или иным ойконимом, относительно другого географического объекта;

б) на меньший размер или более позднее время возникновения населенного пункта (или какого-либо другого искусственного сооружения) относительно объекта, в названии которого не представлен деминутивный формант.

Восточнославянские ойконимы с конечным сегментом *-ов-ка / -івка* (*Степановка, Петровка* и под.) возникли на основе отантропонимных названий на *-ов*. Однако регулярность последовательности суффиксов *-ов-* + *-к-* послужила причиной появления инновационного сложного форманта *-ов-к-*, который стал присоединяться уже непосредственно к основам личных имен. Таким образом, новые (уже отантропонимные) ойконимы указанного образца возникали вследствие

словообразовательной аналогии к существующим структурам (механическое наращивание основы личного имени сложным формантом).

4. От формы множественного числа названий лиц по месту проживания (катойконимов):

славц. *Rajčanu*⁶⁰ — название населенного пункта, образованное от *rajčanu* ‘выходцы из селения *Rajes*’ (такой ойконим действительно регистрируется⁶¹); украинские названия населенных пунктов на территории Волынской области *Берестяни* < *берестяни* ‘люди, живущие в берестовом лесу’ (также и в чешском языке, ср. ойконим *Vřeš'any*), *Озеряни*, т. е. буквально — селение, основанное *озерянами* ‘поселенцы возле озера’ и др.⁶²; славц. *Trebašovce* — топоним⁶³ < *trebašovce ‘выходцы из населенного пункта *Trebašov’;

укр. *Підгайці* — населенный пункт в Кировоградской области < *підгайці ‘жители местности, расположенной под *гаєм* (роща, небольшой лес)’; хорв. *Tordinci* — ойконим < *tordinci ‘выходцы из населенного пункта *Tordin’ (посессив на *-in* от антропонима *Torda, ср. однокоренное личное имя *Tordaj*)⁶⁴ и др.

5. Отантропонимные. Один из древнейших словообразовательных типов, действующих в сфере отантропонимной ойконимной деривации, это модель с индивидуально-посессивным формантом *-ja*, *-je*, *-jъ* плюс основа личного имени на *-ъсь*, *-ica* или основа двухкомпонентного антропонима (в том числе и его усеченная, гипокористическая форма):

серб. *Видче*, 1332 г. — селение⁶⁵, ст.-макед. *Видче*⁶⁶ — ойконим < *Видьць (ср. хорв. *Vides*⁶⁶ < *Vidьсь ~ *viděti ‘видеть’);

Draganče, *Ворче* — названия населенных пунктов у древних альпийских славян⁶⁸ < *Draganec, *Ворес (ср. хорв. *Draganac*, *Ворас* — личные имена)⁶⁹;

славц. *Крнча* — топоним⁷⁰ < *Крнес (: чеш. *Крнес*, хорв. *Крнац*, словн. *Крнес* — антропонимы < *Къръньсь)⁷¹;

славц. *L'urča* — топоним⁷², являющийся фонетическим вариантом к **L'ubča* < **L'ubec* (ср. распространенную украинскую фамилию

Любченко < *Любец ~ любий 'любимый'), ср. ещё словц. *L'uboreč* — топоним ⁷³ < *L'uborec* — личное имя;

словц. *Rárca* — топоним ⁷⁴ < *Rares (ср. хорв. *Raras*, *Rares* — личные имена);

пол. *Rabcza* — топоним ⁷⁵ < *Rabies (ср. хорв. *Rabac* ⁷⁶, ст.-укр. *Рабецъ* ⁷⁷ — личные имена, если последнее не вторичный вариант к распространенному *Рябець* ~ *рябий* 'рябой');

д.-рус. *Ѣтефанечь*, *Германечь* — ойконимы («пожгоша монастырь *Ѣтефанечь* деревнѣ и *Германечь*»; *Ипатьевская летопись*), образованные от личных имен на *-ьсь* ⁷⁸.

В позднюю эпоху (уже после XII в.) индивидуально-посессивный суффикс *-j-* в редких случаях (очевидно, из-за непродуктивности) мог сочетаться с основами канонических антропонимов ср., например, названия населенных пунктов: д.-рус. *Къснятинъ* < *Къснятинъ* + *-jъ*, «*Ѣтефанъ монастырь*» (*Воскресенская летопись*) < *Ѣтефанъ* + *-jъ*, рус. *Ивань*, 1547 г. — село, ст.-укр. *Ивань*, 1567 г. — село на реке *Иква* (*Вольнь*) ⁷⁹ < *Иван*. Изредка встречается присоединение *-jъ* к основам антропонимов других структурных образцов, ср. укр. *Хоцунь* — название населенного пункта на территории *Вольнской области*, образованное от личного имени *Хоцун* (< *Хоцъ*) + *-jъ* ⁸⁰.

Другой тип деривации названий географических объектов от личных имен это топонимизация плюральной формы антропонима, ср. ойконимы: укр. *Дідовичі* (*Вольнская* и *Житомирская обл.*), блр. *Дзедавічы* (*Брестская* и *Минская обл.*), чеш. *Dědovice*, мотивированные формой множественного числа личного имени типа укр. *Дідович*; укр. *Дідичі* (*Вольнская обл.*), хорв. *Dedići*, чеш. *Dědice* при укр. *Дідич* — личное имя; укр. *Березовичі* (*Вольнская обл.*) при патрониме *Березовичъ и др. ⁸¹

В остальном, ойконимы образуются тем же способом, что и отантропонимные гидронимы на *-ou-*, *-in-* (ср. пол. *Kraków* — название города < *Krak* — имя его легендарного основателя (ср. ст.-пол. *Johannes Crac* (= *Krak*), 1368 г.); хорв. *Ivankovo* — ойконим < *Ivanko* (ср. еще укр. *Иванко*); рус. *Балдина* — деревня в бывшей *Пермской губ.* ⁸² < *Балда* и др.).

В сфере ойконимии изредка встречаются случаи образования названий населенных пунктов от личных имен без использования суффиксальных средств. Это дериваты типа рус. *Фома Криницын* (бывшая Вятская губ.)⁸³.

В завершение отметим еще два структурных типа ойконимов, имеющих общую черту, которые следует иметь в виду, приступая к этимологической интерпретации ономастического материала. Речь идет о таких топонимических единицах как серб. *Милосава* (< *Мило-слава*)⁸⁴, возникших вследствие эллипсиса второй части архаичных составных географических названий вроде *Miloslava vьсь (в качестве второго компонента могло выступать не только *vьсь* 'село', но и *niva*)⁸⁵. Форма родительного падежа здесь выступает средством выражения possessивности.

Теперь ср. образования типа укр. *Смотрич* — река (протекает через г. Каменец-Подольский)⁸⁶, которые также отражают отпадение второго компонента (географического или административного термина), т. е. первоначально — *Смотрич поле (гидроним *Смотрич*, вероятно, вторичен относительно исчезнувшего топонима < *Смотрич — личное имя ~ рус. диал. *смотрич* 'жених, приехавший впервые в дом смотреть невесту'). Ср. еще болг. *Сервичь градъ* — название населенного пункта в исторических документах, *Ивангород* (современное название города в центральной Украине) < *Ивань город (с депалатализацией *-н*), рус. *Вседобричъ* (Московская область) < **Вседобричъ городъ*, а также древние славянские названия Константинополя *Цѣсарь град*, *Царь град*. Они представляют собой «possessивную синтагму» с притяжательными прилагательными *цесарь* 'цесарев, принадлежащий цесарю', *Смотричъ 'принадлежащий человеку по имени *Смотрич*', *Ивань 'Иванов', *Вседобричъ 'принадлежащий *Вседобричу*' и существительным *город / град*, которое подверглось эллипсису. Эти притяжательные прилагательные возникли вследствие присоединения к основам имен possessивного *-jь*⁸⁷. Сюда же и слов. *Ћавој* — название населенного пункта⁸⁸ < *Ћавојъ град (мотивирующий антропоним — *Ћавојъ, первая часть которого представляет собой вариант глагольной основы *čajati 'ждать' (ср. **ča-slavъ*⁸⁹), а вторая соотносима с аналогичными структурами

в составе таких личных имен как *Voľb-slavъ > ст.-пол. *Wojślaw-ski*, 1417 г.)⁹⁰.

11.3. Этимологический анализ антропонимии и этнонимии

Словообразовательные модели антропонимов. Антропонимы (личные имена) образуются следующими способами.

1. Антропонимизация апеллятивов. Чаще всего, в статус собственных личных имен (прозвище > фамилия) переходят нарицательные, характеризующие физические, психические, нравственные черты людей, их привычки, профессиональную деятельность, указывающие на социальный статус, место рождения, этническую принадлежность и некоторые другие:

укр., рус., блр. *Коваль*, *Ткач*, *Швец*, луж. *Šewc* от соответствующих апеллятивов, называющих профессию, ремесло;

рус. *Устюжанин* — фамилия, указывающая на принадлежность к *устюжанам*, т. е. жителям *Устюга*;

укр. *Голда́* и его фонетический вариант *Гóвдя* — распространённые на территории Украины фамилии, чеш. *Halda* ~ диал. *halda* 'женщина грубого характера', укр. диал. *гóлда* 'тулая, умственно ограниченная женщина'⁹¹;

блр. *Шалда* — фамилия (запись наша) < блр. диал. *шалда́* 'болтун, пустомеля'; укр. *Пиркатий* — фамилия в г. Киев < укр. диал. *пирка́тий* 'о курносом человеке'; укр. *Німець* — антропоним ~ диал. *німець* 'немой или невнятно говорящий человек', ст.-славц. *Нѣтес* — личное имя ~ славц. *петес* 'немой'⁹²;

рус. *Нерознак* — фамилия, образованная на базе прозвища, соотносимого с рус. диал. *нерозна́к* 'порода уток, у которой селезень и утка имеют одинаковое оперение' и т. п.⁹³

Если мотивирующий апеллятив установлен, этимология, целью которой в данном случае является определение мотива номинации, на этом закончена, как и в случае с топонимической лексикой (см. выше). Но если структурно неясное опорное слово нигде не засвидетельствовано и условно реконструируется на базе антропонима,

поскольку последний обладает явными чертами отапеллятивного образования, то для выяснения семантики номинации нужно переходить к этимологии апеллятива. Возьмем ряд хорватских антропонимов: *Srkač*, *Srkoč*, *Srkoj*, *Srkolj*, *Srkulj* ⁹⁴. Все они, без сомнения, родственны, поскольку имеют без труда устанавливаемую при морфемном анализе основу *Srk-* (предположительно, славянскую). Варьирующиеся же сегменты *-ač*, *-oč*, *-oj*, *-olj*, *-ulj* не что иное как местные варианты продуктивно функционирующих в разных славянских языках суффиксальных формантов. Итак, известно, что перед нами славянские формы, образованные на базе апеллятивов **srkač*, **srkoč*, **srkoj*, **srkolj*, **srkulj*, но их реконструкция ничего не дает в плане установления черт номинации, т. к. неизвестно их значение. Поиск аналогичных форм в лексике других славянских языков тоже не приводит к желаемому результату, значит, речь идет об очень архаичных апеллятивах, вышедших из употребления очень давно, что косвенно свидетельствует и о древности самих антропонимов. Однако обращение к славянской глагольной лексике подсказывает направление, в котором должна вестись этимологическая процедура, а именно — рассмотрение перечисленных апеллятивов как дериватов от глаголов типа серб. *srkati*, *srknuti* ‘пить глотками; плакать’, славн. *srkati* ‘пить глотками’, чеш. *srkati* ‘пить глотками; плакать’, пол. *sarkać* ‘втягивать в себя воздух, сопеть, фыркать’, рус. диал. *сыркать*, **сыркнуть* ‘втягивать носом понюшку’, *саркати* ‘фыркать’, укр. диал. *саркати* ‘т. с.’, блр. *саркаць* ‘храпеть’ ⁹⁵. Т. е. чертой, легшей в основу мотивации, была привычка человека громко втягивать в себя воздух, сопеть или подобные ей. В данном случае при этимологизации группы личных имен мы не только добиваемся удовлетворительного их истолкования, но и попутно восстанавливаем фрагмент старого, вероятно, ещё праславянского, словообразовательного гнезда: **sɛrkati*, *-ajɔ*, **sɛrknoʦi* ~ **sɛrk-ačb*, **sɛrk-očb*, **sɛrk-ojɔb*, **sɛrk-olɔb*, **sɛrk-ulɔb*, **Sɛrk-ot-itjɔ* (< **sɛrk-ota* / **sɛrk-otɔ*; ср. *Srketić* — антропоним ⁹⁶ со вторичной диалектной меной *o* > *e* в суффиксе, учитывая отсутствие результата первой палатализации).

2. Образование от других личных имен или прозвищ. В эту категорию дериватов входят многочисленные производные на *-ov-*, *-ip-*, *-(ov)ič-*, укр., блр. *-ук-* / *-'ук-*, *-енк-* от:

а) канонических и славянских двухкомпонентных имен типа болг. *Димитров*, *Георгиев*; рус. *Александров*, *Алексеев*, *Антонов*; укр., блр. *Павлюк*, *Дмитрук*; укр. *Петренко*, *Иваненко*, *Трофимович*, *Горпинич* (< *Горпина*), *Кулинич* (< *Кулина*), *Михайлишин*; серб. *Павловић*, *Јовановић*, *Милорадовић* и под. (описанию антропонимов такой структуры посвящена многочисленная ономастическая литература, насчитывающая сотни позиций разного «калибра»);

б) прозвищ: *Німчук*, рус. *Немченко* (очевидно, украинского происхождения, судя по антропоформанту *-енко*) < *Німець*; рус. *Ковалев*, *Кузнецов* < *Коваль*, *Кузнец*, *Рыбаков* < *Рыбак* и др. Правда, в последних примерах трудно однозначно сказать, действительно ли имя мотивировано собственно прозвищем, поскольку с таким же успехом оно может восходить к названию лица по профессии, т. е. антропоним формировался не как последнее звено цепи «название лица по профессии» > «прозвище» > «фамилия (наследник того, чье прозвище лежит в основе фамилии)», а как второй элемент пары «название лица по профессии» > «фамилия», т. е. и как 'сын человека по прозвищу *Кузнец*, *Коваль*, *Рыбак*', и как 'сын *кузнеца*, *коваля*, *рыбака*'.

На собственно антропонимном уровне также возможна деривация, в частности, деминутивная (очевидно, указывала на возраст носителя имени, ставшего впоследствии фамилией), ср.: укр. *Іван-ець*, *Семен-ець*, *Іван-ко*; блр. *Аляксейчык*, *Харытончык*, *Лявончык*, *Фэдарец* и др.

Изредка в функции патронимического форманта выступает *-ар*, ср. болг. *Пердар* — наследник человека по имени *Перд*⁹⁷.

Исследование антропонимических микросистем каждого конкретного славянского ареала требует детального изучения парадигмы местных вариантов канонических и славянских языческих имен (их гипокористических, усеченных вариантов, которые в дальнейшем сами становятся производящими для деминутивных форм). Это само по себе является отдельной проблемой. Дело в том, что при повседневном

общении в речи носителей славянских диалектов той или иной территории все имеющиеся личные имена подвергаются значительной структурной трансформации, приводящей к отрыву от базовой формы. Отсюда невозможность анализа имени или выбор неправильного направления поисков. Вот яркие примеры такого формального искажения имен: серб. диал. *Мѣта* (гипокористик к официальному *Методије*), *Мија* (*Миодраг*, *Миомир*), *Миќа* (*Милан*, *Миливоје*, *Милорад*), *Лаќи* (*Властимир*), *Леуќо* (*Александар*), *Коќа* (*Никола*), *Аќи* (*Алиса*), *Гоќа* (*Гордана*) и др.; укр. закарп. *Одо'ц'а* (*Евдокия*), *Ми'н'чо* (*Евмен*), *Мис'* (*Михайло*) и др.⁹⁸ Не имея представления о таких видоизменениях, можно попасть впросак, отождествив *Мѣта* с апеллятивом ~ *метати* 'метать, бросать', *Миќа* с каким-нибудь местным вариантом христианского имени типа рус. *Микаэль* и др.

В некоторых славянских языках в историческую эпоху возникли свои форманты, при помощи которых образовались местные варианты гипокористик, деминутивных имён. Ср., например, рус. диал. *-ша* (*Федюньша*, *Егорша*, *Ваньша*), чеш. *-ša* (*Lukša* < *Luka* — каноническое имя), чеш. *-da* (*Jarda* < *Jaroslav*, *Jenda* < *Jen* (*Jan*), *Tonda* < *Antonin*, *Milda* < *Milan*) и др.⁹⁹ Ср. ещё такие формы, как укр. *Федас* ~ *Федір*, *Матвіяс* ~ *Матвій* и др.

3. Сложение основ, практиковавшееся в праславянском антропонимике и потому являющееся древнейшим славянским типом антропонимной деривации: **Voldi-měръ* / **Voldi-mirъ*, **Jaro-mirъ* / **Jaro-slavъ*, **Slavo-mirъ*, **Mysli-vojъ*, **Gojъ-myslъ*, **Milo-slavъ*, **Svęto-рѣлкъ*, **Terbo-vitъ* и сотни других, построенных из разных комбинаций большого, но обозримого набора компонентов¹⁰⁰. Основы некоторых имен этой категории подвергались усечению, т. е. усекался практически весь второй компонент, кроме начального звука. В частности, известны случаи усечения антропонимов со второй частью *-měръ* / *-mirъ*, *-milъ*, *-myslъ*, *-vitъ*, (редко) *-slavъ*, ср.: **Gostovъ* (просвечивает в основе ст.-рус. *Гостовлѣ* — ойконим¹⁰¹, т. е. антропоним + *-j-*) < **Gosto-vitъ*; рус. **Gostomъ* (: рус. *Гостомля*, укр. *Гостомль* — ойконимы¹⁰², образованные от личных имен присоединением посессивного *-j-*) < **Gosto-mirъ* / **Gosto-měръ* или от варианта

с другим компонентом с начальным *m-*; *Vojisъ < *Voji-slavъ (: слав. *Vois*, XIII в. — документально засвидетельствованная гипокористическая форма к *Voislav*, XIII в.)¹⁰³ и др.

4. От названий населенных пунктов, местностей, территорий путем присоединения к их основам релятивного суффикса *-ъsk-* (с соблюдением всех нюансов морфонологического характера): рус. *Вяземский* < *Вязьма*; *Слонимский* < *Слоним*; укр. *Городецкий* < *Городець*; *Городенский* < *Городне*; хорв. *Videnski*, *Vidicki* — фамилии¹⁰⁴ < *Vidne* (ср. аналогичный ойконим в Черногории)¹⁰⁵, *Vidica — ойконим (та же модель, что и в фамилии *Винницкий* < *Винница* — город в Украине); пол. *Wrocławska* < *Wrocław* — название города; *Rawłowska* < *Rawłow* и др.

5. Известен и такой тип образования, как лексикализация предложной словоформы с пространственным значением плюс суффикс *-n-*, ср. рус. *Подлесный* — фамилия в городе Кировограде (запись наша; т. е. 'житель местности, расположенной вблизи леса'; в случае мотивации антропонима основой ойконима *Подлесное* ожидалось бы *Подлесенский).

6. Путем перехода к атоёйконимов (названий лиц по месту проживания) в антропонимы: укр. *Смілянець* < *смільянець — житель селения *Сміляни — населенный пункт, основанный выходцами из поселения *Сміла* (ср. аналогичное название города в Черкасской области) и др.

Словообразовательные модели этнонимов. Ниже даны основные из них.

1. Образование от топонимических основ или от основ географических терминов (со значением определенного типа местности) путем присоединения суффиксальных формантов *-ěne/-jane*, *-iti*, *-ьci* и префикса *po-*: *bužane (~ *Bužъ — река Буг), *moravjane (~ *Morava — река Моравя), *vislěne (~ *Visla — река Висла), *volyněne (~ *Volynь — регион Вольнь), *ezerьci, *ezeriti (~ *ezero 'озеро'), *polabi

(~ *Laba — река Лаба); **rotor'ane*, очевидно, мотивировалось названием местности **rotog'je* (с усечением производящей основы) и др. ¹⁰⁶

2. Отантропонимное словообразование. В основе этнонима как племенного названия (или общего названия союза племен) имя родоначальника или вождя (т. е. 'отец' племени') плюс патронимический формант: псл. **l'uto-měritji* ¹⁰⁷ < **L'utoměř*; д.-рус. вятичи (жили на территории современных Калужской, Тульской и Орловской областей) < Вятко; радимичи (обитали между реками Днепр и Сож) < Радимъ и др. ¹⁰⁸

3. Отглагольная деривация (мотивация названия группы людей по роду деятельности), предполагающая присоединение суффикса со значением деятеля: *obъdъr-iti ~ *obъ-dъrati 'ободрать, ограбить' (*Abodriti*, ген. plur. *Abodritorum* — во франкских анналах начала IX в. племя, жившее «по соседству с болгарами в Дакии», название которого на языке народа означает 'грабители'; относительно словообразовательной модели ср. рус. *наймит*, укр. *наймит* 'наемник, наемный работник') ¹⁰⁹.

Известны и другие типы мотивации этнонимов, ср.:

*slověne, *slověnci, *slovaci (sing. *slovakъ), произведенные от основы настоящего времени *slovo (inf. *sluti 'слыть, понимать, понятно говорить'), т. е. 'понимающие друг друга, говорящие на одном языке'. Ср. типологически однородную идентификацию албанцев как *Shqiptar* < алб. *shqip* 'ясно, понятно' ¹¹⁰. Суффикс -*ěp-* / -*jan-* присоединялся не только к основам топонимов или географических терминов, имея более широкий функциональный спектр, ср. д.-рус. *ловьчанинъ*, *сѣмианинъ*, *бѣглианинъ* ¹¹¹.

*dudlěbi 'дулебы' (: д.-рус. *дудлѣви* — племя на Южном Буге, ст.-чеш. *Dudlebi* — племя в южной Чехии и др.) < герм. *daud-laiba* 'наследство умершего' (слово сформировалось на территории древней Тюрингии, что хорошо согласуется с процессом освоения славянами покинутых германцами территорий) ¹¹² и т. п. (например, этноним *русы* вообще был унаследован восточнославянскими племенами от ассимилированного ими иранского племени в Донском регионе, ср. иран. **ruk̄sa-* / **ru(s)sa-* 'светлый, белый') ¹¹³.

Исследование древнейших славянских этнонимов опирается на один принципиальный критерий, а именно: в первую очередь, приступая к этимологизации того или иного этнического названия, нужно выяснить (в исторических документах такая информация, как правило, содержится), является ли данное слово самоназванием какой-то славянской этнической группы или же речь идет о том, как называли славян их неславянские соседи (например, этнонимы *анты* и *венеды* первоначально обозначали другие народы на славянских перифериях и лишь вторично были перенесены на славян)¹¹⁴. От этого и будет зависеть направление поисков этимологии.

11.4. Способы освоения славянского ономастического субстрата неславянскими этносами

Славянская ономастика в речи пришлого неславянского населения, ассимилировавшего местный славянский этнос или ставшего на конкретной территории господствующим, адаптировалась тремя способами.

1. Фонетически. Это передача славянского названия звуковыми средствами, имеющимися в распоряжении языка, осваивающего славянский топонимикон: слав. *Medobor* (буквально — ‘медовый лес’) германцами усвоено как *Magdeborn* (близ Лейпцига)¹¹⁵, д.-луж. (в германском произношении) *Söbirgen* < *Seběkury, *Zebulusk* < **Sebělusky*¹¹⁶, западнославянское *Podgrodzie* в немецкой речи адаптировалось как *Puttgarden*¹¹⁷.

Группа древних славянских топонимов, бытовавших на территории, позднее завоеванной угорским этносом, была усвоена последним как: слав. *Bezďbnъ (~ *dъbno) > венг. *Bezdán*, слав. *Česъ (~ *česti, *česati) > венг. *Csász*, слав. *Česlb (~ чеш. *česle* ‘палка в огороде у спуска пруда, у мельничного спуска’, болг. диал. *чешъл* ‘гребень’ и др.¹¹⁸) > венг. *Császló*, слав. *Častъ (продолжение (после утраты ринезма) псл. *Čestъ: чеш. *část* ‘часть’, д.-рус., рус.-ц.-слав. *часть*, *часть* ‘часть, доля’, ‘часть земельного владения’ и др.¹¹⁹) >

венг. *Császta* и др.¹²⁰ (речь может идти и об отображении рефлекса *Čęstja).

2. Словообразовательно, т. е. путем присоединения к славянскому названию (с неясной для носителей неславянской речи мотивацией) неславянского географического или административного термина: слвн. *Stoderwald* — ороним в австрийских Альпах < слвн. *Stoder* (~ диал. *stodør* ‘скала’) плюс герм. *Wald* ‘лес’; д.-луж. *Častavendorf*, *Ratiboresdorf* (*Ratiborici*) — названия населенных пунктов¹²¹, германизированные присоединением к славянским отантропонимным ойконимам немецкого апеллятива *Dorf* ‘деревня’; *Kortmedien* — топоним у древних прибалтийских славян (в их речи псл. *tǔrt* > *tort*), к основе которого присоединено герм. *Medien* ‘лес’; *Slavesthorp*, *Retmersthorp*¹²² — сложение основ славянских топонимов **Slav-* и *Ratiměr-jь (< *Ratiměrъ — личное имя).

Далее ср. встречаемое в венгерских памятниках мадьяризированное в виде *Borsowahawasa* (вторая часть — венг. *havas* ‘горная долина, пастбище на вершинах гор’) архаичное слав. *Bъrševa — название горной долины в районе течения реки **Bъrševa*¹²³ и т. п.

Также и с восточнославянской ономастикой: рус. *Кортолохта* — гидроним (ср. в чистом виде рус. *Корта* — озеро, пол. *Kort* — река, слвн. *Kvart* с местным переходом *K-* > *Kv-*), где *лохта* — географический термин, функционирующий в языках финской группы; *Кордемтюр*, *Кордемучакш* — поселения в Яранском уезде близ реки *Кордемки*, в основе названий которых русские ойконимы, тюркизованные при помощи черемис. *тюр* ‘край’ и *мучакш* ‘вершина’; *Картлей* — ойконим (ср. рус. *Корта* — озеро < *Кърта) плюс морд. *лей* ‘река’; укр. *Курпа-Тарама* — гидроним (*Курпа* ~ блр. *Курпі* — ойконим, рус. *Курпа* — река и др.), адаптированный тюркским этносом при помощи тюрк. *тарама* ‘балка’¹²⁴ и т. п.

Фиксируются и случаи такого вида адаптации, как присоединение к основе славянского слова чужого форманта, ср.: слав. *Кърбу-ун-ещи* — ойконим на территории современной Молдавии (в старорукраинских памятниках) < *Къrb-унъ плюс молд. *-ești* (т. е. *-ești*)¹²⁵.

3. Путем калькирования. В этом случае славянское слово заменяется буквальным его соответствием в осваивающем языке:

макед. *Црна* — название реки, переведенное пришлым турецким этносом как *Karasi*, т. е. 'Черная вода' (тур. *su* = слав. *voda*)¹²⁶;

укр. *Водяна́* — название балки (п. Кальмиуса, впадает в Азовское море), калькированное татарами как *Су Тарама* (букв. 'водяная балка'); *Молочна* — река (впадает в озеро *Молочне* на северном побережье Азовского моря), название которой было освоено татарами как *Сют*¹²⁷ (тат. *сѳт* 'молоко, молочный') и др.

¹ ЭССЯ. М., 1979. Вып. 6. С. 118, 131–133.

² Раич И. История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов, из тьмы забвения изъятая, и во свет исторический произведенная. СПб., 1795. С. 135.

³ Там же. С. 128.

⁴ Подробнее о гнезде с этой основой см.: Шульгач В. П. Прасло-в'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). К., 1998. С. 53–55.

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1987. Т. IV. С. 148.

⁶ Pletersnik M., Wolf A. A. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894. Т. I. S. 614.

⁷ ЭССЯ. М., 1990. Вып. 16. С. 132.

⁸ Kronsteiner O. Die slowenischen Namen Kärntens (= Österreichische Namen forschung. Sonderreihe 1). Wien, 1982. S. 108.

⁹ Listář k dějinám Školství Kutnohorského (1520–1623) / Sest. dr. Vojtěch J. Nováček. Praha, 1894 (= Historický archiv. Č. 5). S. 167.

¹⁰ Сташевский Е. Д. Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в. Выпуск 1. Московский уезд. Киев, 1907. LXVII.

¹¹ Дела Тайного Приказа. СПб., 1908. Кн. 2. Ст. 613 (= Русская историческая библиотека).

¹² Petrov A. Národopisna mapa Uher podle úředního lexikonu osad z roku 1773. Praha, 1924. S. 61.

¹³ Там же.

¹⁴ Дела Тайного Приказа. Ст. 17.

¹⁵ Цоговић А. Топонимија југословенског дела Проклетија // Ономатологи прилози / Гл. уредник П. Ивић. Београд, 1983. Књ. IV. С. 288.

¹⁶ Українська РСР: Адміністративно-територіальний устрій на 1 січня 1987 р. К., 1987. С. 407.

¹⁷ Генеральний опис Лівобережної України 1765–1769 рр. Показчик населених пунктів. К., 1959. С. 128.

¹⁸ Другие производные от основы **Губ-* см.: ЭССЯ. М., 1988. Вып. 15. С. 167–189; Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2002. Т. II. С. 48–80.

¹⁹ См.: Поповић Ј. Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955. С. 38, 42, 49.

²⁰ Козлова Р. М. Адаптация славянской гидронимии неславянскими этносами. I // Актуальные вопросы славянской ономастики. Гомель, 2002. С. 117–126; Трубачев О. Н. Sclavania на Майне в меровингскую и каролингскую эпоху. Реликты языка // Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003. С. 391–414. Ср. ещё об освоении славянского топонимикона в языках других этносов: Козлова Р. М. Адаптация славянской ономастики финно-угорскими этносами // Актуальные вопросы славянской ономастики. Материалы II Международной научной конференции 11–12 ноября 2004 г. Гомель, 2004. С. 93–104.

²¹ Материал взят из: Dum a J. Nazwy rzek lewobrzeżnego Mazowsza (z całym dorzeczem Pilicy). Warszawa, 1999. S. 32.

²² Материал приводится по: Стрижак О. С. До питання про топонімію Полтавщини XIV–XVI ст. (назви населених пунктів) // I Республіканська топонімічна нарада. Тези доповідей. К., 1959. С. 68.

²³ Лома А. Рефлекси групе -*n(ь)n-* у српској топонимији // Наш језик. Београд, 1999. Т. XXXIII/1–2. С. 100, 102.

²⁴ Фасмер М. Т. III. С. 605.

²⁵ Устно-поэтические легенды Белгородской области: Учебное пособие к курсу «Русское народное устно-поэтическое творчество». Белгород, 2000. С. 38–39 (здесь собрано большое количество таких народноэтимологических толкований).

²⁶ Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). К., 1972. С. 65. См. ещё формы, приведённые в: Melich J. Die Namen von Preßburg // Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1924. Bd I. S. 79–101.

²⁷ Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika. II. Konzonzantizem. Ljubljana, 1924. S. 161 (со ссылкой на этимологию Л. Пинтара, пред-

ложенную в 1914 г.; значение префикса *та-* 'какго, пекако' дается Ф. Ра-
мовшем).

²⁸ Откупщиков Ю. В. Принципы этимологизации ономастики // Русская диалектная этимология. Материалы IV Международной научной конференции 22–24 октября 2002 г. (г. Екатеринбург). Екатеринбург, 2002. С. 75.

²⁹ Словник гідронімів України / Ред. колегія: А. П. Непокупний, О. С. Стрижак, К. К. Цілуйко. К., 1979. С. 64; Жегуц І. Піпаш Ю. Словник гудульського говору в Закарпатті. Мюнхен, 2001. С. 23.

³⁰ Петров А. Карпаторусские межевые названия из пол. XIX и из нач. XX в. Рґаһа, 1929. S. 83; Верхратський І. Знадоби для пізнання угро-руських говорів. Словарець // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1899. Т. XXX. С. 262.

³¹ Rospond S. Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych. Wrocław etc., 1976. Т. II. S. 82.

³² Черепанова Е. А. Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984. С. 70; Громко Т. В., Лучик В. В., Поляруш Т. І. Словник народних географічних термінів Кіровоградщини. К.; Кіровоград, 1999. С. 71; Leyding G. Słownik nazw miejscowych okręgu Mazurskiego. Cz. II: Nazwy fizjograficzne (zlokalizowane). Rozpań, 1959. S. 231.

³³ Словник гідронімів України. С. 75.

³⁴ Цоговић А. Топонимија југословенског дела Проклетија // Ономатолошки прилози / Гл. уредник П. Ивић. Београд, 1983. Књ. IV. С. 342.

³⁵ Материал приведен по: ЭССЯ. М., 1975. Вып. 2. С. 224; Трубачев О. Н. Заметки по славянской ономастике // *Onomastica Jugoslavica*. Zagreb, 1982. V. 9. С. 163 (этимология украинского гидронима); ЭССЯ. Там же. С. 225 (причем сербский материал в статье *boiēti отсутствует); Эйтрей Г. И. Албанский язык (Грамматический очерк с текстами и комментариями). Л., 1982. С. 45. Старорусское имя дано по: Новгородские писцовые книги. Петроград, 1915. Т. VI. С. 861.

³⁶ Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971. Књ. 1. S. 277.

³⁷ Григорович В. Очерк путешествия по европейской Турции (с картой окрестностей Охридского и Преспанского озер). М., 1877. С. 125; Wörterbuch der russischen Gewässernamen. 1968. Bd IV. S. 239. Писцовые

материалы дворцовых владений XVI века / Сост. Е. Н. Колачева, Н. П. Воскобойникова. М., 1997. С. 293.

³⁸ Ср.: Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Wiesbaden, 1966. Bd III/1. S. 167; 1967. Bd III/2. S. 311–313.

³⁹ Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2000. Т. 1. С. 158.

⁴⁰ Словник гідронімів України. С. 67.

⁴¹ Дэже Л. Очерки по истории закарпатских говоров. Будапешт, 1967. С. 245;

⁴² Словник гідронімів України. С. 67.

⁴³ Эйхлер Э. Древнелужицкая языковая область по данным топонимики (к вопросу о славянском ономастическом атласе) // Вопросы языкознания. 1962. № 6. С. 86.

⁴⁴ Словник гідронімів України. С. 207.

⁴⁵ Черепанова Е. А. Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. С. 200.

⁴⁶ Словник гідронімів України. С. 207, 208.

⁴⁷ Словник гідронімів України. С. 208, 209.

⁴⁸ Онишкевич Й. О. Словник бойківських говірок. К., 1984. Ч. 2. С. 317.

⁴⁹ Petrov A. Národopisna mapa Uher podle úředního lexikonu osad z roku 1773. S. 67.

⁵⁰ Подробнее см.: Іліаді О. І. [Рец. на:] Віра Котович. Походження назв населених пунктів Опілля. Дрогобич: Відродження, 2001. 156 с. // Студії з ономастики та етимології. 2002. К., 2002. С. 240.

⁵¹ Примеры взяты из: Schütz J. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957. S. 18; Jurišić B. Rječnik govora otoka Vrgade uspoređen s nekim čakavskim i zapadnoštokavskim govorima. Zagreb, 1973. S. 102.

⁵² Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1889. T. X. S. 587.

⁵³ Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Bd I. S. 430.

⁵⁴ Указатель к осьми томам Полного собрания русских летописей. СПб., 1907. Отд. II: Указатель географический. С. 352, 423, 358, 359; Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 205, 56; Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. Гомель, 1997. С. 61.

⁵⁵ Смирнов П. Орловский уезд в конце XVI века по писцовой книге 1594—5 г.г. Киев, 1910. С. 332.

⁵⁶ Russisches geographisches Namenbuch. 1971. Bd V. S. 514.

⁵⁷ Russisches geographisches Namenbuch. Wiesbaden, 1966. Bd III. S. 115, 116, 117; Imenik mesta. Pregled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji. Beograd, 1956. S. 153.

⁵⁸ Petrov A. Národopisna mapa Uher. S. 67.

⁵⁹ Russisches geographisches Namenbuch. Wiesbaden, 1966. Bd III. S. 167; Григорович В. Очерк путешествия по европейской Турции. С. 41.

⁶⁰ Petrov A. Národopisna mapa Uher. S. 66.

⁶¹ Там же.

⁶² См.: Шульгач В. П. Ойконімія Волині: Етимологічний словник-довідник. К., 2001. С. 12, 100.

⁶³ Petrov A. Národopisna mapa Uher. S. 71.

⁶⁴ Imenik mesta. S. 438; Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. Zagreb, 1976. S. 685.

⁶⁵ Григорович В. Очерк путешествия по европейской Турции. С. 43.

⁶⁶ Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2000. Т. 1. С. 76.

⁶⁷ Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. S. 713.

⁶⁸ Kronsteiner O. Die slowenischen Namen Kärntens (= Österreichische Namen forschung. Sonderreiche 1). Wien, 1982. S. 107.

⁶⁹ Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. S. 60, 139.

⁷⁰ Petrov A. Указ. соч. S. 59.

⁷¹ Подробнее см.: Козлова Р. М. Структура праславянского слова. С. 328—329.

⁷² Petrov A. Указ. соч. S. 61.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. S. 64.

⁷⁵ Там же. S. 41.

⁷⁶ Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. S. 541.

⁷⁷ Ономастическая картотека Института украинского языка НАН Украины.

⁷⁸ Мароевич Р. Методологические основы реконструкции древнеславянских топонимов (деривационно-семантический и деривационно-фонетический аспекты) // Ономастика та етимологія: Зб. наук. праць на честь 65-річчя Ірини Михайлівни Железняк. К., 1997. С. 155.

⁷⁹ Там же. С. 155, 156; Ономастическая картотека Института украинского языка НАН Украины.

⁸⁰ Подробнее см.: Шульгач В. П. Ойконімія Волині. С. 144.

⁸¹ Там же. С. 12, 42.

⁸² Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. W. Taszyckiego. Wrocław etc., 1971. Т. III/1. S. 130; Imenik mesta. S. 204; Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. S. 244; Russisches geographisches Namenbuch. Wiesbaden, 1963. Bd . S. 250.

⁸³ Russisches geographisches Namenbuch. Wiesbaden, 1979. Bd IX. S. 420.

⁸⁴ Упрощение группы *-сл-* в антропонимах-композиатах с основой *-slav / Slav-* очень старое и регулярное явление в сербских и хорватских диалектах.

⁸⁵ Мароевич Р. Указ. соч. С. 162.

⁸⁶ Словник гідронімів України. С. 513.

⁸⁷ Григорович В. Очерк путешествия по европейской Турции. С. 180; Мароевич Р. Методологические основы реконструкции древнеславянских топонимов. С. 163; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. IV. С. 179.

⁸⁸ Petrov A. Указ. соч. S. 52.

⁸⁹ ЭССЯ. М., 1977. Вып. 4. С. 27.

⁹⁰ Słownik staropolskich nazw osobowych. Wrocław etc., 1987. Т. VII/3. S. 293.

⁹¹ Корзонюк М. М. Матеріали до словника західноволинських говірок // Українська діалектна лексика: Зб. наук. праць. К., 1987. С. 99; Svoboda J. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964. S. 166; Gregor A. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Brno, 1959. S. 58.

⁹² Диалектные слова даны по: Климчук Ф. Д. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968. С. 76; Шило Г. Ф. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957. С. 249; ЭССЯ. М., 1999. Вып. 25. С. 103.

⁹³ Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л., 1986. Вып. 21. С. 145.

⁹⁴ Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. S. 608.

⁹⁵ Материал взят из: Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903. С. 70—74.

⁹⁶ Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. S. 608.

⁹⁷ Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2000. Т. 1. С. 56.

⁹⁸ См.: Тирић Љ. Ономастика Белопаначког краја // Ономатолошки прилози / Гл. уредн. П. Ивић. Београд, 1997. Књ. XIII. С. 292, 296, 298; Чучка П. П. Традиційні імена закарпатських українців // Волинь—Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир, 2003. С. 179, 180, 192.

⁹⁹ См. Pastyřík S. Studie o současných hypokoristických podobách rodných jmen v Čestíně. Hradec Králové, 2003. S. 48, 50, 52, 56.

¹⁰⁰ Большинство моделей описано в: Rymut K. Zosób leksemów w prasłowiańskich imionach złożonych // Onomastica. Wrocław, 1993. Roc. XXXVIII.

¹⁰¹ Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам. Петроград, 1915. С. 123.

¹⁰² Эти ойконимы и структурно близкие образования ещё рассматривают как дериваты на *-j-* от рефлексов праславянского причастия на *-m-** **gostomъ*, для которого восстанавливается соотносимый глагол **gostiti* ‘гостить’ (см.: Казлова Р. М. Беларуская і славянская гідранімія. Праславянскі фонд. Гомель, 2002. С. 199–200). Это не имеет под собой никаких оснований: **gostiti* — не более чем умозрительный конструкт, поскольку праславянские диалекты не знали глаголов такого морфологического класса (во всяком случае, доказательства в работе не приводятся). Кроме того, закон открытого слога не позволял нанизывания такого количества консонантов, да ещё и обладающих общей артикуляционной чертой (дентальность), затрудняющей произношение в такой комбинации. Говорить о причастной (партиципиумной) природе **gostomъ* можно только в том случае, если рассматривать его в плоскости индоевропейского языкового состояния, т. е. квалифицировать его как репрезентант и.-е. **ghāsto-m-* (в случае существования такового), усвоенный праславянским уже как имя. Соответственно, его история восходит ко времени, когда ещё не существовало формы инфинитива.

¹⁰³ Примеры взяты из: Чучка П. П. Антропонімія Закарпаття (вступ та імена): Конспект лекцій. Ужгород, 1970. С. 86.

¹⁰⁴ Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. Zagreb, 1976. S. 713–714.

¹⁰⁵ Imenik mesta. S. 459.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 59. См. ещё: Его же. Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на *-ǫlǫnъ*, *-janǫnъ* // *Этимология*. 1980. М., 1982. С. 3—15.

¹⁰⁷ Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. Там же.

¹⁰⁸ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. I. С. 376; 1987. Т. III. С. 430.

¹⁰⁹ Трубачев О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. М., 2003. С. 142.

¹¹⁰ Эта точка зрения известна ещё с девятнадцатого века (имена её сторонников приведены в: Ильинский Г. А. Славяне и немцы с точки зрения этимолога // *Известия Отделения русского языка и словесности*. Т. XXIV (1919). Кн. 1; сам Г. А. Ильинский, поначалу поддержав её, в названной работе предложил новое толкование). Активно разрабатывалась в трудах О. Н. Трубачёва. См. Трубачёв О. Н. *Древние славяне на Дунае (южный фланг). Лингвистические наблюдения. I* // Трубачёв О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян*. С. 113.

¹¹¹ См. выборку из словаря И. И. Срезневского в: Трубачев О. Н. *Из исследований по праславянскому словообразованию*. С. 11.

¹¹² Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. С. 53; ЭССЯ. М., 1978. Вып. 5. С. 147—148.

¹¹³ Подробнее см.: Трубачев О. Н. *К истокам Руси (наблюдения лингвиста)*. М., 1993.

¹¹⁴ Трубачев О. Н. *Этногенез и культура древнейших славян*. С. 98.

¹¹⁵ Эйхлер Э. *Древнелужицкая языковая область по данным топонимики (к вопросу о славянском ономастическом атласе)* // *Вопросы языкознания*. 1962. № 6. С. 88.

¹¹⁶ Шустер-Шевц Х. *Язык лужицких сербов и его место в семье славянских языков* // *Вопросы языкознания*. 1976. № 6. С. 76 (со ссылкой на работы Э. Эйхлера).

¹¹⁷ *Słownik starożytności słowiańskich* / Pod red. W. Kowalenki., G. Labudy, T. Lehra-Spławińskiego. Wrocław etc., 1965. Т. II. S. 258.

¹¹⁸ ЭССЯ. М., 1977. Вып. 4. С. 87.

¹¹⁹ Там же. С. 107.

¹²⁰ Венгерские топонимы даны по: Petrov A. *Národopisna mapa Uher*. S. 81, 83.

¹²¹ Bezljaj F. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967. S. 154; Шустер-Шевц Х. Указ. соч. С. 89.

¹²² Słownik starożytności słowiańskich. Там же; Козлова Р. М. Структура праславянского слова. С. 130.

¹²³ Іліаді О. І. Из слов'янської гідронімії: *Боржава* // Наукові записки Тернопільського державного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Мовознавство. Тернопіль, 2003. С. 94–95.

¹²⁴ Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. Гомель, 1997. С. 128–129, 130, 157, 169.

¹²⁵ Козлова Р. М. Указ. соч. С. 119.

¹²⁶ Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971. Knj. I. S. 277.

¹²⁷ Словник гідронімів України. С. 117, 373.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

- Авест. — авестийский
алб. — албанский
англ. — английский
араб. — арабский
армян. — армянский
балт. — балтийский
блр. — белорусский
бойк. — бойковский
болг. — болгарский
б.-ром. — балканороманский
бур. — бурятский
венг. — венгерский
вепс. — вепский
влад. — владимирский
в.-луж. — верхнелужицкий
вод. — водский
волог. — вологодский
герм. — германский
гот. — готский
гр. — греческий
гуц. — гуцульский
д.-англ. — древнеанглийский
дат. — датский
д.-в.-нем. — древневерхненемецкий
д.-гр. — древнегреческий
д.-инд. — древнеиндийский
д.-иран. — древнеиранский
д.-ирл. — древнеирландский
д.-исл. — древнеисландский
д.-кит. — древнекитайский
д.-лат. — древнелатинский
д.-луж. — древнелужицкий
д.-новг. — древненовгородский
д.-прус. — древнепруссский
д.-рус. — древнерусский
д.-сакс. — древнесаксонский
д.-сев. — древнесеверный
д.-серб. — древнесербский
д.-тюрк. — древнетюркский
д.-фриз. — древнефризский
д.-чеш. — древнечешский

- зильск. — зильский
 и.-е. — индоевропейский
 ижор. — ижорский
 иллир. — иллирийский
 индоар. — индоарийский
 ир. — иранский
 итал. — итальянский
 кайк. — кайкавский
 карел. — карельский
 каринт. — каринтийский
 карп. — карпатский
 кашуб. — кашубский
 кельт. — кельтский
 курск. — курский
 кыпч. — кыпчакский
 лат. — латинский
 лемк. — лемковский
 лесб. — лесбосский
 лит. — литовский
 лтш. — латышский
 мазур. — мазурский
 макед. — македонский
 мар. — марийский
 мл.-авест. — младоавестийский
 молд. — молдавский
 монг. — монгольский
 морав. — моравский
 морд. — мордовский
 морд. М — мокша-мордовский
 морд. Э — эрзя-мордовский
 моск. — московский
 н.-алб. — новоалбанский
 н.-гр. — новогреческий
 нем. — немецкий
 н.-луж. — нижнелужицкий
 новг. — новгородский
 норв. — норвежский
 орл. — орловский
 осет. — осетинский
 перм. — пермский
 перс. — персидский
 пол. — польский
 полаб. — полабский
 полесск. — полесский
 половецк. — половецкий
 полт. — полтавский
 помор. — поморский
 псков. — псковский
 псл. — праславянский
 р.-алб. — раннеалбанский
 резьян. — резьянский
 родоп. — родопский
 ром. — романский
 рум. — румынский
 рус. — русский
 рус.-ц.-слав. — русскоцерковно-славянский
 ряз. — рязанский
 с.-англ. — среднеанглийский
 с.-в.-нем. — средневерхненемецкий
 с.-гр. — среднегреческий
 с.-лат. — среднелатинский
 с.-славц. — среднесловацкий
 с.-шток. — среднештокавский
 серб. — сербский
 серб.-ц.-слав. — сербскоцерковнославянский
 сиб. — сибирский
 слав. — славянский

слвн. — словенский	фин. — финский
слвц. — словацкий	фин.-угор. — финно-угорский
словин. — словинский	фрак. — фракийский
смол. — смоленский	франц. — французский
ст.-блр. — старобелорусский	хант. — хантыйский
ст.-венг. — старовенгерский	хетг. — хеттский
ст.-макед. — старомакедонский	хорв. — хорватский
ст.-рус. — старорусский	ц.-слав. — церковнославянский
ст.-сл. — старославянский	чак. — чакавский
ст.-слвц. — старословацкий	черемис. — черемисский
ст.-укр. — староукраинский	чеш. — чешский
ст.-хорв. — старохорватский	швед. — шведский
ст.-чеш. — старочешский	ю.-слав. — южнославянский
схв. — сербо-хорватский	эвенк. — эвенкский
тат. — татарский	эст. — эстонский
твер. — тверской	язгулям. — язгулямский
том. — томский	якут. — якутский
тох. В — тохарский В	яросл. — ярославский
тур. — турецкий	
тюрк. — тюркский	
укр. — украинский	

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
1. ЭТИМОЛОГИЯ КАК НАУКА.....	10
2. НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ.....	17
3. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ.....	24
3.1. Понятие этимологического словаря.....	24
3.2. Этимологические словари письменно засвидетельствованных славянских языков.....	26
3.3. Этимологические словари праславянского языка.....	36
4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДОВ ЭТИМОЛОГИИ.....	39
5. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТИМОЛОГИИ.....	46
5.1. Семантическая типология.....	48
5.2. Привлечение данных всей лексико-семантической парадигмы.....	55
5.3. Табуизация лексики.....	56
6. ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТИМОЛОГИИ.....	65
6.1. Реализация формулы <i>telt</i> в восточнославянских языках.....	69
6.2. Дialeктные изменения формулы <i>tolot</i> в восточнославянских языках.....	73
6.3. Дialeктные изменения формул <i>teret</i> и <i>torot</i> в восточнославянских языках.....	81
6.4. Реализация формул <i>tyrt</i> / <i>tylt</i> в славянских диалектах и особенности их дальнейшего изменения.....	85
6.5. Типы диалектных фонетических процессов, искажающих исконную форму слов.....	94

7. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭТИМОЛОГИИ	123
7.1. Аффикация	125
7.1.1. Образование причастий и существительных от презентных основ	136
7.1.2. Образование имён от партиципиумных основ	138
7.2. Аблаут (апофония)	142
7.3. Индоевропейские грамматические «окаменелости» в праславянском	147
7.4. Этимологическое гнездо	150
7.4.1. Этимологическое гнездо и «заимствованная» лексика	158
8. ЛИНГВО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТИМОЛОГИИ	174
8.1. Взаимодействие славянских языков с неславянскими	179
8.1.1. Заимствования	179
8.1.2. Субстрат	188
8.1.3. Славянский лексический ингредиент в неславянских языках	190
8.2. Понятие диалектного членения праславянского языка	197
9. ЭТИМОЛОГИЯ И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ	219
10. ЭТИМОЛОГИЯ И ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА	227
11. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ	230
11.1. Народная этимология в ономастике. Этимологические словари онимной лексики	234
11.2. Этимологический анализ топонимии	238
11.2.1. Словообразовательные модели гидронимов	239
11.2.2. Словообразовательные модели ойконимов	243
11.3. Этимологический анализ антропонимии и этнонимии	249
11.4. Способы освоения славянского ономастического субстрата неславянскими этносами	255
СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ	266